

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВЕСТКА В МАСС МЕДИА И ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ¹

Аннотация. Политизация религиозной идентичности православных верующих является следствием сотрудничества Церкви и власти, а так же тенденции политизации православия в современной России. Проведенный в статье анализ освещения в новостных выпусках православных праздников и деятельности РПЦ позволил выявить основные фреймы политизации православия на уровне официального политического и религиозного дискурсов. Всего были выявлены четыре фрейма: совместная деятельность патриарха и президента, значение православия для «русской цивилизации», православие как основа геополитического единства, православие и социальная ответственность. Перечисленные фреймы значимы для дальнейшего исследования политизации религиозной идентичности современных православных.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православие и политика, религиозная идентичность, новости, анализ СМИ.

С 1990-х гг. Русская Православная Церковь (РПЦ) занимает активную общественную позицию. Это обусловлено влиянием трех взаимосвязанных факторов: (1) запрос со стороны некоторых политических групп, которые рассматривали сближение с РПЦ как средство достижения политического влияния; (2) обращение населения к православию как основе национальной идентичности; (3) стремление некоторых иерархов РПЦ сотрудничать с властью [1]. Патриарх Алексей стремился уменьшить вмешательство Церкви в политическую сферу: например, был введен запрет на участие священнослужителей в выборах. В то же время он видел задачу Церкви в нравственном воспитании общества; при его поддержке епархии начали активную работу с военнослужащими, был разработан курс «Основы религиозной культуры и светской этики» в школьную программу, позже эти проекты были реализованы патриархом Кириллом. После интронизации патриарха Кирилла Церковь активно участвует в формировании национальной идеологии через продвижение традиционных ценностей в публичной сфере; особенно это тенденция усилилась после 2011, когда патриарх Кирилл занял позицию поддержки власти

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта 16-03-00387.

во время выступлений оппозиции [2]. В этот период индикаторами идеологического сближения Церкви и власти стали утверждение списка традиционных ценностей (XIV заседание Всемирного Русского Народного Собора, 2011), использование духовных ценностей в патриотическом воспитании молодежи (2015).

Православное сообщество не является однородным, внутри него существуют различные точки зрения на сотрудничество Церкви и государства. После Перестройки в сознании некоторых групп верующих закрепилась связь между православием и политическими взглядами: православие – монархизм, православие – критика либерализма, православие – симфония государства и церкви. Были созданы такие организации как Всемирный Русский Народный Собор, Союз православных граждан, общество «Радонеж», Союз православных братств [3]. Часть верующих занимает толерантную позицию в отношении секулярного общества, другая, напротив, предлагает радикальную критику секулярных ценностей [4]. Однако, несмотря на неоднородность православного сообщества, можно говорить об общей тенденции политизации религиозной идентичности православных верующих. Под религиозной идентичностью мы понимаем систему ценностей, которая наделяет жизнь смыслом, задает ориентацию в окружающем мире [5, с. 56]. Идентичность представляет собой социальный конструкт; она образуется дискурсивно через артикуляцию знаков и соотнесение их в цепочки значений, которые противопоставлены другим цепочкам. Эти цепочки определяют, чем субъект является, чем не является. [6, с. 68]. Знаковые цепочки, которые конституируют религиозную идентичность, образуются на основе системы ценностей и поведенческих предписаний, которые изложены в Писании и Предании Церкви. Под политизацией религиозной идентичности мы понимаем формирование в сознании верующего смысловой корреляции между духовно-нравственными ценностями православия и политическими предпочтениями, усиление значимости политических взглядов в составе религиозной идентичности.

Политизация православия активно обсуждалась и обсуждается в СМИ. В зависимости от формы собственности, политической позиции владельцев различные СМИ по-разному освещали государственно-церковные отношения и политическую активность РПЦ. Наиболее влиятельные интернет порталы (rbc.ru, lenta.ru), являясь площадкой для выражения оппозиционных взглядов, заняли антиклерикальную позицию. К настоящему времени основные федеральные телеканалы контролируются государством через Министерство связи и массовых коммуникаций (предоставление частот для эфира), а также посредством назначения редакторов [7]. В своей информационной политике

федеральные телеканалы, с одной стороны, зависят от запросов и предпочтений аудитории, с другой, от позиции государства и государственной идеологии. Они уделяют большое внимание роли православия в формировании национальной и культурной идентичности, социальной и культурной деятельности РПЦ: в новостных сюжетах часто затрагиваются темы, темы связанные с православием и РПЦ, в эфирной сетки есть передачи с участием духовных лиц.

В этой статье анализируется характер освещения в новостных выпусках православных праздников и деятельности иерархов РПЦ. Результаты анализа позволят выявить направления политизации религиозной идентичности верующих, которая является следствием сотрудничества Церкви и власти и политизации православия в современной России. Освещение РПЦ и православия на федеральных каналах мы рассматриваем, с одной стороны, как отражение уже существующего положения дел: идеологического сближения Церкви и государства, и выражение взглядов, характерных для консервативной части православного сообщества. С другой стороны, это способ политизации православной той части аудитории, для которой телевидение является основным источником информации о политических событиях в стране.

Для анализа были отобраны федеральные телеканалы, т.к. они имеют наибольшее влияние на православную аудиторию: 99% населения смотрят телевизор, по крайней мере, 1 раз в месяц, 92% – раз в неделю, 72% – один раз в день. Больше всего времени за просмотром телевидения проводят люди в возрастной группе 55+, эта же группа демонстрирует наибольший интерес к новостным выпускам. Для анализа мы взяли два наиболее популярных федеральных телеканала по данным агентства Бренд Медиа – Россия 1 и Первый канал [8]; более 60% аудитории этих каналов составляют женщины старше 45 лет. Гендерно-возрастные структуры аудитории федеральных каналов и православных приходов схожи. Согласно данным социологического опроса по Свердловской области, значительную часть православных верующих составляют женщины (более 60% в каждой возрастной группе, в среднем по выборке 71%), 45% составляют прихожане старше 45 лет¹. Таким образом, телевидение потенциально оказывает

¹ Социологическое исследование проводилось в приходах Екатеринбургской митрополии с июля по сентябрь 2015 и было выполнено при финансовой поддержке РГНФ и правительства Свердловской области в рамках научного проекта 15-13-66601

наибольшее влияние на формирование политических предпочтений православной аудитории старше 45 лет.

Основным теоретико-методологическим положением исследования является вывод, сделанный Т. Ван Дейком в рамках применения критического дискурса анализа к исследованию медиа [9]. Масс медиа влияют на предпочтения и взгляды аудитории через целенаправленное формирование повестки (отбор событий и тем, способ их освещения). Дж. Клаппер в своем исследовании «Воздействие массовой коммуникации» показал, что наибольшая степень влияния медиа на реципиента достигается тогда, когда у индивида изначально нет никакого или почти никакого представления о тех проблемах, о которых сообщают массмедиа; в этом случае его представление о событиях будет сформировано массмедиа. В тех случаях, когда у индивида есть непосредственное знание «массовая коммуникация, не является необходимым и достаточным источником изменений» [10, с. 63]. Таким образом, сфера политического является областью, которая является предметом медийного конструирования; наше знание о политическом в большой степени опосредовано медийными процессами. Эмпирической основой исследования стали новостные сюжеты, связанные с православием и РПЦ, показанные в вечерних выпусках новостей в период с 1 ноября 2015 по 31 января 2016 на каналах Россия 1 и Первый канал.

Православие на федеральных телеканалах: празднование Дня народного единства и Рождества

На двух федеральных телеканалах религиозная повестка схожа и лишена разнообразия. В новостной повестке значительно больше внимания уделяется РПЦ и православию, чем освещению деятельности представителей других конфессий. Ключевыми православными событиями исследуемого периода были: празднование дня народного единства, совпадающего с днем Казанской иконы Божьей Матери (4 ноября), генетическая экспертиза царских останков (ноябрь), конфликт между Московским патриархатом РПЦ и Украинским патриархатом, который выступает за автономию украинской церкви (декабрь), Рождество (7 января), Крещение (19 января).

По сравнению с Первым каналом, на канале Россия 1 большее внимание уделяется православной тематике: с ноября по январь 2016 РПЦ или православие упоминаются в 22 выпусках из 70, на Первом канале в 16 выпусках. Православие инкорпорировано в состав национальной идеологии; сюжеты Россия 1 носят в большей степени оценочный, нежели информационный характер, делается акцент на роли православия для благополучия и развития «русского мира». В данном случае религиозное не отделено от политического: вербальными и

невербальными средствами подчеркивается политическая равнозначность патриарха и президента, высказывания и действия иерархов РПЦ используются для подтверждения политических взглядов редакции телеканала. В некоторых сюжетах, чтобы подчеркнуть правоту говорящего, вызывать к нему доверие зрителей на заднем плане показывают иконы. Сюжеты о религии сделаны по принципу небольших фильмов: их цель не информировать, а убедить слушателей. Новостные выпуски слабо структурированы: не имеют специальных подзаголовков, как бы представляют собой части единого повествования, в некоторых случаях религиозные и светские темы объединены в один сюжет. Речь дикторов и журналистов быстрая, тревожная, незначительное внимание уделяется фактам (цифры, историческая справка и проч.).

В репортажах журналистов 1 канала так же присутствует идеологическая составляющая, но православие описывается или с секулярной точки зрения, или как одно из возможных оснований национального единства. Журналисты, несмотря на идеологический фон репортажа, дают обширные исторические справки, снабжают репортаж большим количеством фактов. В репортажах четко разделяется позиция РПЦ и позиция телеканала, позиция правительства; подчеркивается отделенность Церкви и государства, сюжеты имеют подчеркнута светский характер. Во многих выпусках большое внимание уделяется мнению прихожан, где они описывают либо значимость для них религиозных праздников, либо дают свою оценку происходящему; на канале Россия 1 люди говорят не о себе, но от имени нации. Различия в понимании соотношения религиозного и светского на двух каналах хорошо прослеживаются при детальном анализе ключевых репортажей этого периода: празднование Дня народного единства и Рождества.

Празднованию Дня народного единства в новостях телеканала Россия 1 посвящены два сюжета общей продолжительностью 8,8 мин. Первый сюжет описывает сначала гражданское празднование, потом показаны службы в различных городах, крестные ходы. Указывается, что день Казанской иконы Божьей Матери символизирует день народного единства¹. Подчеркивается, что президент и патриарх сов-

¹ 4 ноября 1612 года бойцы народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город освободили Кремль. Князь Пожарский вступил в Китай-город с Казанской иконой Божией Матери и, согласно гораздо более позднему свидетельству, поклялся построить храм в память этой победы.

местно возложили цветы к памятнику Минина и Пожарскому [11]. На первом канале эту празднику посвящено три информационных сюжета: гражданское празднование 5,15 мин, о религиозном празднике Казанской иконы Божьей Матери 0,33 мин, посещение В.В. Путиным выставки «Православная Русь» 1,5 мин. Религиозное событие подано как частный (но значимый) эпизод большего, общегосударственного события; сюжет чёткий, быстрый, информативный, светский. Журналисты подчеркивают, что «День гражданского единства совпадает с празднованием Казанской иконы Божьей Матери» [12]. Сначала описываются действия президента, а затем патриарха, эти фигуры не ставятся в один ряд: «Путин возложил цветы к памятнику Минину и Пожарскому, вместе с ним патриарх Кирилл и представители других конфессий» [12].

Празднованию Рождества на канале Россия 1 посвящено 5 отдельных сюжетов общей продолжительностью 18,15 минут: празднование Рождества в России, святочные гуляния, празднование Рождества в других странах, особое внимание уделено Сирии, празднование на Украине, празднование в Крыму и в Кронштадте. В сюжетах присутствует сильная эмоциональная составляющая: белоснежные хризантемы, интервью с плачущей женщиной из Сирии, затем сразу же молитва патриарха о мире во всем мире. Отрывок из рождественского обращения патриарха занимает 1,44 минуты, в центре внимания преодоление агрессии, ненависти, отчуждения между людьми. Православие упоминается довольно часто в контексте военной проблематике: два репортажа описывают празднование Рождества военными (российские в Сирии, моряки в Кронштадте), один описывает празднование Рождества на Донбассе, несмотря на военные действия. Подчеркивается миротворческая функция православия в военных конфликтах. [13]. Рождественским торжествам на первом канале посвящено три сюжета общей продолжительностью 5,92 минуты: Рождество в России, празднование на российской военной базе в Сирии, Литургия в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга. Отрывок из рождественского обращения патриарха занимает 0,45 минут и посвящен важности социальной взаимопомощи. Все репортажи носят подчеркнуто светский характер, дается подробная историческая справка о значении религиозного праздника, приводятся многочисленные интервью с верующими, о том, какое значение этот праздник играет в их жизни; зачастую это способ инкорпорировать политическое содержание в освещение православного праздника. В отобранных интервью акцент на роли православия в поддержке и взаимопомощи: «Моя бабушка дожила до 104 лет, и я не понаслышке знаю, что такое вера. Вера в другого человека, вера в себя, вера в ту страну, где ты живешь. У нас

великолепная страна, великолепные люди, и мы можем друг для друга постараться. Я желаю в следующем году всем друг для друга постараться чуть-чуть больше» [14].

Несмотря на практически полное совпадение религиозной повестки, на каналах Россия 1 и 1 канал применяются два разных способа освещения религиозных событий: в первом случае это использование религии в политических и идеологических целях, во втором информирование о происходящих событиях. Журналисты 1 канала стремятся не только рассказать об историческом и религиозном значении праздников, но и вызвать соучастие зрителей. В репортажах большое место отводится интервью с верующими, где они описывают свои переживания и значения для них религиозных праздников; это делает православие более симпатичным и понятным для нерелигиозной части общества. Этот подход позволяет снять существующие в обществе противоречие между светским и религиозным. Канал Россия 1 использует пост-секулярный подход к освещению религии, определяя религиозное как значимую составляющую общественного и политического; журналисты 1 канала занимают секулярную точку зрения. Это различие хорошо прослеживается в количестве времени, которое уделяется религиозной проблематике на обоих каналах.

Из анализа репортажей видно, что освещение православия и деятельности РПЦ более политизировано на канале Россия 1, чем на 1 канале. Три фрейма выражают политизацию православия на канале Россия 1: совместная деятельность патриарха и президента, значение православия для «русской цивилизации», православие как основа геополитического единства. При освещении православных праздников, а так же тем, косвенно связанных с православием (например, развитие внутреннего туризма в регионе), подчеркивается культурное и историческое значение православия для развития «русской цивилизации». Через освещение празднования православных праздников на территории различных государств (Украина, Сирия, Крым и др.) формируется образ геополитического единства «русского мира». На 1 канале политическое значение православия представлено через его социальную функцию: православие и борьба с неравенством и социальной несправедливостью, православие и внимательное, уважительное отношение к другим людям, православие и любовь к своей стране. В результате анализов выпусков на этом канале мы выделили один фрейм, описывающий политизацию православия: православие и социальная ответственность.

Заключение

В ходе анализа новостных сюжетов нами были выделены фреймы, отражающие линии политизации православия: совместная

деятельность патриарха и президента, значение православия для «русской цивилизации», православие как основа геополитического единства, православие и социальная ответственность. Эти фреймы отражают основные линии политизации православия на уровне официального православного и политического дискурсов. Они так же определяют возможные направления политизации религиозной идентичности православной аудитории телеканалов; в особенности этому подвержена женская аудитория телеканалов, старше 45 лет. Способы обсуждения в телевизионных программах событий, связанных с православием и РПЦ, могут иметь различное влияние на религиозную и нерелигиозную аудиторию. В случае с нерелигиозной аудиторией, под влиянием новостных программ православие может быть использовано как идеологический ресурс для обоснования культурной, исторической, национальной значимости тех или иных политических убеждений. Это также может привести к негативному отношению к православию у секулярной части аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mitrofanova, A. and Knox, Z. «The Russian Orthodox Church». In *Eastern Christianity and Politics in the XXI Century*, edited by Lucian N. Leustean, 38-67. London, New York: Routledge, 2014.
2. Кнопре Б. Русское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти // *Монтаж и демонтаж секулярного мира*; под ред. А. Малашенко, С. Филатов. – М.: Центр Карнеги, 2014. – С. 42-103.
3. Верховский А.М. Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995-2001 гг. – М., 2003.
4. Рыжова С.В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*, под ред. В.С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2007. – С. 158-168.
5. Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture*: in 3 vol. Vol. II: *The Power of Identity*. – Oxford: Blackwell, 2010. – 584 p.
6. Филис Л., Йоргенсен М.В. *Дискурс анализ: теория и метод*. Гуманитарный центр, 2004.
7. Smaele, De Hedwig (2007). *Mass Media and the Information Climate in Russia*. “*Europe-Asia Studies*”, Vol. 59 (8), P. 1299-1313.
8. Основные телевизионные тренды (рейтинг аналитической службы TNS group), 2014. URL: http://rusbrand.com/files/gpd/gpd_20150327_presentation.pdf (дата обращения 18.08.16).
9. Дейк Т.А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

10. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999.

11. Вечерний выпуск новостей на канале Россия 1 от 04.11.2015. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/58500/episode_id/1243567/video_id/1399767/viewtype/picture/ (дата обращения: 18.08.16).

12. Вечерний выпуск новостей на 1 канале от 04.11.2015. URL: <http://www.1tv.ru/newsarchive/04.11.2015> (дата обращения 18.08.16).

13. Вечерний выпуск новостей на канале Россия 1 от 07.01.2016. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/58500/episode_id/1263608/video_id/1427122/viewtype/picture/ (дата обращения 18.08.16).

14. Вечерний выпуск новостей на 1 канале от 07.01.2016. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/299575> (дата обращения 18.08.16).

*Истомин А.Г.
(Россия, Белгород)*

РИТУАЛЫ ЕДИНЕНИЯ В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ БЕЛГОРОДА

Аннотация. Статья содержит краткую характеристику ритуалов единения городского сообщества города Белгорода, полученную в результате качественного этапа социологического исследования (методом анкетирования и фокус-групп). В основу теоретической модели локальной идентичности, а именно ритуалов единения городских жителей положены разработки П.Л. Крупкина.

Ключевые слова: локальная идентичность, Белгород, городское сообщество, коллективные представления, ритуалы единения.

Локальная идентичность – это идентификация человека (группы) с местным сообществом, чувство любви к «малой родине», чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, поселка, села, микрорайона). Актуальность её изучения связана с отмечаемым исследователями повышением значимости данного вида идентичности в массовом сознании жителей России в начале XXI столетия. Как отмечает П.М. Козырева, «одним из подтверждений этого является последовательное увеличение долей респондентов, идентифицирующих себя с жителями своего города, поселка или села» [1]. Указанные различия, по её мнению, объясняются тем, что «в меньших общностях теснее социальное взаимодействие и прочнее связи между индивидами». Такое взаимодействие в большей мере опирается на эмоциональное отношение, тогда как при соотнесении с крупными соци-

альными объектами возрастает роль рационального и рефлексивного отношения.

В работе П.Л. Крупкина [2] предложена общая концепция структуры коллективных идентичностей (КИ). Согласно этой концепции практически каждая КИ содержит четыре базовых элемента: 1 – «центральное место», географическое или сугубо символическое; 2 – ценности/святыни («боги» локального сообщества); 3 – ритуалы единения и укрепления идентичности/солидарности участников; 4 – вклад участников в сообщество – материальный или символический. Помимо этого, группа с КИ обычно включает 5 – ядро и периферию, зачастую структурированную по статусным уровням.

В нашей статье мы уделим внимание, феномену ритуалов единения, жителей города Белгорода.

Исследование ритуалов единения, локальной идентичности Белгородцев было связано с выявлением важнейших общегородских событий и мероприятий, а также периодически проводимых событий и мероприятий более частного, группового, частного характера.

Для получения информации, необходимой для выявления ритуалов единения, было проведено исследование, в котором были применены такие методы сбора социологической информации, как анкетирование и Фокус-Группа. На основе данных, полученных в ходе исследования можно сделать выводы об элементах локальных ритуалов единения у Белгородцев.

При сборе социологической информации о ритуалах единения Белгородцев один из вопросов звучал так:

Какие важные, значимые городские праздники и мероприятия позволяют Вам почувствовать себя «белгородцем», испытать ощущение единства с другими жителями города? Выберите, пожалуйста, 2 наиболее важных для Вас события?

Данные опроса распределились следующим образом:

- День города – 78,8%;
- День победы – 70%;
- Новый год – 14,2%;
- День знаний возле НИУ «БелГУ» – 13,4%;
- «Ночь в музее» – 9%;
- Масленица – 4%;
- Фестиваль воздушных шаров – 3%.

Самыми важными праздниками города респонденты считают День Победы (9 мая) и День освобождения города от немецко-фашистских захватчиков (День города – 5 августа). Нередко упоминались также Новый год и Масленица. Следует отметить, что это «стандартный» набор общегородских праздников для российских го-

родов, среди которых Белгород в данном плане не выглядит исключением. Вот, например, результаты ответов на этот же вопрос, но только во Владимире [3]:

- День города – 62%;
- День победы – 46%;
- Новый год – 35%;
- Выходы всей семьей «в город» - культурные (театры, парки) и гастрономические (в рестораны) – 13%;
- Фестиваль «День огурца» в Суздале – 11%;
- Дни двора, дни улицы – 9%;
- Крестные ходы – 8%.

В целом, можно отметить, что основной ресурс воспроизводства локальной идентичности белгородцев – это общенациональные и общегородские праздники. Интересно отметить, что пока не заняли своего места в структуре городской идентичности события, которые по определению являются формирующими город и горожан – выборы и различные виды гражданской активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в её формировании // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 29-39.

2. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа. // Социологический журнал. – 2013. – №4. – С. 305-320.

3. Задорин И.В., Евстафеев Р.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д., Шубина Л.В. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. Итоговый аналитический отчет о результатах массовых опросов населения // Исследовательская группа ЦИР-КОН. – 2015. – С. 44-46.

*Маркович Э.М.
(Россия, Белгород)*

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ РЕЛИГИИ В ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. Дисциплина «Основы религиозных культур и светской этики» должна функционировать не в авторитарном стиле. Автор исследовала проблемы интеграции религии в школу. Большинство школьников доверяет семье, а в 2008 году доверяло школе. Знания о религии нужны в светском образовании.

Ключевые слова: религия, школа, опрос.

В настоящее время в Российской Федерации в общеобразовательных учреждениях введена дисциплина, призванная давать учащимся знания о религии (религиях). Также поднимается вопрос о том, чтобы распространить всеобщее преподавание учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) на старшие классы. Однако ни один проект не учитывает в достаточной мере установки родителей и самих школьников в данной области. Такая ситуация складывается в связи с тем, что образовательный процесс понимается как авторитарный процесс передачи информации от педагога к школьнику и формирования установок, мнений, навыков, а также из убеждения о том, что данная дисциплина несет положительный результат независимо от того, как её преподают.

Образование является двусторонним процессом, который предполагает активную вовлеченность в него как преподавателя, так и обучающегося. Поэтому актуальным остается вопрос о систематическом включении в рефлексию образовательного процесса учёта текущего образовательного эффекта, который может иметь «нелинейный» характер. В особенности это относится к таким образовательным инновациям, как курсы о религии, в значительной своей части конфессионально ориентированные. Преподавание таких курсов зачастую имеет конфессионально насыщенную окраску, что вступает в противоречие с традиционно светскими контекстами школьного и повседневного знания. Как следствие, не всегда преподавание подобных курсов соответствует принципам светскости образования и поликонфессиональности образования.

Построение системы общего среднего образования является одной из наиболее значимых задач государства, так как от уровня образованности населения зависит внутреннее развитие страны и ее статус на международной арене.

В настоящее время у российских граждан четко сохраняется в сознании представление о высокой значимости религии в жизни человека и общества. Широко распространено убеждение о том, что религия положительно влияет на индивидуальную и общественную нравственность. Безусловно, это убеждение влияет и на реформы в образовательной среде. Деятельность органов исполнительной власти федерального, регионального, муниципального уровней и уровня образовательной организации восьмидесяти пяти субъектов Российской Федерации сегодня направлена на внедрение комплексного учебного курса «Основ религиозной культуры и светской этики» в общеобразова-

зовательные организации. Все это обуславливает актуальность темы интеграции религии в образование.

Для получения достоверной картины проблем интеграции религии в общее среднее образование в Белгородской области было проведено авторское социологическое исследование «Проблемы интеграции религии в общее среднее образование» (авторы: проф. кафедры социологии и организации работы с молодежью Института Управления НИУ «БелГУ» С.Д. Лебедев и студентка кафедры социологии и организации работы с молодежью Маркович (Карманчикова) Э. М.) с помощью двух методов получения социологической информации: анкетирование и фокусированное интервью. Основным методом сбора эмпирических данных стало анкетирование. Для проведения исследования методом опроса сформирована двухступенчатая районированная выборка. Анкетирование проводилось среди обучающихся школ Белгородской области. Объем выборочной совокупности составил 601 человек. Доля сельского населения – 284 человека. Городского населения – 317 человек. Так же для более точной и достоверной информации при проведении исследования использовался метод фокус-групп. Сочетание количественной и качественной методологии анализа данных позволяет дать оценку основных тенденций формирования отношения учащихся к ведению предметов о религии в школьной программе, осуществить глубокий анализ факторов, это отношение формирующих.

Результаты данного социологического исследования показывают следующее. По итогам социологического исследования «Проблемы интеграции религии в общее среднее образование» более половины (а именно 58%) обучающихся средних общеобразовательных школ Белгородской области основными «значимыми другими» («референтами») в вопросах религии указали семью и школу.

Наибольшее доверие в качестве авторитетов по религиозной тематике у белгородских школьников вызывает семья (72%); на втором месте священнослужители (35%) и третье место по уровню доверия занимают авторитетные для них знакомые (16%). Интересно, что в исследовании 2008 года первое место в плане доверия занимала школа (54%), второе – семья (43%), далее шел «церковный канал» (14%). Следует отметить, что за прошедшие годы уровень доверия к семье в области религии существенно вырос, а к учителю и учебнику значительно снизился. Уровень доверия к церковному каналу получения знаний о религии так же стал несколько выше.

Так же при проективной оценке преподавания курсов о религии в общей средней школе подавляющее большинство опрошенных обу-

чающихся школ Белгородской области (91%) отметили, что курс о религии необходим в светской школе.

Для большинства (58%) обучающихся средних общеобразовательных школ Белгородской области при изучении курса о религии в школьной программе преобладает информационная функция: учащиеся школ больше узнали о религии и религиозной культуре. Помимо этого, соответствующие учебные курсы в заметной степени выполняют функции культурно-исторического воспитания и воспитания нравственно-этического сознания.

Подавляющее большинство опрошенных учащихся школ Белгородской области (а именно 97%) отметили, что конфликтов, недочетов, недостатков при изучении курса о религии у них не было.

В целом, можно говорить о том, что ситуация преподавания курсов о религии в школах Белгородской области выглядит достаточно благоприятной с точки зрения учёта конституционных прав и свобод обучающихся, их интересов и целей и задач образовательного процесса. При этом исследование выявило серьёзную проблему преподавания в средних общеобразовательных школах региона курсов о религии, которая заключается в существовании противоречия между высокой востребованностью такого курса обучающимися и низким (и существенно снизившимся за 7 лет) уровнем доверия школьников к учителю и учебнику как источникам знания о религии. Указанное противоречие, на наш взгляд, должно стать предметом особенного внимания региональных органов управления образованием и учёного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константиновский Д.Л. Образование как важнейший ресурс для личности и общества [Текст] / Д.Л. Константиновский // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. – 2008. – № 11. – С. 33-34.
2. Карасева С. Г. Предпосылки и перспективы включения курса о религии в школьную программу Беларуси // *Социология*. Минск, 2013. – С. 8-17.
3. Лебедев С.Д. Особенности рефлексии религиозной культуры в современном российском образовании // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. – 2015. – № 4 (Т.2). Философия. – С. 201-212.
4. Синелина Ю.Ю. Уровень религиозности населения в г. Белгороде и отношение белгородцев к введению учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» [Текст] / Ю.Ю. Синелина // *Научные труды, воспоминания*. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 138-145.

*Микешин И.М.
(Финляндия, Хельсинки)*

РУССКИЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ КАК ТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анотация. Статья рассматривает русскоязычный евангелический протестантизм как актуальную тему для исследователей в сфере социальных наук. Особо отмечается 150-летняя история маргинализации и гонений русских протестантов и формирование их специфичности. В качестве специфических черт подчеркиваются условия, в которых зарождался и развивался русский евангелический протестантизм, в частности, непростой диалог с православием, изоляция общин в периоды гонений, Синодальный перевод Библии как основа для особого рода религиозного нарратива русских протестантов и роль евангеликов в современной России. В качестве яркого примера специфичности приводится реабилитационное служение для зависимых людей.

Ключевые слова: евангелический протестантизм, Россия, реабилитация зависимых.

Статья посвящена феномену русского протестантизма и причинам, по которым этот феномен является актуальной темой для исследований в социальных науках. Несмотря на очевидную маргинальность в публичной сфере, в общественном мнении и на религиозном рынке современной России, русскому евангелическому протестантизму следует уделить самое пристальное внимание. Статья опирается на этнографическое исследование реабилитационного служения Евангельских Христиан-Баптистов (далее –ЕХБ) на Северо-Западе России [21] и более общее исследование российского евангелического христианства [22].

Тема статьи обозначена двумя понятиями, каждое из которых заслуживает отдельного внимания. Эти понятия –евангелический протестантизм и русский (евангелический) протестантизм. Евангелическое¹ христианство – это перевод устоявшегося в англоязычной исследовательской традиции термина Evangelicalism. Такое направление также известно как христианство рожденных свыше (Born-again

¹ Я не использую здесь термин «Евангельское христианство» чтобы избежать путаницы названием одного из крупнейших протестантских движений в России – Евангельских христиан. В разное время они выступали либо как независимое движение (до 1944 г.), либо образовывали единый союз с баптистами, либо (примерно с 1991 г.) представлены оба варианта.

Christianity) или христианство верующих в Библию (Bible-believing Christianity). Движение евангеликов происходит из различных направлений протестантизма и традиционно к нему относится типологически, хотя это не всегда устраивает самих верующих¹. Догматически для этих течений характерен фокус на непререкаемом авторитете Библии как непогрешимого и исчерпывающего руководства в вере и в жизни, принятии заместительной жертвы Христа на кресте как единственном условии спасения человека, необходимости индивидуального обращения каждого верующего и активизм в распространении евангельского послания среди неверующих [12].

Феномен, которому посвящена статья, я называю именно русским, а не российским течением протестантизма. Активность евангелических сообществ никогда не ограничивались ни территорией дореволюционной или современной России, ни даже Советского Союза. Важную роль на разных этапах истории евангеликов в России играли события, люди и общины как на Украине, в Белоруссии, Латвии, Эстонии, Таджикистане и других республиках СССР, так и в Финляндии, Германии, Голландии и США, особенно в годы гонений и активного протестантского подполья [24; 6]. В частности, в указанных странах концентрировалась как деятельность верующих эмигрантов, так и рождалось множество рискованных евангелизационных проектов, таких как контрабанда религиозной литературы в Советский Союз и ответных писем с детальным описанием гонений, адресованных западным братьям и сестрам по вере.

Речь в статье идет главным образом о трех деноминациях, в разное время представленных в различных объединениях и независимых незарегистрированных общинах: это ЕХБ (появившиеся в результате слияния в 1944 году двух течений, Евангельских христиан и Баптистов), Пятидесятники и Адвентисты седьмого дня. Именно эти направления действуют в России на протяжении около ста пятидесяти лет, в отличие от не так давно восстановленных лютеранских общин, Армии спасения, мормонов и прочих традиционно иностранных общин, а также множества харизматических конгрегаций, появившихся в последние 25-30 лет.

Краткая история евангелического протестантизма в России

Роль протестантизма и протестантов в политической и культурной истории страны еще с петровских времен сложно переоценить.

¹ В качестве основного аргумента они обычно возводят баптистскую церковь не ко временам Реформации, а к апостолам [см., например, 19], что, в принципе, характерно практически для всех протестантов [9].

Однако, до второй половины XIX века протестантизм был представлен исключительно иностранными диаспорам. История русских евангеликов насчитывает примерно сто пятьдесят лет, когда появились первые русскоязычные общины, состоящие преимущественно из русскоязычных российских подданных. Эти общины формировались в трех основных регионах. Под влиянием голландских меннонитов и немецких лютеран и баптистов на Украине появились общины так называемых «штундистов». По аналогии с немецким понятием *Stunde* – «час [для изучения Библии]» – штундисты особое внимание уделяли всестороннему изучению Писания. На Кавказе усиливалось влияние общин молокан – старой русской антиклерикальной группы духовных христиан, причисленной к опасным ересям. Молокане находили в теологии баптизма много общего со своим учением и многие из них обращались в новую, более четко сформулированную и институционализированную веру. Наконец, в Санкт-Петербурге евангельское христианство получило распространение в аристократических кругах, под влиянием отставного плоковника Василия Пашкова и его духовного наставника англичанина лорда Рэдстока. Вскоре, обращенные аристократы активно привлекали свою прислугу к служению, попутно отказываясь от сословных привилегий в собрании и проповеди.

С самого начала своего осмысленного существования русский протестантизм подвергся преследованию, главным образом за распространение ереси и обращение православных в иную веру. После учреждения в стране основ веротерпимости актом 1905 года и вплоть до поздних 20-х годов российские протестанты переживали период относительной свободы и бурного роста [14]. За годы сталинских репрессий протестанты потеряли значительное число пасторов и наиболее активных прихожан, некоторые из которых смогли уехать в эмиграцию, но большинство погибли. Либерализация религиозной политики в конце Великой Отечественной войны позволила наиболее лояльным протестантским общинам зарегистрироваться и объединиться. Так в 1944-45 годах образовался союз ЕХБ, принявший под свое крыло как одноименные течения, так и часть пятидесятников [5; 6].

Вопрос о лояльности власти и особенно о возможности государственной регистрации, подогреваемый усиленной антирелигиозной кампанией Н. Хрущева, разделил русских протестантов на два лагеря [5; 6]. Гонения, маргинализация и изоляция особенно остро затронули нерегистрированные подпольные общины [24], которые послужили прообразом для конструирования имиджа «сектантов» как агентов влияния Запада. С эпохой брежневского «застоя» гонения на протестантов ничуть не уменьшились, и многочисленные тюремные

сроки, лишения родительских прав, сносы домов молитвы и служащих ими частных домов, преследования и разгром активного протестантского подполья продолжались вплоть до либерализации религиозной политики во время Перестройки [6; 24].

С наступлением перестройки, а особенно после развала Советского Союза, Россия испытала небывалый подъем интереса к религии, наплыв миссионеров различного толка из за рубежа и неофитов в уже существующих общинах. Традиционные евангелические протестантские церкви также возросли в числе, однако теперь конкуренцию им составили многочисленные новые христианские течения, такие как неопятидесятники или харизматы. Этому безусловно интересному феномену посвящены отдельные исследования [см., например, 11; 7; 3; 17], но безусловно он заслуживает большего пристального внимания.

Помимо богословских и публицистических работ самих верующих, академические исследования русского евангелического протестантизма в большей мере сфокусированы на истории общин и их взаимодействии с властью и обществом [6; 2; 8; 24; 14; 1]. Отдельного внимания заслуживают комплексные исследования баптистов Л. Митрохина [1997]. Социальные антропологи уделяют внимание особым аспектам постсоветского протестантизма, таким как характерные нарративы обращения [18; 23; 27; 4] и миссионерский и социальный активизм протестантов [13; 16; 21; 25]. Тем не менее, русский протестантизм как основная тема исследований не входит в число востребованных и популярных ни в России, ни за рубежом.

Специфика русского евангелического протестантизма

Русский евангелический протестантизм сегодня представляет собой совершенно уникальное явление в ряду евангелических движений в мире, прежде всего стремительно растущих пятидесятнических и харизматических общин в Африке, Азии и Латинской Америке, а также консервативных евангеликов и фундаменталистов в США. С одной стороны, русский протестантизм строго следует основным принципам глобального евангелизма. С другой стороны, все эти принципы в условиях русского политического, социокультурного, исторического и особенно лингвистического контекста приобретают свой специфический характер, начиная с интерпретации основ христианской веры в условиях российского общества, заканчивая толкованием Писания сквозь призму русского Синодального перевода Библии.

Протестантские богословские принципы были сформулированы Мартином Лютером в виде пяти «только» (*quinque solae*). Они провозглашают спасение только верой через личное обращение, только по-

средством Христа как единственного и необходимого посредника между Богом и человеком, только благодаря благодати Божией (спасение не является заслугой грешного человека), поклонение только одному Богу и авторитет только Библии как полного руководства в вере и повседневной жизни. Для русских евангеликов характерен литургический и нравственный консерватизм и акцент на всестороннее изучение Библии как основы христианской жизни. В отличие от традиционного западноевропейского протестантизма, который противопоставлял *quinque solae* католической догматике, в российских условиях основы протестантизма трактуются как ответ православию, конечно же в его упрощенной трактовке евангеликами.

Соответственно, евангелики признают спасение только верой, благочестие и добродетель не играют роли в спасении, как в православии¹. Безусловно, протестантизм также признает важность нравственного поведения. Однако доктрина *sola fide* (только верой) провозглашает веру как единственное и необходимое условие спасения. Добрые дела, благочестие, мораль и нравственность являются следствием и даже доказательством обращения. Принцип *solus Christus* – «только Христос» – провозглашает Христа единственным посредником между Богом и человеком. Никакой человек, даже помазанный священник, а тем более давно умерший святой заступник, не может выступать в этой роли. В то же время, другая формулировка этого принципа, *solo Christo* – «только через Христа» – утверждает заместительную жертву Христа на кресте как единственную возможность спасения. Христос умер за наши грехи, таким образом тем, кто эту жертву признал через личное обращение, не нужно расплачиваться за них повторно. *Soli Deo gloria* – «[вся] слава только Богу» – в российском контексте отчасти является ответом на поклонение Богородице, святым и иконам в православной традиции. Кроме того, в повседневной трактовке, например, ЕХБ этот принцип также оберегает от поклонения всевозможным кумирам, к которым также часто относят и материальное благополучие.

Принцип *sola gratia* – «только благодатью [Божией]» – отрицает всякую заслугу человека в его спасении. Спасение возможно только по милости Божией. Однако, разные трактовки этого принципа послужили причиной одного из основных споров в истории протестантизма – спора между кальвинистской и арминианской сотериологией.

¹ Доктрина «добрых дел» в православии выходит далеко за рамки просто благочестивого поведения, включая, например, принадлежность к истинной церкви, обладающей апостольским преемством.

Кальвинизм отдает вопрос спасения целиком Божьему промыслу, утверждая, что Бог заранее предопределяет одних людей на спасение, а других –на погибель (согласно так называемой доктрине «двойного предопределения»). Арминианизм (названный так по имени своего основателя, голландского теолога Якоба Арминия) признает свободу воли человека в выборе спасения или в отказе от него, а также возможность потерять спасение уже после обращения. В западной протестантской традиции, особенно в США, этот спор актуален и в наши дни, но численно преобладает кальвинизм, тогда как в России большинство евангеликов (не учитывая новые харизматические движения) склоняются к арминианству. Соответственно, проповедь и евангелизационные послания строятся на необходимости осознанного принятия Христа взрослым думающим человеком.

Sola Scriptura – «только Писание» –это один из характеризующих принципов евангелического протестантизма. Как я уже отмечал, евангеликов в англоязычной традиции часто называют *Bible-believing Christians* (христиане верующие в Библию) именно за их акцент на библейском тексте. В отличие от православных и католиков, евангелики не признают Святое Предание как источник толкования Писания. Библия, по их убеждению, должна толковаться только Библией. Сформулированный таким образом принцип библейского литературализма на практике представляет собой крайне разнородные нарративы, подчас конфликтующие между собой (например, в том же сотериологическом споре кальвинистов и арминиан обе стороны черпают аргументы из Нового Завета). У российских евангеликов также представлен широкий спектр герменевтических традиций, которые, однако, имеют одну общую характерную черту. В отличие от англоязычной традиции, подавляющее большинство русскоязычных христиан всех направлений использует один и тот же перевод Библии – Синодальный. Этот перевод имеет свою специфическую историю создания [см., например, 10], по сравнению с множеством современных переводов он довольно старый, кроме того, он ритмичен и поэтичен, что тоже добавляет своеобразия основанной на нем герменевтике. Поскольку большую часть евангелических сообществ составляют обращенные из числа бездомных, заключенных или зависимых, повседневная «профанная» герменевтика на основе Синодальной Библии также включает элементы тюремной или уличной логики и морали [4].

Полная лишений и гонений история русского евангелического протестантизма создала уникальные условия для его развития. Главной особенностью этого развития была практически постоянная изоляция протестантских общин, в первую очередь от единоверцев за рубежом. В

этих условиях отчетливо сформировалась идентичность каждой общины и деноминации, что не характерно, например, для протестантов в США, которые гораздо большее внимание придают политическим, а не теологическим различиям [20]. При этом, в каждой общине преобладают свои принципы герменевтики, теологии, литургии и даже образа жизни. Не смотря на маргинальность, роль протестантов в жизни определенных слоев российского общества сложно переоценить. Наибольшую активность протестанты проявляют в среде также маргинальных групп. Это люди, по схожим причинам отвергаемые российским обществом: бездомные, тяжело больные, химически зависимые, заключенные и недавно освободившиеся, престарелые, сироты и прочие. Кроме того, протестанты активны в самых изолированных областях постсоветского пространства, например, на Крайнем Севере, Дальнем Востоке или в Средней Азии.

Служение «Добрый Самарянин»

Одним из ярких примеров специфики русского евангелического протестантизма является служение реабилитации для алко и наркозависимых. Такого рода служения характерны для большинства протестантских общин, включая даже новые харизматические церкви. Наряду с тюремным, больничным и служением бездомным, реабилитационные центры являются одним из основных источников для пополнения церкви. Уверовав и перестав употреблять алкоголь и наркотики, новообращенные христиане подчас оказывают огромное влияние на членов своих семей, своих друзей, особенно тех, с кем они ранее вместе употребляли психоактивные вещества, приводя их в церковь. Кроме того, создавая новые семьи, протестанты традиционно рожают много детей, в конечном счете также пополняя ряды верующих¹.

Мое диссертационное исследование [21], полевой этап которого проходил с января 2014 по январь 2015 года, посвящено реабилитационному служению ЕХБ в Санкт-Петербурге. Служение «Добрый Самарянин» основано в 2004 году с использованием уже активно действующей в Красноярском крае модели. На сегодняшний день в служение входит более тридцати реабилитационных центров в Ленинградской области, Северо-Западной части России, Воронежской и Московской области, а также в Финляндии и Латвии. Реабилитаци-

¹ Нужно, однако, отметить, что членом церкви у большинства евангелических протестантов может считаться только взрослый человек, рожденный свыше (покаявшийся) и принявший крещение по вере, обычно после серьезной подготовки и собеседования или испытания.

онные центры организованы по принципу терапевтических сообществ – изолированные группы, возглавляемые уже прошедшими программу бывшими реабилитантами. Программа состоит из двух этапов, двухмесячной (социальной) реабилитации, практически полностью посвященной изучению Нового Завета и основ христианской жизни, и шестимесячной (социальной) адаптации, включающей уже полную Библию и физический труд для поддержания помещений центра в надлежащем состоянии и воспитании дисциплины¹.

Основой реабилитационной программы в «Добром Самарянине» является обращение в христианство. Фактически, реабилитация и обращение являются двумя сторонами одного и того же процесса, называемого Христианская реабилитация. Двойная природа реабилитации обусловлена двойной природой самой зависимости: физической (или химической), избавление от которой относительно легко, особенно в условиях стационара, и психологической, которая остается на всю жизнь [26]. Физическая зависимость преодолевается при помощи восьмимесячной изоляции и абстиненции, тогда как основной акцент приходится на психологическую трансформацию от зависимого погибающего грешника к христианину, свободному от зависимостей.

Реабилитация в условиях «Доброго Самарянина» возможна только через обращение. Само по себе обращение, по крайней мере для стороннего неверующего наблюдателя, состоит в изучении, усвоении и принятии языка Писания как языка не только литургии, но и коммуникации и даже мышления [см. также 15]. Как я уже отмечал ранее, этот нарратив сформулирован на основе Синодального перевода Библии. Кроме того, в условиях центра, где большинство реабилитантов имеет значительный опыт жизни на улице и в заключении, в повседневной интерпретации Библии, а особенно в практике применения библейских сентенций к жизни, огромную роль играет уличная и тюремная логика и мораль [4].

Кроме того, арминианская сотериология, распространенная у ЕХБ и представляющая спасение результатом свободного выбора взрослого человека, таким же образом позиционирует и реабилитацию. Согласно этой установке, зависимые люди имеют все шансы спастись как от употребления наркотиков, так и от вечной гибели за свои грехи. Для этого им предоставляются все необходимые аргу-

¹ Важно отметить, что «Добрый Самарянин» рассматривает труд как дополнительное средство, противопоставляя себя другим программам, использующим трудотерапию как основной способ реабилитации.

менты, содержащиеся в Писании, на основе которых им нужно сделать выбор: принять заместительную жертву Христа на кресте за свои грехи или лично расплачиваться за них в вечности.

Заключение

Итак, в чем заключается актуальность русского евангелического протестантизма для социальных наук? Это безусловно интересное сообщество, типично глобальное и в то же время типично локальное, крайне важно для понимания современного российского общества. Это малоизвестная, но очень важная социальная группа в современной России, которая активна в работе с маргинальными группами людей – там, где государство подчас дает сбой. История русских протестантов является ярким примером того, как гонения, подавление и изоляция не только не ликвидировали протестантизм в России, но и придали ему особый путь развития, обогатив мировой евангелизм уникальным примером самобытного богословия, догматики и герменевтики.

ЛИТЕРАТУРА

1.Белякова Н., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015.

2.Каретникова, М. Русское богоискательство. Национальные корни евангельско-баптистского движения // Альманах по истории Русского Баптизма, 3-83. – СПб: Библия для всех, 1999.

3.Кормина Ж. Гигиена сердца: дисциплина и вера «заново рожденных» харизматических христиан. Антропологический форум, 2013.

4.Микешин И. «Возлюбите чистое словесное молоко...»: Библейский либерализм в баптистском реабилитационном служении // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – №8 (3). – С. 55-64.

5.Митрохин Л. Баптизм: История и современность. (философско-социологические очерки). – СПб: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997.

6.Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

7.Панченко А. «Священный театр», тонкости морали и обряды перехода: антропология глобального христианства в современной России // Антропологический форум, 2013.

8.Панченко А. «Трясуны»: дисциплинарное общество, политическая полиция и судьбы пятидесятничества в России // Антропологический форум. 2013.

9.Подберезский, И. Быть протестантом в России. – М.: Благовестник, 1996.

10. Тихомиров Б.А. Перевод Библии под эгидой Российского

Библейского общества. – М.: РБО, 2006. URL: http://www.biblia.ru/reading/new_translations/sinodal2.htm (дата обращения: 9.8.2016)

11. Штырков С. «Мы переступили черту ада»: евангелическое визионерство как инструмент социального контроля // Антропологический форум, 2013.

12. Bebbington, David. 1989. *Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s*. Grand Rapids, MI: Baker Book House.

13. Caldwell, Melissa. 2004. *Not by Bread Alone: Social Support in the New Russia*. Berkeley: University of California Press.

14. Coleman, Heather J. 2005. *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905-1929*. Bloomington: Indiana University Press.

15. Coleman, Simon. 2000. *The Globalisation of Charismatic Christianity: Spreading the Gospel of Prosperity*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

16. Koosa, Piret, and Art Leete. 2014. "Serving God by Being Neighbourly: Komi Protestants and Local Community Initiatives." *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society* 39 (2): 39–57.

17. Kuropatkina, Oksana. 2012. "The 'New' Pentecostals and the Russian 'National Idea.'" *Religion, State, and Society* 40(1):133-144.

18. Leete, Art, and Piret Koosa. 2012. "The Churches Were Opened and Lots of Missionaries Arrived: Dialogue between Komi Identity and Faith." *Folklore* 51: 171–90.

19. Lyons, Vernon C. no date. "Why Baptists are not Protestants." In: *Jesus Christ is the ONLY way to Heaven!* (http://www.jesus-is-savior.com/Believer's%20Corner/why_baptists_are_not_protestants.htm; дата обращения: 11.8.2016)

20. Marsden, George M. 2006. *Fundamentalism and American Culture*. New York: Oxford University Press.

21. Mikeshin, Igor. 2016. *How Jesus Changes Lives: Christian Rehabilitation in the Russian Baptist Ministry*. Research Series in Anthropology (University of Helsinki). Helsinki: Unigrafia.

22. Mikeshin, Igor. 2015. "Russian Evangelicalism Glocalized." *AnthroCyBib*. <http://www.blogs.hss.ed.ac.uk/anthrocybib/2015/03/06/occasional-paper-mikeshin-russian-evangelicalism-glocalized/> (retrieved on January 17, 2016)

23. Pelkmans, Mathijs, ed. 2009. *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*. New York: Berghahn Books.

24. Sawatsky, Walter. 1981. *Soviet Evangelicals Since World War II*. Kitchener, Ontario: Herald Press.

25. Vallikivi, Laur. 2014. "On The Edge of Space and Time: Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic." *Journal of Ethnology and Folkloristics* 8 (2): 95–120.

26. Volkow, Nora, and Ting-Kai Li. 2005. "The Neuroscience of Addiction." *Nature Neuroscience* 8 (11): 1429–30.

27. Wanner, Catherine. 2007. Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism. Ithaca: Cornell University Press.

*Пруцкова Е.В.
(Россия, Москва)*

*Маркин К.В.
(Россия, Москва)*

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В РОССИИ (ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОРТОДОКС МОНИТОР)¹

Аннотация. Авторы рассмотрели несколько подходов к измерению религиозности. Используя кластерный анализ, они разделили данные «Ортодокс монитор» на девять кластеров.

Ключевые слова: религиозность, измерение, показатель, фактор, индекс, кластер.

Все чаще в современной социологии, психологии, религиоведении понятие религиозности становится значимой частью гипотез и теорий. В связи с этим, возникает необходимость переосмысления применяемого для изучения религиозности инструментария и подходов к операционализации понятия религиозности. Один из наиболее часто применяемых – многомерный подход [Glock, 1962; Stark, Glock, 1968]. Существует большое количество литературы, касающейся многомерного подхода к операционализации религиозности в количественных социологических исследованиях [Hill, Hood, 1999], однако практически вся она посвящена выделению важных аспектов религиозности и выбору правильных индикаторов для каждого из этих аспектов. В то же время практически не уделяется внимания методу конструирования общего показателя религиозности на основании разработанной операционализации. Именно эту часть исследовательской работы, плюсы и минусы различных подходов к решению данной задачи мы хотели бы обсудить в рамках нашего доклада.

¹ Доклад подготовлен в рамках Программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2016 году.

Можно выделить несколько подходов к конструированию общего показателя религиозности, каждый из которых имеет как сильные, так и слабые стороны.

1. Использование отдельных показателей. Этот подход – в целом методически наиболее корректный, но он во многих случаях не будет отвечать исходным задачам исследования, если в них входит оценка религиозности в целом. Например, для оценки лишь одного измерения религиозности – верований – в Европейском исследовании ценностей (EVS) задается 15 отдельных вопросов, многие из этих показателей в значительной степени связаны, и могут быть объединены для целей дальнейшего анализа.

2. Построение обобщенного индекса религиозности при помощи факторного анализа. Применение факторного анализа позволяет выделить основные измерения религиозности на основании связи между множеством отдельных показателей, снизить размерность этого многомерного концепта, теряя минимум информации о специфике каждого отдельного индикатора. Этот подход хорошо работает в ситуации, когда мы предполагаем, что используемые индикаторы представляют согласованный феномен, однако многомерный подход возник во многом именно как ответ на несогласованность феномена религиозности. Существует две логики конструирования латентных переменных: латентные переменные с эффект-индикаторами и с формативными индикаторами. Первая предполагает, что существует латентная переменная, которая проявляется в каждом отдельном индикаторе, а индикаторы в значительной мере взаимозаменяемы. Именно для такой ситуации предназначен факторный анализ. Вторая (формативная) логика состоит в том, что для конструирования латентной переменной применяются взаимодополняющие индикаторы, почти не пересекающиеся концептуально, между которыми должна быть минимальная согласованность и связь. В этой ситуации применение факторного анализа оказывается проблематичным.

3. Построение индекса религиозности при помощи усреднения ряда индикаторов, применения принципа «сильнейшего» или «слабейшего» ответа. В качестве примера можно привести «Шкалу центральности религиозности» Ш. Хубера, который предлагает использовать суммарный индекс для построения показателя общей религиозности [Huber, Huber, 2012]. В России В.Ф. Чеснокова предложила методику изучения воцерковленности «В-индекс» [Чеснокова, 2005; Синелина, 2006; Синелина, 2013] Согласно этой методике, используется пять индикаторов религиозности: частота посещения храма, частота исповеди и причастия, регулярность чтения Евангелия, регулярность личной молитвы, строгость соблюдения устава постов.

Респондент относится к группе, соответствующей его максимальному показателю по любой из пяти шкал. Данный подход подвергся критике со стороны С.Д. Лебедева и В.В. Сухорукова [Лебедев, Сухоруков, 2013], которые утверждали, что он искажает реальную картину и завышает количество практикующих православных. В качестве альтернативы они предложили использовать различные метрики для определения расстояний между респондентами в многомерном пространстве.

4. Построение типологий при помощи кластерного анализа [Пруцкова, 2013] или анализа латентных классов [Siegers, 2011]. Применение данного подхода позволяет выделить относительно однородные по изучаемым характеристикам группы опрошенных. Одна из возникающих при использовании данного подхода проблем – неустойчивость получаемых решений и (относительная) невозможность повторять типологии на разных массивах данных. Несмотря на ряд трудностей, мы считаем этот подход к конструированию обобщенного показателя религиозности одним из наиболее продуктивных, и применяем его для построения типологии православных россиян на основании данных первой волны проекта Ортодокс монитор (2011 г.) [Orthodox Monitor, 2011]. Методология исследования разработана в рамках Исследовательского семинара «Социология религии» ПСТГУ, опрос по всероссийской выборке проводил Институт Фонда «Общественное мнение», количество опрошенных составило 1500 респондентов. Для анализа были отобраны респонденты, идентифицирующие себя с православным вероисповеданием.

В операционализации религиозности используются 4 индикатора: вера в Бога, частота посещения храма, частота посещения богослужений, частота исповеди и причастия. Указанные индикаторы были перекодированы в дихотомические переменные, в качестве меры близости использовался коэффициент простого соответствия (simple matching).

В результате проведенного анализа были получены следующие кластеры:

1. «Сомневающиеся без практики» (11% от всех опрошенных, 158 респондентов);
2. «Верующие без практики» (20%, 305 респ.);
3. «Посещающие храм раз в год» (7%, 98 респ.);
4. «Сомневающиеся, посещающие службу раз в год» (4%, 58 респ.);
5. «Верующие, посещающие службу раз в год» (20%, 303 респ.);
6. «Причащающиеся раз в год» (7%, 100 респ.);

7. «Посещающие службу каждый месяц, но не причащающиеся» (2%, 29 респ.);
8. «Редко причащающиеся» (2%, 28 респ.);
9. «Ядро общины» (2%, 28 респ.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические Исследования. – 2013. – № 1. – С. 118-126.
2. Пруцкова Е. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 72-88.
3. Синелина Ю.Ю. Измерение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. – М.: Наука, 2006.
4. Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах её изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 104-115.
5. Чеснокова В. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. – М.: Академический Проект, 2005. – 304 с.
6. Glock C.Y. On the Study of Religious Commitment // Relig. Educ. – 1962. – Т. 57. Sup. 4. – С. 98-110.
7. Hill P.C., Hood R.W. Measures of Religiosity. – Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999. – 531 с.
8. Huber S., Huber O.W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) // Religions. – 2012. – Т. 3. – № 3. – С. 710-724.
9. Siegers P. A Multiple Group Latent Class Analysis of Religious Orientations in Europe // Cross-Cultural Analysis: Methods and Applications. – Routledge, 2011. – С. 385-414.
10. Stark R., Glock C.Y. American Piety: The Nature of Religious Commitment. – Berkeley: University of California Press, 1968. – 250 с.
11. Orthodox Monitor. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodoxmonitor> (дата обращения: 29.02.2016).

*Сухоруков В.В.
(Россия, Белгород)*

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИМВОЛЫ НА НОВЫХ РОССИЙСКИХ БАНКНОТАХ

Аннотация. В статье рассмотрена карта России, на которой показаны потенциальные символы для новых российских банкнот (200 рублей, 2000 рублей). Анализ документов показал низкую религиозность респондентов, принявших участие в опросе, по материалам которого составлена карта. Обнаружена территориальная асимметрия религиозности. Не произошло чудо, когда запрещённый город прошёл бы в следующий этап отбора символов.

Ключевые слова: выбор, религия, символ, Интернет, деньги.

Введение

Центральный банк Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) начал выбор символов для российских банкнот нового номинала: 200 рублей, 2000 рублей. Эти символы, как и на всех уже существующих банкнотах, должны быть связаны с определёнными российскими территориями. Процесс выбора состоит из трёх этапов. На первом этапе 28 июня-28 июля происходит «Формирование расширенного списка городов и территорий и соответствующих им символов». Если не менее 5000 пользователей сайта проголосовали за символ, то он появляется на интерактивной карте.

Основная часть

Цель – охарактеризовать религиозность населения России по количеству религиозных символов в результатах первого этапа выбора визуального оформления новых российских банкнот.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является интерактивная карта символов [1].

Применён метод анализа документов. Сначала каждый символ классифицирован в качестве либо религиозного, либо нерелигиозного; затем вычислены статистические показатели. На исследуемой карте представлена информация графического и текстового типов, значит, в операционализации понятия «религия» применительно к денежной символике необходимо определить, во-первых, по какой шкале оценивать каждый из них, во-вторых, как их соотношение влияет на итоговое решение вопроса о религиозности символа.

По шкале отношений можно было бы измерить долю площади изображения, занятой сакральным объектом, и подсчитать долю печатных знаков, оформляющих религиозную лексику, но это технически слишком трудная задача. Если воспринимать религиозную и нерелигиозную категории как противоположные направления на числовой оси, то интервальная шкала, позволяющая оперировать и положительными, и отрицательными значениями, подошла бы для исследовательских задач. Но с ней сопряжены те же технические трудности измерения, которые характерны для шкалы отношений. Квантификация с помощью баллов по порядковой шкале либо серьёзно ограничит возможности статистического анализа результатов, либо потребует введения какого-то порогового значения, по достижении которого символ попадает в религиозную категорию (а это значение стало бы дополнительным уязвимым местом исследования). Таким образом, остаётся только номинальная шкала. Текст вряд ли может

полностью состоять из религиозных слов, значит, для его отнесения к религиозной категории достаточно, чтобы было хотя бы одно. Аналогично, изображение сакрального объекта вряд ли может занимать 100% площади иллюстрации (как правило, присутствует и нерелигиозный фон).

Теоретически изображение и текст должны иметь разный вес в оценке символа как религиозного или нерелигиозного, потому что изображение будет размещено на банкноте, а текст – нет. Однако в рамках номинальной шкалы это невозможно сделать, а если всё-таки взять какую-либо шкалу более высокого уровня, то весовые коэффициенты окажутся дополнительной исследовательской проблемой, пути решения которой неясны (разумеется, сложные случаи способствуют применению экспертного опроса, но тогда проще было бы сразу узнать, считает ли эксперт предъявленные ему символы религиозными). Далее, необходимо установить, каким образом оба элемента, описывающие символ, участвуют в итоговой оценке символа. Учитывая вышеизложенные соображения о текстовой и графической информации, из логических операций: отрицание, конъюнкция, дизъюнкция, импликация – в контекст нашего исследования вписывается только слабая дизъюнкция, т.к. она на уровне описания символа в целом соответствует той же логике религиозности, которая выше рассмотрена на уровне изображения и текста по отдельности.

Итак, символ признан религиозным, если на изображении есть хотя бы один объект сверхъестественного характера или в тексте есть хотя бы один религиозный термин.

Результаты и их обсуждение

Ключевые сведения, полученные при исследовании интерактивных материалов, зафиксированы в табл. 1.

Таблица 1

Первичные данные о символах

Округ	Территория	Символ	Т и п *	Участие в голосова- нии**
Дальневосточный	Владивосток	Мост на остров Русский	0	1
Дальневосточный	Владивосток	Золотой мост	0	1
Дальневосточный	Петропав- ловск- Камчатский	Памятник «Здесь начина- ется Россия»	0	1
Дальневосточный	Петропав- ловск- Камчатский	Вулкан «Клю- чевская сопка»	0	1

Дальневосточный	Хабаровск	Памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому	0	0
Дальневосточный	Хабаровск	Мост через реку Амур	0	0
Дальневосточный	Хабаровск	Набережная реки Амур	0	0
Дальневосточный	Циолковский	Космодром Восточный	0	1
Приволжский	Казань	Казанский (Приволжский) федеральный университет	0	1
Приволжский	Казань	Казанский кремль	1	1
Приволжский	Казань	Мечеть Кул-Шариф	1	1
Приволжский	Нижний Новгород	Нижегородский кремль	1	1
Приволжский	Нижний Новгород	Нижегородская ярмарка	0	1
Приволжский	Нижний Новгород	Памятник В.П. Чкалову в Нижнем Новгороде	0	1
Приволжский	Пермь	Памятник «Легенда о пермском медведе» («Идущий медведь»)	0	1
Приволжский	Саратов	Саратовский мост через Волгу	0	1
Приволжский	Саратов	Саратовская консерватория имени Л.В. Собинова	0	1
Приволжский	Самара	Стела «Ладья»	0	1
Приволжский	Самара	Музейно-выставочный центр «Самара космическая»	0	1
Приволжский	Уфа	Памятник Салавату Юлаеву	0	1
Приволжский	Чебоксары	Памятник В.И. Чапаеву	0	1

Приволжский	Чебоксары	Монумент «Мать-покровительница»	1	1
Северо-Западный	Архангельск	Памятник Петру I Великому	0	0
Северо-Западный	Архангельск	Архангельский морской-речной вокзал	0	0
Северо-Западный	Архангельск	Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь	1	0
Северо-Западный	Выборг	Выборгский замок	0	1
Северо-Западный	Великий Новгород	Памятник «Тысячелетие России»	1	0
Северо-Западный	Великий Новгород	Новгородский кремль	1	0
Северо-Западный	Калининград	Кафедральный собор в Калининграде	1	1
Северо-Западный	Псков	Псковский кром	1	1
Северо-Западный	Мурманск	Мемориал защитникам Заполярья «Алёша»	0	1
Северо-Западный	Мурманск	Атомный ледокол «Ленин»	0	1
Северо-Западный	Петрозаводск	Кижы	1	1
Северо-Западный	Санкт-Петербург	Скульптура «Дева-Нева»	0	0
Северо-Западный	Санкт-Петербург	Петропавловская крепость	1	0
Северо-Западный	Санкт-Петербург	Стрелка Васильевского острова	0	0
Северо-Западный	Сыктывкар	Столбы выветривания на плато Мальпунёр	1	1
Северо-Кавказский	Грозный	Мечеть «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова	1	1

Северо-Кавказский	Кисловодск	Каскадная лестница	0	1
Северо-Кавказский	Дербент	Крепость «Нарын-кала»	0	1
Сибирский	Барнаул	Памятник И.И. Ползунову	0	1
Сибирский	Красноярск	Мост через реку Енисей	0	0
Сибирский	Красноярск	Часовня Параскевы Пятницы	1	0
Сибирский	Красноярск	Красноярская ГЭС	0	0
Сибирский	Иркутск	Бабр	0	1
Сибирский	Иркутск	Озеро Байкал	0	1
Сибирский	Кызыл	Обелиск «Центр Азии»	0	1
Сибирский	Новосибирск	Бугринский мост	0	1
Сибирский	Новосибирск	Новосибирский зоопарк	0	1
Сибирский	Новосибирск	Новосибирский государственный академический театр оперы и балета	0	1
Сибирский	Томск	Томский государственный университет	0	1
Сибирский	Шерегеш	Гора «Зелёная»	0	1
Уральский	Магнитогорск	Монумент «Тыл – фронту»	0	1
Уральский	Нижневартовск	Памятник «Покорителям Самотлора»	0	1
Уральский	Тюмень	Мост влюблённых	0	1
Уральский	Тюмень	Пешеходная набережная	0	1
Уральский	Екатеринбург	Дом Севастьянова	0	1
Уральский	Екатеринбург	Гостиница «Исеть»	0	1
Уральский	Челябинск	Челябинский метеорит	0	1

Центральный	Владимир	Золотые ворота	1	1
Центральный	Владимир	Успенский собор	1	1
Центральный	Воронеж	Памятник котёнку с улицы Лизюкова	0	1
Центральный	Воронеж	Корабль-музей «Гото-Предестинация»	1	1
Центральный	Зарайск	Зарайский кремль	1	1
Центральный	Калуга	Государственный музей истории космонавтики имени К.Э. Циолковского	0	1
Центральный	Клин	Дом-музей П.И. Чайковского	0	1
Центральный	Клин	Памятник П.И. Чайковскому	0	1
Центральный	Коломна	Коломенский кремль	1	1
Центральный	Кострома	Ипатьевский монастырь	1	1
Центральный	Москва	Большой театр	1	0
Центральный	Москва	Квадрига Аполлона	1	0
Центральный	Муром	Муромский мост	0	1
Центральный	Муром	Памятник Илье Муромцу	1	1
Центральный	Смоленск	Смоленская крепостная стена	0	1
Центральный	Смоленск	Свято-Успенский кафедральный собор Смоленска	1	1
Центральный	Сергиев Посад	Свято-Троицкая Сергиева лавра	1	1
Центральный	Тверь	Памятник Афанасию Никитину	0	1

Центральный	Тула	Тульский ору- жейный завод	0	1
Центральный	Тула	Музей-усадьба «Ясная поляна»	0	1
Центральный	Тула	Тульский кремль	1	1
Центральный	Ярославль	Спасо- Преображен- ский монастырь	1	0
Центральный	Ярославль	Памятник Яро- славу Мудрому	1	0
Центральный	Ярославль	Часовня Казан- ской Богоматери	1	0
Центральный	Ярославль	Церковь Иоанна Предтечи	1	0
Южный	Волгоград	Скульптура «Родина-мать зовёт!»	0	1
Южный	Волгоград	Мамаев курган	0	1
Южный	Керчь	Мост через Кер- ченский пролив	0	1
Южный	Краснодар	Кинотеатр «Ав- рора»	0	1
Южный	Краснодар	Памятник Ека- терине II	0	1
Южный	Новочеркасск	Вознесенский войсковой кафедр- альный собор	1	1
Южный	Ростов-на- Дону	Памятник «Га- чанка- Ростовчанка»	0	1
Южный	Ростов-на- Дону	Стела «Освобо- дителям Росто- ва»	1	1
Южный	Севастополь	Памятник за- топленным ко- раблям	0	1
Южный	Севастополь	Херсонес Та- врический	0	1
Южный	Сочи	Олимпийский стадион «Фишт»	0	1
Южный	Сочи	Роза Хутор	0	1

Примечания:

* 0 означает «не религиозный», 1 означает «религиозный»

** 0 означает «не участвует», 1 означает «участвует».

Табл. 1 требует некоторых комментариев.

- Все кремли: Казанский, Нижегородский, Новгородский, Зарайский, Коломенский, Тульский – попали в категорию религиозных вследствие наличия в них православных храмов. Однако в качестве символа Смоленска предложен не весь кремль, а только его крепостная стена, на которой нет религиозных сооружений. С символом Выбора складывается несколько иная ситуация: он поименован не кремлём, а замком; наличие каких-нибудь религиозных признаков неочевидно.

- Монумент «Мать-покровительница» изначально задуман в качестве религиозного, объединяющего христианский образ Богородицы и чувашской покровительницы рода [2]. Но затем в епархии возник конфликт по поводу идолопоклонства, поэтому акцент на религиозном характере памятника пропал, хотя надпись на монументе по-прежнему содержит религиозную лексику: «Благословенны дети мои, живущие в мире и любви».

- Большой театр в целом классифицирован в качестве религиозного символа, т.к. он содержит религиозный элемент – квадригу Аполлона.

Табл. 1 даёт материал для расчёта вторичных показателей, приведённых в табл. 2 и табл. 3.

Таблица 2

Суммарные данные о символах

Территория	Символы по религиозности		Символы по участию в голосовании		Всего по территории
	Религиозные	Нерелигиозные	Участвующие	Неучаствующие	
Владивосток	0	2	2	0	2
Петропавловск-Камчатский	0	2	2	0	2
Хабаровск	0	3	0	3	3
Циолковский	0	1	1	0	1
Всего по ДФО	0	8	5	3	8
Казань	2	1	3	0	3
Нижний Новгород	1	2	3	0	3
Пермь	0	1	1	0	1
Саратов	0	2	2	0	2
Самара	0	2	2	0	2

Уфа	0	1	1	0	1
Чебоксары	1	1	2	0	2
Всего по ПФО	4	10	14	0	14
Архангельск	1	2	0	3	3
Выборг	0	1	1	0	1
Великий Новгород	2	0	0	2	2
Калининград	1	0	1	0	1
Псков	1	0	1	0	1
Мурманск	0	2	2	0	2
Петрозаводск	1	0	1	0	1
Санкт-Петербург	1	2	0	3	3
Сыктывкар	1	0	1	0	1
Всего по СЗФО	8	7	7	8	15
Грозный	1	0	1	0	1
Кисловодск	0	1	1	0	1
Дербент	0	1	1	0	1
Всего по СКФО	1	2	3	0	3
Барнаул	0	1	1	0	1
Красноярск	1	2	0	3	3
Иркутск	0	2	2	0	2
Кызыл	0	1	1	0	1
Новосибирск	0	3	3	0	3
Томск	0	1	1	0	1
Шерегеш	0	1	1	0	1
Всего по СФО	1	11	9	3	12
Магнитогорск	0	1	1	0	1
Нижевартовск	0	1	1	0	1
Тюмень	0	2	2	0	2
Екатеринбург	0	2	2	0	2
Челябинск	0	1	1	0	1
Всего по УФО	0	7	7	0	7
Владимир	2	0	2	0	2
Воронеж	1	1	2	0	2
Зарайск	1	0	1	0	1
Калуга	0	1	1	0	1
Клин	0	2	2	0	2
Коломна	1	0	1	0	1

Кострома	1	0	1	0	1
Москва	2	0	0	2	2
Муром	1	1	2	0	2
Смоленск	1	1	2	0	2
Сергиев Посад	1	0	1	0	1
Тверь	0	1	1	0	1
Тула	1	2	3	0	3
Ярославль	4	0	0	4	4
Всего по ЦФО	17	9	20	6	26
Волгоград	0	2	2	0	2
Керчь	0	1	1	0	1
Краснодар	0	2	2	0	2
Новочеркасск	1	0	1	0	1
Ростов-на-Дону	1	1	2	0	2
Севастополь	0	2	2	0	2
Сочи	0	2	2	0	2
Всего по ЮФО	2	10	12	0	12
Всего по ФО	32	64	76	20	96

Вычислив по табл. 2 долю религиозных символов в каждом федеральном округе, получим следующую иерархию:

- 1) центральный – 65,38%
- 2) северо-западный – 53,33%
- 3) северо-кавказский – 33,33%
- 4) приволжский – 28,57%
- 5) южный – 16,67%
- 6) сибирский – 8,33%
- 7) дальневосточный – 0%
- 8) уральский – 0%

С одной стороны, если укрупнить этот список по долям, то первый квартиль содержит 4 федеральных округа, второй – 2, третий – 2, четвёртый – 0. Предельно укрупнив группировку, получим, что 6 федеральных округов имеет долю религиозных символов до 50% включительно, 2 – свыше 50%. Из этого следует, что население, принявшее участие в голосовании, можно охарактеризовать как слаборегиональное. С другой стороны, укрупняя список по округам, получим, что при движении с запада на восток России религиозность падает.

Невозможность участия в голосовании детерминирована территориальным составом уже выпущенных банкнот, что записано в п. 4.2.9 Положения о конкурсе [3]. Тем интереснее узнать, имеется ли

связь между религиозным характером символа и возможностью проголосовать за него, и если имеется, то чем она вызвана (см. табл. 3).

Таблица 3

Религиозность и электоральная доступность символов

Участие в голосовании Религиозность символа	Да	Нет	Сумма
Да	21	11	32
Нет	55	9	64
Сумма	76	20	96

Значения коэффициентов ассоциации и контингенции составили $K_a \approx -0,52$ и $K_k \approx -0,24$, следовательно, между религиозностью символа и его электоральной доступностью существует отрицательная связь. Но это вряд ли можно считать свидетельством дискриминации по религиозному признаку. С одной стороны, множество заведомо непроходных символов делится на религиозное и нерелигиозное подмножества примерно пополам (11 и 9 символов соответственно), в относительном выражении 55% и 45%. С другой стороны, если перейти к выделению забракованной части во множествах религиозных и нерелигиозных символов, то ситуация станет яснее. В относительном выражении легко заметить, что доли непроходных символов среди религиозных и нерелигиозных составляют $\approx 34,38\%$ и $\approx 14,06\%$ соответственно. Таким образом, отрицательная связь между религиозностью и электоральной доступностью символа обусловлена не субъективизмом организаторов конкурса, а низким качеством материала, который предложили пользователи. Вероятно, им было легко сообразить, что территория, которая уже представлена на ранее выпущенных российских банкнотах, будет исключена из голосования. Однако 20 подобных символов всё-таки попали на интерактивную карту. По-видимому, пользователи, предлагавшие эти варианты и голосовавшие за них, надеялись на чудо.

Заключение

Хотя метод анализа документов имеет некоторые трудности, связанные с типом шкалы и соотношением изображения и текста в итоговой классификации символа, их преодоление позволяет говорить о результатах достаточно уверенно. Основные выводы таковы. Респонденты, принявшие участие в голосовании, не являются глубоко религиозными людьми. Религиозность распределена неравномер-

но: в западной части больше религиозных символов, чем в восточной, что в целом согласуется с данными, полученными другими исследователями. Религиозных символов забраковано больше, чем нерелигиозных, но это не дискриминация по мировоззрению, а закономерное отвержение заведомо непроходных вариантов.

Дальнейшая разработка материалов исследования целесообразна в двух направлениях. Во-первых, это сопоставление полученных данных с социально-экономическими, демографическими сведениями о соответствующих территориях, а также с накопленной информацией о сложившейся там религиозной ситуации. Во-вторых, это социологический опрос населения после введения новых банкнот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карта символов // Выбор символов для новых банкнот. URL: <http://твоя-россия.рф/map/> (дата обращения: 08.09.2016).

2. «Мать-Покровительница» породила распри в Чебоксарах // Новости мира религий. URL: <http://www.religio.ru/26May2003/news/5952.html> (дата обращения: 08.09.2016).

3. Положение о правилах отбора символов России для изображений на новых российских банкнотах достоинством 200 и 2000 рублей // Выбор символов для новых банкнот. URL: <http://твоя-россия.рф/about/> (дата обращения: 08.09.2016).

*Уфимцева Е.И.
(Россия, Саратов)*

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей религиозной социализации старшего поколения российского общества. Рассматриваются основные подходы к определению понятия «поколение», определяются границы старшего поколения современного российского общества. Описываются основные этапы, факторы, механизмы, институты, агенты религиозной социализации старшего поколения современного российского общества.

Ключевые слова: старшее поколение, религиозная социализация, восприятие православной молодежи, религиозное воспитание в семье.

Главной особенностью религиозной социализации современно-го старшего поколения российского является то, что его первичная и вторичная социализации проходили в условиях постепенной секуляризации общественного сознания под влиянием советской идеологии, мировоззренческую основу которой составляла материалистическая

(атеистическая) картина мира. Первые послереволюционные десятилетия, несмотря на отделение церкви от государства и школы от церкви, традиционная православная религиозность сохранялась, но в большей степени на селе, чем в городе. Сельская православная религиозность имела повседневный характер. Люди продолжали отмечать православные праздники, хранили церковные книги и иконы. Пасха оставалась самым главным праздником в стране «воинствующих безбожников». В.Г. Безрогов высказывает мнение, что в атеистический период именно ритуальная сторона православия позволяла людям сохранять их религиозную идентичность, религиозные традиции и связь между поколениями [1]. Исследователь склонен рассматривать ритуал как зашифрованный текст, который непонятен другим акторам, но который может быть расшифрован в любое время.

К началу первичной социализации старшего поколения дореволюционная исторически сложившаяся в российском обществе религиозная (преимущественно, православная) модель социализации личности с ее основными институтами: религиозной семьей, религиозной общиной, религиозными образовательными учреждениями, религиозно организованным повседневным бытом – была разрушена и заменена новой атеистически ориентированной моделью социализации. Основными институтами атеистической социализации стали образовательные учреждения (детские сады и школы), а агентами – воспитатели и учителя.

В.Г. Безрогов отмечает, что религиозность и нерелигиозность одновременно присутствовали в одной семье (мать верующая, а отец – атеист, и даже в одном человеке). Участие родителей данного поколения в силу их значительной производственной и общественной занятости было вытеснено из процесса социализации своих детей. Эту функцию взяли на себя новые «советские» воспитательные институты: детский сад, школа, пионерская и комсомольская организации, образовательные и производственные коллективы, советский кинематограф. Можно сказать, что современное старшее поколение (массовое поколение) не получило религиозного воспитания в сложившихся в XX веке социокультурных условиях социализации.

В тоже время, как указывают В.Г. Безрогов [1] и В.В. Семенова [4], в советский период времени религиозность населения сохранялась под влиянием старшего поколения (дореволюционного), и первостепенная роль в религиозном воспитании в семье принадлежала бабушкам. Они представляли собой связующую нить между Церковью и домом, между поколениями. Религиозные традиции передавались через поколение: от бабушек к внукам, минуя родителей. Поколение «дореволюционных бабушек», прошедшее как первичную, так

и вторичную социализацию в рамках дореволюционной системы ценностей, является в структуре советских поколений основным связующим поколением между дореволюционными и постреволюционными поколенческими структурами. Поколение «дореволюционных бабушек и дедушек» было основным носителем и по возможности транслятором дореволюционной культурной модели повседневности, отличительная особенность которой заключалась в том, что она функционировала на основе православной системы ценностей и религиозной обрядовости. Схиархимандрит Власий (Перегонцев) (1934 г.р.) вспоминает:

«Меня с детских лет звали попенком, попенок, поп там, монах. Почему? Потому что бабушка моя была монахиней, и я был постоянно с ней. Вот хотелось мне бегать, хотелось мне играть, как всем. Она: «иди-ка, сейчас сядем». Бывало она меня от себя, от юбки не отпускала. Почему? Потому что я знаю, что только благодаря ее молитвам, только ее неустанному надо мной вот этому, она как клушечка надо мной, вот эти крылышки свои распустила, я сохранился и стал на путь, так сказать, делания духовного, а горение было с детства» (Схимандрит Власий)

О значимой роли бабушки в процессе выбора собственного жизненного пути рассуждает митрополит Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин) (1961 г.р.):

«Бабушка, почти не умея читать и писать (она закончила два класса церковно-приходской школы), молилась каждый день, утром и вечером – у нее были общие тетради, в которых печатными буквами были переписаны утренние и вечерние молитвы и несколько акафистов. Я думаю, что она ни разу не читала Евангелие, потому что его тогда просто невозможно было достать, и могла только слышать его в церкви на богослужении. Мое собственное воцерковление связано, в основном, с моей бабушкой. Именно она привела меня в первый раз в церковь и водила меня туда так же, как и всех своих внуков. Причем независимо от того, хотели этого ее дети или не хотели. Например, папа моих двоюродных братьев и сестер был членом партии и страшно боялся, что кто-то узнает об этом. Но бабушка совершенно спокойно к этому относилась. И порой даже просила его переписывать акафисты или молитвы в свои тетрадки, чему он скрепя сердце подчинялся» [2].

Одна из респонденток, принадлежащих к старшему поколению, в рамках проводимого нами эмпирического исследования особенностей воцерковления современной молодежи (2010-2011 гг.), отметила:

«Бабушка крестила меня – внучку – в период, когда ее зять сидел в тюрьме по политической статье. Крестила, скрывая от зна-

комых, на дому у священника. Знаю, что бабушка меня повела, куда-то там подальше. И дома священник был, у него там все-все было. Люди приходили к нему совершать всякие обряды. Но дома, причем подпольно. Никакого на верху, не крест, ничего, никакого обозначения не было, но люди знали, и меня туда привели» (женщина, 1931 г.р.)

Примечательно, что предание о глубокой религиозности «дореволюционных бабушек» хранится в современных семьях и передается из поколения в поколение. Некоторые из молодых респондентов-участников проводимого нами эмпирического исследования особенностей воцерковления современной молодежи (2010-2011 гг.) поделились своей семейной историей:

«У папы была очень верующая бабушка, очень верующая. Она читала псалтырь, у нее все это было. Она очень грамотная была, у нее были тексты не только на церковнославянском, по-моему, даже на греческом читала. Очень много икон, все это пряталось в советское время, но она его кое-чему научила. Поэтому он как-то знает что-то. Маму тоже бабушка водила все время в церковь, в Троицкий они ходили, то есть она ее причащала, исповедовала, когда была маленькая, а потом когда стала взрослее, тоже шла пропаганда большая в Советском Союзе в школе, поэтому что-то было упущено, а сейчас она это наверстывает» (женщина, 1992 г.р.).

Как показали результаты исследования В.В. Семеновой, некоторые респонденты, чья социализация проходила в советское время, связали свою безрелигиозность с отсутствием дедушек и бабушек в их семьях [4]. Значимость роли бабушки в процессе религиозного воспитания некоторых советских поколений россиян В.В. Семенова объясняет через специфику макросоциологических факторов. Как отмечает исследователь, в советский период процесс воспитания и образования был полностью поставлен под государственный контроль, у семьи были отобраны ее социализирующие функции, мать занята производственным процессом, а семья была вытеснена с позиции базового социализирующего института.

Исследователь советского периода А.Г. Петрова отмечает, что именно семья осложняет работу образовательных учреждений по коммунистическому воспитанию, и ребенок в школе осваивает одну систему социальных норм, а в семье – другую: «О таком разладе с грустью пишет ученица 4-го класса одной сельской школы: «В школе нас убеждают, и мы сами сознаем, что всякие рассказы о Боге – это выдумка. Но дома мы опять должны подчиняться своим (религиозным) родителям. Они начинают рассказывать свои божественные рассказы, которые так влияют на мою детскую голову, что это невозможно. Я опять начинаю забывать рассказы учителя и слушать мать».

А другая ученица, тоже дочь религиозных родителей, говорит так: «Когда бываю в школе – в бога не верю, приду домой – опять начинаю верить» [3, с. 32]. А.Г. Петрова стремится показать, что процесс религиозного воспитания верующими родителями и прародителями осуществлялся в семьях насильно, с применением угроз, ультиматума, воздействием через страх, а предметом религиозного воспитания являются «дикарские суеверия». Особую «религиозную опасность», с точки зрения исследователя, представляет прародительское поколение: именно бабушки требуют от внуков, чтобы они молились Богу, водят их в церковь, заставляют поститься, исповедоваться и причащаться, формируют у них представление о «загробной жизни». Исследователь отмечает, что родители, отдав на откуп воспитание своих детей бабушкам и дедушкам, не догадываются, что те их религиозно воспитывают: «Инженер одного из заводов рассказывает о своем «открытии», он обнаружил, что его дочь, ученица 5-го класса, верит в бога. Причиной этому оказалось влияние бабушки подруги, у которой девочка часто бывала дома. Бабушка подруги и осуществляла религиозное воспитание» [3, с. 34]. Исследователь призывает родителей отстранять верующих дедушек и бабушек от воспитания внуков.

Как отмечает В.В. Семенова, в условиях, когда религиозное воспитание не приветствовалось, они стремились передать своим внукам основные нравственные нормы и ценности, являющиеся частью религиозного воспитания. Как респонденты, которые идентифицировали своих прародителей как неверующих, так и респонденты из священнических семей отмечали, что в семье их учили добру и соблюдению христианских заповедей.

Таким образом, современное старшее поколение на этапе первичной социализации в условиях постепенной секуляризации общественного сознания и утверждения атеистической идеологии все-таки было приобщено прародительским поколением к национальному и родовому религиозному (православному) капиталу через крещение в православной вере и воспитание на основе христианских ценностей (честности, терпеливости, трудолюбия, верности, милосердия) и нравственных норм поведения. Последующее отношение к этому капиталу, характер его наследования и использования определялся представителями современного старшего поколения индивидуально. В массе своей – в пользу секуляризации. В то же время данное историческое поколение, возможно, стало первым, религиозное обращение которого перестало быть традицией, а стало личным решением.

На современном этапе результаты социологических исследований показывают наибольшую религиозность среднего и младшего поколений российского общества по сравнению со старшим поколе-

нием. Исследователи отмечают большую атеистичность старшего поколения по сравнению с другими поколенческими группами. Такая же особенность характерна и для старшего поколения российских мусульман. В оценках современной российской мусульманской молодежи дедушки (57,1% и 67,1%) и бабушки (51,4% и 68,6%) в наименьшей степени принимали участие в их религиозном воспитании [6]. Кстати, такая тенденция наблюдается также в странах Восточной Европы, в частности в германских землях, когда-то входивших в состав ГДР. В рамках одного из взятого нами интервью пастор евангельской церкви Германии отметил, что в их церквях практически нет старшего поколения, оно в них отсутствует.

В тоже время необходимо отметить, что произошедшие изменения в России в отношении государства и религиозных организаций в конце XX века стали основанием возможности религиозной ресоциализации старшего поколения. Результаты нашего исследования особенностей воцерковления православной молодежи (2010–2011 гг.) показали, что в современном обществе есть семьи, в которых функцию религиозного воспитания и воцерковления осуществляет старшее поколение – поколение, рожденное в 1930–1950 гг., начавшее свое воцерковление в 1980–1990 гг. Они побуждают детей или внуков к принятию православного вероисповедования, осуществляют первичное знакомство с православным храмом, приучают к участию в церковных богослужениях, подают пример искренней религиозной веры и активной церковной жизни, религиозно просвещают [5]:

«Сначала к вере пришла бабушка, и потом мама. Я помню, был такой момент, когда бабушка молилась на коленях возле иконки дома, и меня тоже заставила на колени встать, просто стоять перед иконой. Я же молитвы тогда не знала, мне было тогда, по-моему, 4 годика. И вот этот момент помню как первый и важный.... Более осознанно подошла к этому, наверное, уже в 14 лет, когда стала осознавать, что к чему, то есть мама стала объяснять, она мне читала какие-то книги, меня заинтересовала, стала примеры приводить» (женщина, 1993 г.р.)

Те представители данного поколения, которые воспользовались такой возможностью и сделали сознательный выбор в пользу религиозной веры, в свою очередь, стали основными агентами религиозной социализации своих внуков, сохраняя тем самым в обществе постфигуративную модель религиозной социализации. В тоже время в современных условиях межпоколенческого религиозного взаимодействия, чаще наблюдаются явления, когда представители старшего поколения становятся объектом религиозного влияния и просвещения со стороны своих религиозных сверстников (кофигуративная модель

религиозной социализации), а также со стороны среднего и младшего поколений, поколения детей и внуков (префигуративная модель религиозной социализации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Безрогов В.Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России // Антропологический форум. 2006. №4. С. 130-162.
2. Епископ Саратовский и Вольский Лонгин. Нам не надо оправдываться за наших бабушек // Православие и современность. № 6. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/nam-ne-nado-opravdyvatsya-za-nashikh-babushek> (дата обращения 25.06.16).
3. Петрова А. Г. Семья и религия. Ленинград, 1957. 40 с.
4. Семенова В.В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: ИСПАН, 1996. С. 326-
5. Уфимцева Е.И. Особенности воцерковления в оценках православной молодежи // Социологические исследования. 2013. №1. С. 127-134.
6. Уфимцева Е.И. Роль семьи в религиозном воспитании в оценках мусульманской молодежи // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. Вып.1. Т.14. 2014. С.15-22.

*Шановалова И.С.
(Россия, Белгород)*

МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматривается актуальный вопрос, связанный с ситуациями экстремизма на религиозной почве. Подчеркивается важность выбора религиозного воспитания молодежи, как превентивного средства будущих профессиональных конфликтов. Для иллюстрации отношения молодежи к религиозным войнам демонстрируются результаты качественных и количественных исследований, проведенных в 2016 году (социологические опросы, фокус-группы, анализ документов). Исследование показывает, что современная молодежь делится на два лагеря: важность религиозного вопроса для одних, соседствует с религиозной свободой других. Невысокий уровень религиозного самосознания делает не устойчивыми системы ценностей и смыслов, формирующих мировоззрение и определяющих модели поведения современной молодежи. Эмпирические результаты приводят автора к мысли о возникновении новой формы толерантности – «толерантность к религиозному экстремизму».

Ключевые слова: молодежь, религиозные войны, экстремизм, конфессии, молодежь и религия, молодежь и экстремизм.

Если вдуматься в смысл этих слов – религия и война – кажется, что сочетать их в одном понятии невозможно. Религия – это Вера, Надежда, Смысл и Поддержка, все то, чего войны лишают, что уничтожают, против чего направлены. Но устойчивый речевой оборот «религиозные войны» вошел в нашу жизнь не историческим этапом, не фантастическим будущим, а реальным, повседневным, настоящим и постоянным смыслом. Религия – яблоко раздора, причина кровопролития, сила, сподвигающая на преступление, власть, оправдывающая все средства.

Мудры слова священников всех конфессий, готовых признать единство веры и указать путь в единении всех народов. Но существует что-то сильнее этих слов, что формирует подборку кровопролитной хроники.

В этой ситуации информационное пространство, в котором социализируется наша молодежь, делает обыденным и приемлемым кровавый контент религиозного вопроса. Не «беспрецедентный случай», а «обыденная ситуация» – убиты сотни тысяч за другую веру, сожжены и разрушены храмы, служители церквей истерзаны – и не надо ходить далеко за такими примерами, расстояние от нас до этих событий исчисляется парой сотен километров (мы говорим о соседнем с нами государстве). Страшное слово «обычно, как всегда», уже не задерживает долго новость, отмечает ее для принятия другой – такой же «обычной». Черствеет восприятие взрослого человека, молодое же поколение уже растет с этой информацией – не новостью, просто информационным контентом. Постоянным информационным контентом.

И возникает серьезное противоречие, связанное с выбором воспитательного акцента: что делать для конструирования желаемого будущего, будущего без религиозных конфликтов, где вера не обрывает человеческую жизнь, а продляет ее, делает светлой и насыщенной – повышать религиозность молодых людей или понижать значимость религиозной идентичности? На этот вопрос нет однозначного ответа – каждый вариант на фоне очевидных преимуществ формирует негативные, а в перспективе и регрессионные тенденции.

Усиление религиозного воспитания, образования и, в итоге, самосознания молодежи безусловно приведет к формированию религиозной культуры и ценностным установкам на основе высокой морали, патриотизма, осмысленности бытия. Но, одновременно с этим, углубление в религиозные учения усилит не только внутриконфессиональную интеграцию, но и межконфессиональную разобщенность. Осмысленный выбор религии и осознание ее отличий от других на уровне дискуссионного спора усугубляет религиозную «лагерность».

С другой стороны – отказ от религиозного воспитания, снижение значимости религиозной принадлежности и культуры, формирование «космополитичности» не может не отразиться на личности молодого человека – открытие границ, спор о моральных пределах без высоких, априорных ограничений – из дискуссии все это будет перерастать в нигилизм и вседозволенность.

Эти размышления привели нас к осознанию необходимости оценить подверженность современной молодежи влиянию общецивилизационных тенденций в этой области, продиагностировать наличие конфессиональной нетерпимости и агрессии. Так, для решения этих задач, Центром социологических исследований НИУ «БелГУ» были проведены многократные исследования религиозной идентичности российской молодежи, ее религиозного самосознания и роли воспитания религиозной культуры [1; 2; 3; 4], на протяжении 2015-2016 года были проведены замеры по показателям, характеризующим религиозный экстремизм (N=3068) [5].

В ходе проведенного исследования мы отметили критический взгляд молодежи на создавшееся положение в зоне религиозной обстановки не только в мире, но и в России. Так, только 29,9% опрошенных говорят о том, что религиозная ситуация в нашей стране их полностью удовлетворяет. Отрицательную оценку обстановки дает 16,1%. Обращаясь к данным исследования прошлого года, отметим, что имеет место положительная динамика: так, количество молодых людей высказывающих отрицательную оценку религиозной обстановки в России стало на 10% меньше. Стоит надеяться, что критичность в оценке ситуации обеспечивает рефлексию в собственном поведении у молодых людей.

В принципе, наше пожелание можно считать удовлетворенным, исходя из проведенного нами опроса. Так, большинство молодых людей вполне культурно реагируют при встрече с человеком другого вероисповедания, даже если это различие бросается в глаза. Большинство замечают различия, но реагируют спокойно (47,3%), многие вообще не обращают внимание на какую-то разницу (29,8%), 7,5% проявляют дружелюбное любопытство. И только группа в количестве 7,8% относятся к инаковости прохожих с опасением, а 0,9% свой негатив не пытаются скрывать. Менее 1% настроенных агрессивно молодых людей – не так уж велико их количество, и, скажем прямо, новостной фон, по нашим предварительным прогнозам, мог вызвать рост этой группы в разы, находись мы в стране, где религиозные конфликты являются информационным пиком.

Следует отметить, что молодежь нашего региона формирует два, практически равнозначных по количеству лагеря: те, для кого

религия значима, в той или иной степени (42,9%), и тех, для кого она не имеет особого значения (37,4%). Такая ситуация сохраняется на протяжении многих лет – для сравнения, в 2015 году два лагеря имели совершенно одинаковое количество человек (44,48% на 44,13%).

Одним из показателей социальной безопасности, а мы бы сказали и моральной устойчивости общества, является количество людей, меняющих или желающих сменить свое вероисповедание. Большинство респондентов не согласились бы сделать это ни при каких обстоятельствах (61,0%) – большинство, но не абсолютное. Помимо 8,2% способных на такой шаг и 3,4% думающих о принятии такого решения, настораживает группа молодых людей, затруднившихся ответить на этот вопрос (27,4%). Да и на первый взгляд небольшое количество – 3,4% – даже в натуральных цифрах нашего исследования уже складывается в 105 человек.

В совокупности с данными предыдущего вопроса, возможно мы говорим сейчас о выборе второго пути развития социально-воспитательной ситуации – отказе от устойчивой религиозной идентичности, формировании конфессиональной свободы и мобильности. Хорошо ли это или мы идем по пути негативного сценария, обозначенного нами в самом начале?

Возможно, ответить на этот вопрос помогут причины возможной смены религии, указанные молодыми респондентами (см. рис.)

Рис. Ответы респондентов на вопрос «Если Вы считаете возможным смену религии, то в силу каких причин?»

Так, в тройку основных причин определены большая информативность другой религии (17,4%), соответствие принципам справедливости (16,1%), разочарование в своей религии (11,0%). Нельзя сбрасывать со счетов и оставшиеся позиции – перспективность и массовость другой религии (7,9%) и коммуникационный аспект с рефе-

рентной группой (5,4%). И, конечно, все тот же, «таинственный выбор» – затрудняюсь ответить (42,3%). Что стоит за ним? Все что угодно, в том числе и те причины, по которым к этому вопросу проявляют повышенное внимание службы безопасности.

Следует отметить смену ранга у причин религиозной мобильности молодежи – так в 2015 году на первом месте была справедливость, которую дает другая религия (25,0%), на втором информативность (20,0%) и на третьем – разочарование в религии (17,5%). А вот такие причины, как перспективность, массовость и выбор друзей – вообще не упоминались.

Анализируя ситуацию религиозного экстремизма в собственном регионе, 42,5% молодежи отметила редкость проявления неприязненного отношения к людям другого вероисповедания, однако 16,2% часто бывают свидетелями таких случаев. При этом, без корреляционного отношения, но практически такое же количество респондентов (15,8%) не осуждают агрессию в сторону лиц другой конфессии, а 31,3% затруднились с ответом на этот вопрос. На этом фоне 53,0% высказывающих осуждения экстремистским настроениям общества уже не кажутся таким уж подавляющим большинством – скорее мы говорим о том, что религиозный конфликт находит, возможно молчаливое, понимание практически у половины опрошенной молодежи.

Подведем небольшой итог нашего исследования.

Происходит разделение потоков молодого поколения – формируется два лагеря, на данный момент не враждующих, но сосуществующих с приверженностью разной цивилизационной парадигме: важность религиозного вопроса для одних, соседствует с религиозной свободой других. Невысокий уровень религиозного самосознания делает не устойчивыми системы ценностей и смыслов, формирующих мировоззрение и определяющих модели поведения современной молодежи. И здесь мы вряд ли столкнемся с религиозным экстремизмом в полном его проявлении – недостаточно агрессивных выборов для такого вывода, но невниманье, равнодушие, обыденность будут сопровождать важные вопросы религиозного выбора и отношения молодежи к религиозной агрессии и войнам.

Судя по всему, мы говорим сегодня о возникновении новой формы толерантности – свойства, скорее в его физиологическом смысле, означающем «невосприимчивость». На этом фоне мы могли бы прогнозировать возникновение такого парадоксального феномена как «толерантность к религиозному экстремизму».

ЛИТЕРАТУРА

1. Благоевич М., Лебедев С.Д. Религия и нравственность в студенческой среде России и Сербии // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам четвёртой Международной научной конференции. НИУ "БелГУ", 12 сентября 2014 г. / Отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород : ИД "Белгород" НИУ "БелГУ", 2014. – 408 с. С. 143-152.

2. Лебедев С.Д., Бахарев В.В. Религиозная культура в светском образовании (региональный аспект) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. - № 1. – С. 117.

3. Истомина А.Г., Лебедев С.Д. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. Социология и управление. – 2015. – Т. 1. - №2. – С. 13-21.

4. Рыбакова В.В., Лебедев С.Д. Отношение к религии и моральные регулятивы современных белгородских студентов // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 24. С. 342-344.

5. Шаповалова И.С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи //мат. Международной научно-практической конференции «Управление в XXI веке», Белгород, 23.10.2015. – Белгород: ИД «Белгород», 2015. – С. 113-121.

Раздел 3.
СОВРЕМЕННЫЕ ДУХОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ПАРАДОКСЫ: ДИАГНОЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

*Березняк В.А.
(Россия, Белгород)*

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ
ГОРОДА БЕЛГОРОДА**

Аннотация. Автор исследовала религиозные и семейные ценности белгородских студентов. Большинство респондентов является верующим и полагает, что принимать решения должны муж и жена совместно. Студенты предпочитают двух детей.

Ключевые слова: религия, семья, ценности.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью анализа взаимодействия одних из самых значимых социальных институтов (институтов религии и семьи) в условиях поисков современным российским обществом своей культурной и духовной идентичности.

Феномен религиозности принадлежит к одному из массовых и стойких явлений. Религия сопутствовала человеческой культуре на протяжении всей истории и была неотъемлемой частью общественно-го и индивидуального сознания и самосознания.

Даже непрофессиональным взглядом обывателя можно заметить, что происходит заметная активизация религиозных учреждений, которые непосредственно стараются участвовать в решении целого ряда актуальных проблем современности. Это можно наблюдать в различных регионах, в странах с различным уровнем экономического развития, где распространены различные вероисповедания. Не обошло явление активизации религиозной деятельности и Россию, а смутное время так называемых реформ еще в большей степени способствовало усилению этой деятельности.

Сегодня религия становится одним из основных признаков этнического самосознания. В условиях постсоветской ломки жизненных, семейных устоев и принципов, моральных ориентиров, политических и экономических структур, люди тянутся к тому, что осталось нетронутым – национальной и религиозной самобытности. Следует всегда помнить о том, что семья – это, прежде всего естественный и нравственный союз и религия для неё имеет значение исключительно своей направленностью на общечеловеческие ценности.

Оздоровление семьи должно рассматриваться в качестве одной из главных социальных задач государства. При этом следует особо выделить духовно-нравственную сторону. В этом плане обращение к религиозным традициям является закономерным фактором, поскольку религиозная духовно-нравственная реформация затронула все регионы России.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена возрастанием роли и значения социальных институтов семьи и религии в идущем процессе обновления российского общества.

Проблема исследования состоит в противоречии между ожиданиями общества от тесной взаимосвязи религиозных и семейных ценностей у современной студенческой молодежи и неопределенностью фактической связи между семейными и религиозными ценностными ориентациями современной России.

Объектом социологического исследования выступают студенты города Белгорода.

Предмет социологического исследования: особенности взаимной связи религиозных и семейных ценностей.

Целью исследования является определение взаимосвязь религиозных и семейных ценностей у студентов города Белгорода.

Задачи исследования

1) Рассмотреть религиозные и семейные ценности студентов города Белгород.

2) Выявить взаимосвязь религиозных и семейных ценностей студентов города Белгород.

Теоретическая интерпретация основных понятий:

Религиозность – характеристика сознания и поведения отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему.

Религиозные ценности – ценности, обусловленные верой в сверхъестественное и возможностями непосредственного общения с ним, направленные на осуществление высшего смысла жизни человека, не сводимого к его биологическому существованию.

Семейные ценности – культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия.

Нравственность – это соответствие представлений, убеждений, ценностей, поступков и всех проявлений человека нравственным нормам, общечеловеческим ценностям (добро, ненасилие, честность, уважение, др.).

Институт семьи – исторически сложившаяся или созданная целенаправленными усилиями форма организации совместной жизне-

деятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части.

Гипотеза исследования: степень важности семейных ценностей у студентов города Белгорода находится в отношении положительной корреляции со степенью важности религиозных ценностей.

Эмпирическая и операциональная интерпретация основных понятий

Основное понятие	Понятие-индикатор	Вопрос-индикатор
Религиозные ценности	Вера, Бог, церковь, церковные праздники.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Считаете ли Вы себя верующим человеком? 2. Какое место в Вашей жизни занимает Бог? 3. Вы верите в то, что Бог есть? 4. Как Вы относитесь к религии? 5. Как часто Вы посещаете церковь? 6. Отмечаете ли Вы религиозные праздники?
Семейные ценности	Семья, брак, любовь, верность, дети.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Как Вы считаете, кто в семье должен принимать основные решения? 2. Как Вы считаете, кто в семье должен зарабатывать деньги? 3. Сколько детей Вы планируете иметь? 4. Как Вы считаете, насколько допустим обмен в семье традиционно мужскими и традиционно женскими занятиями?

Генеральную совокупность образуют студенты вузов г. Белгорода, обучающихся в следующих вузах: НИУ «БелГУ», БГТУ им. Шухова, БелГИИК, БУКЭП и БелГСХА им. В. Я. Горина. Объем выборочной совокупности определен нами в 500 человек.

Таблица 1

№	Институт/факультет	Генеральная совокупность		Выборочная совокупность	
		Всего	%	Всего	%
1.	НИУ «БелГУ»	24376	52,9	264	52,9
2.	БГТУ им.Шухова	10286	22,4	112	22,4
3.	БУКЭП	5025	11	55	11
4.	БГИИК	4126	9	45	9
5.	БелГСХА им. В. Я. Горина	2183	4,7	24	4,7
Итого:		45996	100,0	500	100,0

Прежде всего нам надо было выяснить считают ли студенты города Белгорода себя верующими или же нет. По полученным данным, более половины опрошенных (52,4%) считают себя верующими, 23,8% ответили «скорее да, чем нет», 10,4% студентов сказали «скорее нет, чем да», не считают себя верующими 11,4% опрошенных, и только 2% студентов затруднились с выбором ответа (см. диаграмма 1). Эти данные говорят о высоком уровне религиозной самоидентификации.

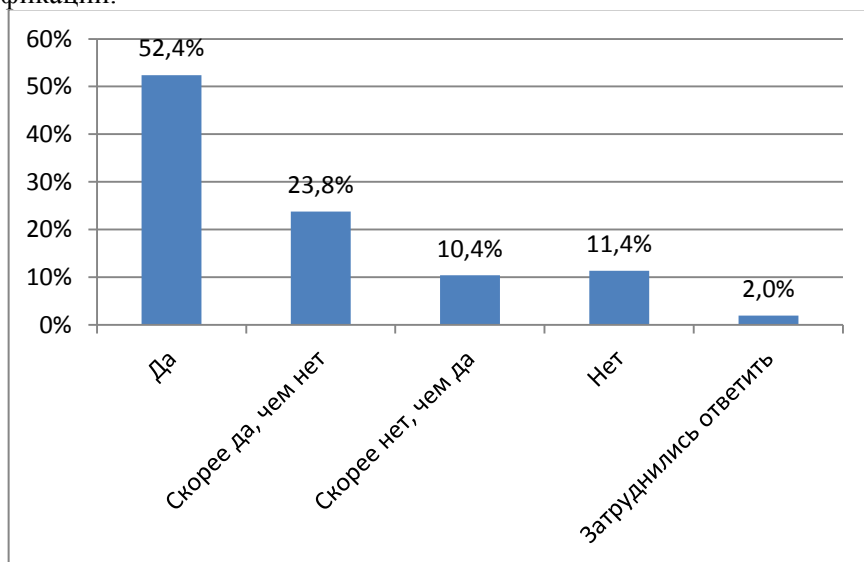

Диаграмма 1. Результаты ответа на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?»

Взаимосвязь религиозных и семейных ценностей обусловлена тем, что религия является основой нравственного и морального воспитания личности, в то же время институт семьи обладает идентич-

ными функциями и ставит задачу социализации человека. Религия непосредственно влияет на формирование духовных предпочтений и моральных ориентиров семьи.

Любовь и уважение – это два самых важных компонента, на которых строится здоровая семья. Уважать друг друга – значит принимать во внимание чувства, мысли, потребности и предпочтения других при принятии решений. Это также означает, что нужно признавать и ценить мнения, чувства и участие семьи в целом. Для выяснения степени важности семейных ценностей у студентов, нами был задан вопрос «Как Вы считаете, кто в семье должен принимать основные решения?». Мы получили следующие результаты: 71,1 % опрошенных ответили, что решения в семье должны приниматься совместно мужем и женой; 23,7% студентов сказали, что решение должен принимать глава семьи; 2,6% считают, что решение выносит жена; также 1,2% студентов посчитали, что решение вправе принимать тот, кто больше приносит дохода в семью; с ответом на данный вопрос затруднились 1,4% опрошенных (см. диаграмма 2). Как мы видим из результатов, больше половины студентов полагают, что решения в семье должны приниматься совместно обоими супругами. Этот факт говорит о том, что основные семейные ценности у студенческой молодежи находятся на высоком уровне. Уважение к чужому мнению, а в данном случае, к мнению своего спутника, основа крепкой семьи и здоровых отношений.

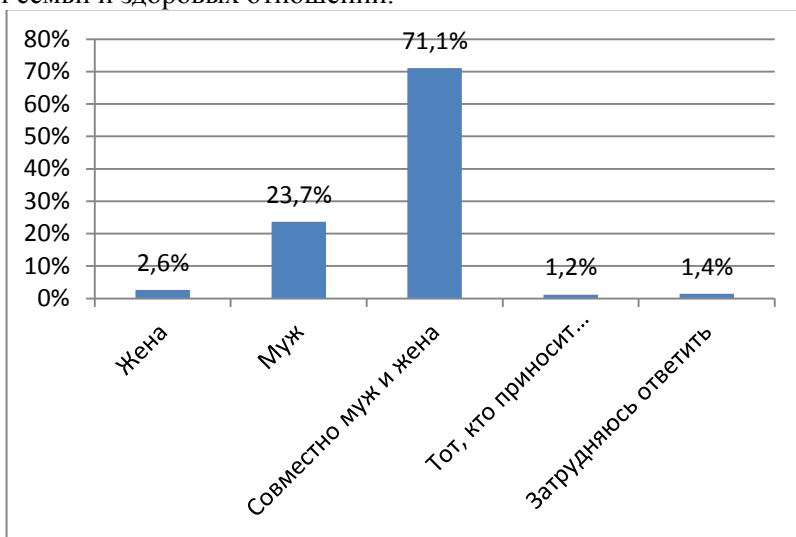

Диаграмма 2. Результаты ответа на вопрос «Как Вы считаете, кто в семье должен принимать основные решения?»

По традиции основными целями брака считаются: рождение и воспитание детей. Рождение и воспитание детей занимает особо важное место в понимании традиционного христианского брака, а намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений рассматривается грехом. Мы узнали у студентов хотели ли бы они иметь детей, и если да, то сколько. 82,2% опрошенных хотят иметь детей, 15,3% студентов затруднились с ответом и 2,5% респондентов не планируют заводить детей. 40,6% студентов хотели бы иметь двух детей, трех детей планируют завести 22,1% опрошенных, 13,1% студентов хотят лишь одного ребенка и только 6,4% респондентов планируют больше трех детей (см диаграмма 3).

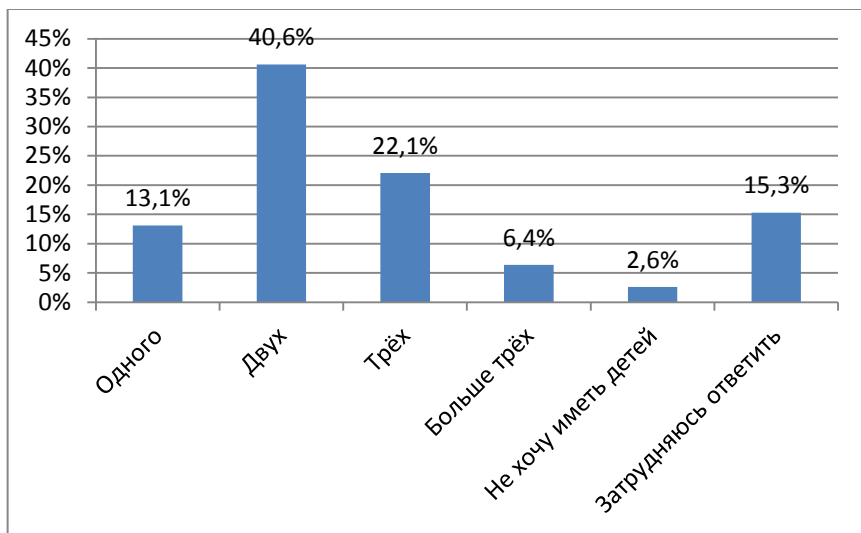

Диаграмма 3. Результаты ответа на вопрос «Планируете ли Вы иметь детей, и если да, то сколько»

Процессы изменения структуры семьи, её функций, ценностных ориентаций сегодня оказываются включёнными в общий процесс социальных и экономических перемен в обществе. Но данные перемены не могут затронуть сам базис семьи – стремление человека к самосохранению, его способность реализовать физическое и нравственное здоровье, а тем самым раскрыть себя как целостную личность.

Выводы.

Ценности оказывают определенное воздействие на человеческую деятельность, на сознание, поведение, общественную жизнь, развитие культуры. В зависимости от характера того или иного вида ценностей – религиозные или эстетические, экономические или соци-

альные, политические или нравственные и от особенностей субъекта – индивидуальные, внутригрупповые или общечеловеческие, ценности выполняют разнообразные функции. П. Сорокин, который определил состояние западного общества как трагическое и, прогнозируя его кризис, отметил продолжение распада семьи как священного союза мужа и жены, родителей и детей.

Семья представляет собой особый интерес как социальный институт, обеспечивающий стабильность общества, эволюционирующий вместе с ним и адаптирующийся к новациям и переменам. Вместе с тем семья выступает как пространство первичной социализации индивида, как микромир, в котором начинается личностное становление человека. В семье возникает потребность в интимизации человеком своего бытия. Воздействуя на семью, религиозная мораль выполняет роль ценностно-ориентирующего начала, т.е. является оценочно-императивным способом освоения социальной действительности. Религия даёт людям ясные и всеобъемлющие наставления, в результате чего человек получает руководство на многие случаи жизни.

Традиционные семейные и нравственные ценности все чаще, особенно у молодого поколения, заменяются (полностью либо частично) либеральными, не всегда способствующими стабильному и гармоничному развитию общества. Отсутствие в российском обществе четко определенных нравственных, идеологических и ценностных ориентиров вызывает повышение интереса к религии, а также рост влияния последней на социальную и личную жизнь людей. В то же время в сознании многих людей присутствует некоторая эклектичность, выражающаяся в суевериях, что деформирует и семейные установки россиян.

Процессы изменения структуры семьи, ее функций, ценностных предпочтений включены в общий процесс социальных перемен в обществе, и одним из факторов, воздействующих на изменения в семье и браке, является влияние религии и церкви. Позитивный смысл взаимосвязи семьи и религии обнаруживается в следовании традициям, в выполнении обрядов, что позволяет человеку уже на первичных этапах социализации гармонично сосуществовать с природой и обществом.

*Благоевич М.
(Сербия, Белград)
Радулович Л.
(Сербия, Белград)*

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА¹

Аннотация. В данной работе изложены основные характеристики ревитализации религии и религиозности в культуре современной Сербии. Обновление традиционной религиозной культуры обусловлено социальными и политическими изменениями в общественной жизни Сербии и республик бывшей Югославии. Ревитализация официального православия – это процесс, который протекает параллельно с оживлением народного православия и народной религиозности.

Ключевые слова: ревитализация религии, традиционная религиозная культура, народное православие.

В социалистический период религия была помещена в сферу частного. Для тех, кто не состоял в коммунистической партии, выражение религиозности было возможно, но не выходило за пределы круга семьи или церкви, в то время как общественное влияние православия было ограничено. В это время народная религиозность, народное православие, традиционные обряды и верования заменяются социалистическими торжествами. Как результат, многие религиозные (конфессиональные) обряды профанируются и сводятся к почитанию культурных традиций, и в этом контексте со временем приобретают редуцированную форму. Вместе с тем данный период отличается распространением народной религии с развитой ритуалистической компонентой, о чем свидетельствуют и многочисленные этнологические исследования. Таким образом, оживление православия, начатое в Сербии в 1980–е гг., в наименьшей мере происходило в форме церковного православия. Данный аспект детально рассматривается в работах Душана Бандича [1; 2; 3]. Его концепция народного православия, которое в области религиозного мышления отличается обособленностью от церковного православия, а в сфере религиозного поведения проявляется как его ненормативная, неконфессиональная форма, и в настоящее время актуальна и представляет собой самое емкое изложение отноше-

¹ Статья подготовлена в рамках проектов (177018; 179040), финансируемых Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия в период с 2011 до 2015 г.

ния к религии, которое наблюдается у большой доли граждан Сербии, полагающих себя религиозными.

Восприятие и интерпретация предписаний православной церкви также подвержены изменениям. Для отдельных категорий граждан, «посвященных» верующих, они отражаются в сближении с церковным православием, тогда как большинство формальных верующих в повседневной жизни понимают и интерпретируют православное учение, церковные обрядовые правила, православные нормы морали и суть религии вообще в своеобразной, специфической форме. Народное православие, наблюдаемое среди граждан Сербии, можно было бы описать метафорой «believing without belonging», предложенной Грейс Дэви. Вместе с тем, когда речь заходит о специфике, возникающей в измененных в течение последних двух десятилетий социальных и политических контекстах, корректнее использовать формулировку «принадлежность без веры» [5, с. 53]. Иначе говоря, присутствует значительная разница между теми, кто исповедует ту или иную конфессию, и теми, кто лишь заявляет о своей религиозности, и таким образом, формально принадлежа православной конфессии, не исповедуют веру. В этом контексте упомянем еще одно известное наблюдение: в понимании верующих конфессиональная принадлежность и личная религиозность не являются непосредственно взаимосвязанными явлениями. Научные исследования показывают, что число конфессиональных верующих выше, нежели религиозных. Для большинства граждан конфессиональная принадлежность объединяется с культурной традицией и этнической идентичностью, и поэтому возможным становится самоопределение в качестве неверующего православного или православного атеиста и агностика.

Традиционная религиозность в контексте ревитализации религии в Сербии представлена в ритуализированной форме и выражена в следовании традиционным обрядам, частично включающим в себя элементы церковной религиозности и религиозной практики, а также другие формы нецерковной религиозности. Мы уже отмечали, что для социалистического периода в бывшей Югославии также была характерна так называемая обрядовая или ритуализированная религиозность. В это время преобладала связь с православием как традиционной культурой, что выражалось на обрядовом уровне. Этнологические и антропологические исследования показывают, что народная религиозность и народное православие содержали, особенно в сельской местности, свои традиционные черты, независимые от официального православия, ввиду того что СПЦ, ослабленная в этот период, по известным причинам не могла распространять свое влияние в народе. В течение постсоциалистического периода участие сообще-

ства в религиозной жизни в традиционной форме претерпело значительные перемены.

Исходя из указанных особенностей религиозности в эти периоды, среди прочих индикаторов в социологические исследования включаются также индикаторы участия в традиционных обрядах, которые выступают в качестве релевантного доказательного материала, свидетельствующего о религиозных переменах [5, с. 257] в связи с массовым обращением к данной практике. Несомненно, что в происходящих изменениях решающую роль играла и общественно-политическая ситуация, которая способствовала укреплению национальной идентичности на основе религиозного самоопределения.

Отдельные авторы в своих исследованиях исходят из различия обрядовых практик как показателей традиционных форм религиозности и так называемых актуальных форм религиозности, которые подразумевают такие ритуальные действия, как посещение литургии, причастие, исповедь, молитва, пост, посещение занятий по конфессиональным дисциплинам или самостоятельное получение религиозного образования с использованием популярной богословской литературы и периодических изданий; выделение пожертвований церкви и участие в ее жизни. Индикаторы традиционной формы религиозности: крещение, венчание, похороны, празднование славы, воздержание от работы и отмечание религиозных праздников, использование религиозной символики – часто носят характер конформизма, и в таком случае становится сложнее установить религиозную мотивацию. Несмотря на это, данные индикаторы не следует опускать в ходе исследования ревитализации религии [5, с. 257]. С другой стороны, перечисленные выше показатели воцерковления менее подвержены конформизму, поскольку не включены в ряд культурных паттернов. А ввиду того, что речь идет о сакральных действиях, возобновление практик, предписанных церковными нормами, могло бы вернее указать на процесс оживления религии в широких масштабах [5, с. 257].

Критерий укрепления религиозности во многих социологических исследованиях непосредственно связан с оценкой актуальной практики религии, что в большинстве случаев подразумевает исследование воцерковленности. В этом контексте низкие показатели возвращения к религии и церкви приводятся в отдельных исследованиях для выявления процесса квази-ревитализации религии, ведь лишь немногие из тех, кто обозначают себя верующими, регулярно присутствуют на богослужениях (регулярно 9,8%; от одного до двух раз в течение месяца 7,3%); в целом редко посещают церковь и читают молитвы, а также постятся по большим праздникам, исповедуются и причащаются [9]. Европейское исследование ценностей 2008 года,

впервые проведенное в Сербии, показало один неожиданный и проблематичный результат, противоречащий другим исследованиям, а именно очень низкий уровень посещаемости церкви (1,6% опрошиваемых посещают церковь более одного раза в неделю, тогда как самый высокий показатель – на религиозные праздники – 34%). Православные верующие Сербии, даже те, которых мы могли бы назвать воцерковленными, большую значимость придают паломничеству, нежели присутствию на воскресной службе, а также вере в святых, Богородицу, чудо и чудесные события и поклонение им, чем изучению и следованию православной догматике и каноническим положениям. «Народное православие» служит концептом, который поднимает вопрос о существовании воцерковленного верующего, ведь и восприятие церковности в ритуальной форме преобразовано в народное восприятие и интерпретации, в которых церковное учение, канонические правила и положения принимают условный характер. Исследования показывают, что православные верующие в Сербии, или «обрядовые верующие», как они обозначались в ранних исследованиях, являются действительными верующими, которые массово посещают церковь во время больших праздников. Когда речь идет о регулярном посещении церковных служб, то чрезвычайно слабый отклик, как мы полагаем, отражает измененную картину религиозности. Данное явление не объясняется, как было принято ранее, снижением религиозности. Следовательно, оно указывает на изменения в типе религиозности, который более отвечает современному человеку.

Налетова и Томка полагают, что критерий посещаемости церкви не может применяться по отношению к православным верующим. Регулярное присутствие на богослужениях в православии не является обязательным, как бы того ни хотело священство, и не входит в привычку верующих. Налетова отмечает значительное присутствие верующих на праздниках в течение года, в связи с чем критерий воскресного и месячного присутствия не может равнозначно применяться при анализе религиозности среди православных верующих [7]. В Сербии процент тех, кто посещает церковь во время праздников, намного больше, чем процент тех, кто посещает её в течение месяца. Налетова аргументировано сравнивает результаты исследования с данными по католическим странам, таким как Польша и Хорватия, где процент посещения верующими церкви в течение месяца значительно превосходит процент посещаемости в течение праздников. В этом контексте исследователь обращает внимание на необходимость гибкого применения индикаторов религиозности при изучении православных сообществ. В этом смысле специфика православных верующих в Сербии заключается в участии в религиозных праздниках в

церквях и монастырях. Мы наблюдаем, что в этой сфере оживление религии в Сербии проявляется наиболее выражено, о чем свидетельствует массовое посещение святынь и выстраивание многокилометровых очередей перед церковью св. Пятницы в Калемегдане (Белград) или перед церквями за святой водой.

Таким образом, разовое еженедельное посещение церкви по воскресным дням, что официально является нормой в православии, не противоречит практике большинства верующих. Похожая ситуация наблюдается и в других православных странах, и отдельные ученые примыкают к позиции, что православными верующими считаются те, кто таковыми себя определяют, так как принадлежность к православии базируется на определении, а не на соблюдении формальных ритуалов и практики [10, с. 259]. Принимая во внимание особенности православия, полагаем, что отсутствие какого-либо более точного критерия в определении религиозности позволило бы включить всех номинальных верующих или уподобить религиозность конфессиональному самоопределению. Отправление православной обрядности, преобладающее посещение церкви во время праздников является частью традиционной народной культуры, и в этом контексте не может рассматриваться как наиболее релевантный показатель религиозности. Религиозная практика – признак внешней религиозности, она может служить критерием верности традиции и обычаям, а не выражением внутренней религиозной убежденности и существующего религиозного опыта.

По сравнению с периодом социализма увеличилось и число воцерковленных верующих. Они регулярно посещают богослужения и участвуют во всех сферах религиозной жизни. Их корректнее называть «посвященными» верующими, так как они лучше осведомлены в вопросах вероучения и культа. Им известно, каким значением обладает богослужение как воспроизведение Священного Писания, диалог между священником и верующим, который совершается перед самим Богом; у них есть знание церковных интерпретаций и объяснений иконографии, символики литургии и всех церковных обрядов. Они отмечают традиционные праздники, следуя церковным правилам, например, в ходе празднования славы, освящения обрядового хлеба (колач) в церкви и т. д.

В процессе ревитализации религии наибольшую роль играет смена отношения к ней, когда формальный или номинальный последователь религиозной традиции преобразуется в верующего, который интенсивнее участвует в религиозной практике, и когда религиозное мировоззрение существенно влияет на его повседневную жизнь. Трансформация атеистической ориентации в теистическую также яв-

ляется значимым видом конверсии в постсоциалистический период. Первичным и самым распространенным является переход человека от состояния безверия в веру. Под конверсией, превращением, обращением обычно подразумевается процесс, в котором человек принимает определенную религиозную, философскую или политическую доктрину (учение), которая ранее ему была неизвестна или которая не представляла собой его мировоззренческой основы [11, с. 20]. Религиозная конверсия для части верующих является следствием кризисных ситуаций в их жизни: болезни, трагических событий в семье, чаще всего внезапной смерти, тяжелых эмоциональных переживаний, финансовых сложностей, чувства неудовлетворенности.

Как мы уже упоминали, в сельской среде возрождаются коллективные обряды: заветина и церковная слава. Возвращение к празднованию многих сельских и церковных празднеств, а также великих христианских праздников, участие в которых принимает большое число верующих, несомненно, является показателем возрождения народной религиозности, народной интерпретации православия, которая обусловлена совокупным общественным, политическим и экономическим контекстом постсоциализма. Традиционные торжества, даже если и должны были бы включать в себя явственную религиозную составляющую, и далее находятся в тени социальной коннотации праздника, связаны с семейным единением, возрождением и скреплением общественных связей, как и свидетельством конфессиональной принадлежности. Праздничный поход в церковь удовлетворяет некоторым нерелигиозным потребностям. В настоящее время церковь становится местом семейных встреч, вечерних выходов, представлений и спектаклей. С другой стороны, учащение празднования великих христианских праздников теми, кто заявляет о своей приверженности православию, зачастую имеет национальную и светскую сторону. Отмечание религиозных праздников по сравнению с другими индикаторами религиозности в большей степени сохранялось в период социализма. На это указывают исследования Джорджевича, согласно которым свое участие в торжествах в 1980-е гг. подтвердило 57,9% опрошиваемых [11]. Исследования показывают, что в начале 1990-х гг. прошлого века праздники справляло 93,3% респондентов [4, с. 59] что позволяет говорить об известной степени оживления данной практики. Таким образом, резкий скачок в этом процессе наблюдается с 1990-х гг., и в особенности с начала военных действий на территории бывшей Югославии. Регулярные празднования сохраняются и по сей день. Отметим, что наибольшее значение придается Рождеству и Пасхе, что связано с их социальной ролью. По случаю этих радостных праздников вся семья собирается за столом, в теплой атмосфере,

что развивает и укрепляет гармоничные отношения и связи. Конец 1980-х гг., а особенно период 1990-х гг. отмечаются оживлением в отправлении семейной славы. Тот факт, что данному обычаю следует более 90% граждан, говорит об укреплении национальной, родовой и личной идентичности. Семейная слава представляет собой символический капитал, который передается в ряду поколений, но в современном культурном контексте приобретает особую ценность, интегрируя индивида в общество. Таким образом, под влиянием доминирующей культуры потребления конструируются различные модели религиозных праздников.

Верования и обряды большей части верующих отличаются непоследовательностью. Даже в воцерковленной среде наблюдается синкретизм православия и нехристианских поверий и практик. Вера в магию, особенно черную магию, в возможность, прибегая к ней, нанести зло или достичь желаемого, как и вера в излечение благодаря гаданию и ворожке – элементы традиционной народной религиозности и обрядности.

Во множестве сел, например, области Княжево реставрированы сельские церкви, а инициаторами реставрации по большей части выступали практикующие верующие, индивиды, которые видят в этом возрождение и сохранение культурного наследия. Активное участие принимали и успешные бизнесмены [9]. Сбор средств и личная агитация на участие в восстановлении воспринимается ими как призыв, который значит для них не только возвращение к вере, но и то, что именно они избраны для этой «священной» обязанности.

Феномен воцерковленных верующих, которые почувствовали призыв от Бога, является примером опосредованной коммуникации, которая их обязывает служить Богу, что принимает различную форму: восстановление и поддержание церквей, локальных святых мест (заветных крестов), следование церковным праздникам (литии) и освящение крестов, посвященных святым-защитникам. Оживление этого аспекта в контексте народной православной традиции позволяет трансформировать историческую и культурную память маленькой сельской общины в религиозном ключе, а именно включить представления о чудесной мощи святых в существующую объяснительную модель. Создаваемые вторичные интерпретации содержат и нехристианские элементы или их христианизированные вариации в рамках верований и лечебных, целительных практик.

В обновлении сельской религиозной жизни и далее участвует меньшинство, особенно это касается опустошенных в результате урбанизации сел с преимущественно пожилым населением. Культурная традиция локального сообщества празднования сельских слав, заве-

тины и праздников, посвященных отдельным святым, в данной среде начала возрождаться, начиная с 1990-х гг. Принимая во внимание контекст трудовой миграции, указанные коллективные обряды представляют собой образец обновления социальной и культурной памяти. Совместное (семейное и общесельское) отправление обрядов на время воссоединяет семьи и возрождает чувство единения и сопричастности общей культурной традиции.

Заключение

Народная религиозность и церковное православие возрождаются в широких народных массах в различных проявлениях в приватной сфере. Актуальная, субъективная, внутренняя рефлексия официального православия, которое иначе интерпретируется и бытует в повседневной жизни как народное православие, выражается не в регулярных исполнениях религиозных обязанностей, но в предпочтении праздничной религиозности и сохранении традиции как культуры памяти. Такое во многом свободное понимание и интерпретация догматического христианства, включая свободное выражение верований и религиозной практики, связанных с видениями, снами, в которых святые выступают частыми акторами, доступными верующим от Бога, который в свою очередь часто воспринимается как высшая сила; вера в чудеса и чудесные исцеления, мощь реликвий и икон; и другие выражения народной религиозности. Восстановление старых церквей и патронаж, воздвижение заветных крестов в знак благодарности святым; прославление их праздников; прикладывание к иконам, дарение икон, полотенец, колготок в благодарность или в мольбе о здоровье и выздоровлении, денежные пожертвования – все это совершается с тем, чтобы удовлетворить религиозность, все это – иллюстративные примеры ревитализации религии. Локальные церкви и священники заботятся о том, чтобы интегрироваться в данный процесс, в связи с чем спонтанное народное возрождение религии переосмысливается и ставится в церковные рамки. Сколько из того удастся и как будут развиваться религиозные перемены в Сербии, откроется ли религиозный рынок, в котором традиционные религии должны будут соревноваться с богатым религиозным предложением, если хотят задержать верующих, сейчас сложно предугадать, но кажется, что это только возможное далекое будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bandić, D., 1992. O narodnom pravoslavlju danas: istraživanja u valjevskom i kruševačkom kraju. *Etnoantropološki problemi* sv. 9. 63-69.
2. Bandić, D., 2003. Verski identitet savremenih Srba. U: *Tradicionalno i savremeno u kulturi Srba*, posebna izdanja knj. 9. Beograd: SANU Etnografski institut. 13-23.

3. Bandić, D., 2010. *Narodno pravoslavlje*. Beograd: Biblioteka XX vek, Knjižara Krug.
4. Blagojević, M., 1995. *Približavanje pravoslavlju*, Niš: Gradina.
5. Blagojević, M., 2003. Religijska situacija u SR Jugoslaviji: Revitalizacija religijskog ponašanja i verovanja, *Teme* g. XXVII, br. 4.
6. Kuburić, Z., 2009. "Обраћење у религију која ти проговори". У *Konverzija i kontekst: Teorijski, metodološki i praktični pristupi religijskoj konverziji*, ur. Zorica Kuburić i Srđan Sremac, 17-42. Novi Sad: CEIR.
7. Naletova, I., 2009. Other-Wordly Europe? Religion and the Church in the Orthodox Area of Eastern Europe. *Religion, State and Society*, Vol. 37. No 4.
8. Radulović, L. B., 2012. *Religija ovde i sada: Revitalizacija religije u Srbiji*, Beograd: srpski genealoški centar: Odeljenje za etnologiju i antropologiju Filozofskog fakulteta.
9. *Religioznost u Srbiji 2010: istraživanja religioznosti građana Srbije i njihovog stava prema procesu evropskih integracija*. 2011. (ur.) Andrijana Mladenović, Beograd: Hrišćanski kulturni centar: Centar za evropkse integracije, Fondacija Konrad Adenauer.
10. Stark R., Iannaccone L., 1994. A Supply-Side Reinterpretation of the "Secularization" of Europe, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 33 (3).
11. Đorđević, B. D., 1984. *Без од цркве*. Knjaževac: Nota.

Гуляев И.И.
(Россия, Белгород)

ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. В статье анализируется современное состояние международного законодательства в области предупреждения молодежного экстремизма. Рассматриваются проблемы формирования молодежных интеграционных структур в евразийском регионе. Определяются возможности международного сотрудничества в рамках совместных проектов как профилактики молодежного экстремизма.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, евразийский регион, евразийский экономический союз, профилактика молодежного экстремизма, интеграционные процессы в евразийском регионе, международное законодательство в области профилактики молодежного экстремизма, вовлечение молодежи в социальную практику.

Глобальные явления в современном мире характеризуются общей унификацией и интеграцией экономических, политических, культурных и социальных процессов. Большинство исследователей

сходятся во мнении, что глобализация это объективный и положительный процесс объединения и развития современного мира. Этот процесс предоставляет различным регионам и странам возможность участвовать в экономических, политических и культурных глобальных изменениях. В целом глобализация представляет собой различные формы объединения и коммуникации, которые в идеале помогут решить человечеству многие проблемы экономического, политического и иного характера.

Наряду с положительными моментами, которые несет глобализация, отмечается и ряд негативных явлений. К ним относятся различные формы международного экстремизма. Легкость различных способов современной коммуникации только увеличивают опасность разрастания экстремизма и радикализма. И, конечно же, в первых рядах последователей различных форм экстремизма выступает молодежь. Современные экстремистские формирования и группы это как правило молодежные объединения, которые различаются только степенью радикализма.

К экстремизму молодых людей подталкивают:

- ухудшение условий жизни и неопределенность или сомнительность ожиданий улучшения таковых в обозримом будущем;
- усиление миграционных процессов, ущемляющих интересы коренного населения;
- недостаточное внимание государства к проблемам молодых людей, порождающее у них впечатление его неспособности или нежелания заниматься молодежью;
- насаждение культа силы, жестокости и героизации преступности в кино и СМИ [1, с. 8].

Кроме этого радикализм и экстремизм современной молодежи обусловлен также и следующими обстоятельствами:

- отсутствие жизненного опыта плюс комфортные условия жизни;
- низкий уровень критического мышления;
- проблемы образования, но не в силу каких-то его изъянов (ибо многие прошлые и нынешние активисты и лидеры экстремизма вышли и выходят из среды образованной);
- проблемы семантики национальной идеологии в виде искаженных ориентиров социума;
- проблемы воспитания (неспособность к сопереживанию) и наполнения информационного пространства социума («гуманизм» приобретает статус архаичного) и др. [2, с. 3]

Все эти проблемы молодежной среды радикализируют общество в целом. Учитывая уровень современных информационных и коммуникационных систем молодежный экстремизм становится все

больше интернациональным и международным. В этой связи многие международные организации, в том числе и ООН активно работают в области международного правового обеспечения профилактики и предупреждения молодежного экстремизма. В частности, 9 декабря 2015 г. СБ ООН принята резолюция №2250. В ней отмечается, что молодое поколение является самым многочисленным из когда либо существовавшим в мире, это представляет собой уникальный демографический дивиденд, который может способствовать обеспечению прочного мира и процветания при наличии инклюзивной политики.

В резолюции СБ ООН подчеркнута важность устранения условий и факторов, ведущих к перерастанию радикализации в насилие и воинствующий экстремизм среди молодежи, что может служить питательной средой для терроризма. Выражена и озабоченность относительно того, что в глобализованном обществе террористы и их сообщники все шире используют новые информационные и коммуникационные технологии, в частности Интернет, для целей вербовки и подстрекательства молодежи к террористическим актам, а также финансирования, планирования и подготовки своих акций. Подчеркнута и необходимость совместных действий государств членов ООН, направленных на недопущение использования террористами технологий, средств коммуникации и ресурсов для мобилизации поддержки террористических актов при уважении прав человека и основных свобод в соответствии с другими обязательствами по международному праву [3].

В современном международном законодательстве, направленном на решение проблем молодежи ООН выделяет следующие инициативы:

- Всемирную программу действий, касающуюся молодежи;
- руководящие принципы участия молодежи в деятельности по миростроительству;
- глобальный форум по вопросам молодежи, мира и безопасности;
- Амманскую декларацию 2015 г. По вопросам мира и безопасности;
- Всемирный молодежный саммит 2015 г. по борьбе с воинствующим экстремизмом;
- программу действий по предупреждению воинствующего экстремизма и укреплению мира [4].

Организация объединенных наций настойчиво обращает внимание государств-членов активно привлекать молодежь к участию в государственных и общественных делах, увеличению молодежи в представительских органах власти. Необходимо создавать механизмы

для реального участия молодежи в делах государства и структурах по мирному разрешению споров. Особое внимание ООН обращает на необходимость разработки молодежной политики, которая должна включать: участие молодежи в миростроительстве, включая социально-экономическое развитие; поддержка проектов, направленных на развитие местной экономики; обеспечение возможности трудоустройства и профессионально-технической подготовки молодежи, повышение уровня образования; обеспечение условий развития молодежного предпринимательства и конструктивного участия молодежи в политической жизни.

В современном мире наряду с процессами глобализации активно идут процессы регионализации. На всех континентах создаются различные региональные объединения. Они имеют различный характер и различные формы направленности. В большинстве своем эти объединения создаются в рамках экономического сотрудничества, для защиты своих рынков и своего производителя. Но практика показывает, что заявляя себя чисто экономическими объединениями, со временем такие образования превращаются в межгосударственные союзы, включающие в себя наднациональные структуры, выполняющие управленческие функции не только в экономике, но и в политике, культуре, образовании и даже в молодежной политике. Наглядный пример в этом плане демонстрирует Европейский союз. Создаваясь в 50-е годы двадцатого столетия как организация, объединявшая каменноугольную, железорудную и сталелитейную промышленность шести стран в настоящее время превратилась в союз включающий большинство стран Западной Европы с высокой степенью консолидации и единым центром принятия решений не только экономического, но и политического и иного характера. Европейский союз в числе прочих проводит и единую молодежную политику, ориентируясь в своей деятельности на международное право и рекомендации ООН.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве, как это не парадоксально, начались практически сразу после распада Советского Союза. Но главной особенностью этих процессов было то, что инициаторы и участники были категорически против любой интеграции кроме экономической. Элиты новых государств того времени опасались возрождения «советской империи», поэтому старались как можно дальше развести народы этих стран в политическом, культурном, образовательном пространстве. Но по прошествии двух десятилетий интеграции, превратившие аморфные институции СНГ в полноценный экономический союз, сначала в Таможенный, а сейчас и в Евразийский экономический союз, пришло понимание, что сотрудничая только в экономической сфере невозможно создать эффективно

действующее, конкурентоспособное в мировом масштабе объединение независимых государств. Единые экономические стандарты порождают необходимость, единого подхода в образовании, и что немало важно единого философского и мировоззренческого понимания миссии Евразийского союза.

В этом плане особое место занимает создание основ общей молодежной политики, интеграции молодежи стран-участников ЕвразЭС. Современные глобальные вызовы, в том числе и угрозы развития молодежного экстремизма на постсоветском пространстве показывают необходимость создания различных межгосударственных институтов интегрирующих молодежь в общее региональное и международное сообщество.

Постоянно действующих структур занимающихся координацией молодежной политики на евразийском пространстве не существует. Ю. Кофнер отмечает, что даже в МГИМО не готовят специалистов в области евразийской интеграции. Евразийскую интеграцию как отдельный предмет не преподают ни в одном (!) ВУЗе страны. При этом везде усердно готовят специалистов по европейской интеграции и по европейскому праву... По этому направлению в одном только МГИМО работают уже три кафедры и один учебный колледж [5].

Соответственно ни в одной из стран ЕвразЭС не готовят специалистов в части евразийской интеграции.

Однако в последнее время все больше раздается голосов в связи пониманием необходимости создания основ общей молодежной политики, которая будет способствовать интеграционным процессам на евразийском пространстве. Создание различных молодежных объединений это и профилактика экстремизма, предоставление молодежи возможности реализовать себя на таком перспективном поприще. В декабре 2015 г. вышел доклад Российского института стратегических исследований в котором отмечается, что «идея евразийской консолидации становится симпатична все большему числу людей, а потому на территории государств, входящих в ЕАЭС, и стран постсоветского пространства учреждаются и развиваются евразийские движения. В частности, в настоящее время в странах ЕАЭС существует порядка десяти молодежных организаций евразийской направленности: в России таких организаций не менее семи, в Армении и Киргизии лишь по одной организации, а в Беларуси и Казахстане организации подобного типа и вовсе отсутствуют. Некоторые молодежные организации также разделяют евразийские взгляды, но не специализируются на продвижении идеи ЕАЭС (Белорусский республиканский союз молодежи, Казахстанская молодежная структура «Жас Отан»). Однако, в целом, на пространстве ЕАЭС наблюдается явный дефицит

евразийских молодежных организаций, что может существенно замедлить интеграционные процессы, так как лучшим проводником идей для молодых людей являются активные представители самой молодежи» [6].

Положительным моментом в понимании создания основ общей молодежной политики на евразийском пространстве оказалось проведение круглого стола «Механизмы и инструменты вовлечения социально-активной молодежи в изучение и анализ общественно-политических и общественно-экономических процессов на евразийском пространстве» Фондом В.В. Вольского и Институтом стратегических исследований в Торгово-промышленной палате РФ. В итоговой статье Савойский А.Г. отмечает: «Какие существуют предложения у российского экспертного сообщества по улучшению работы Евразийского экономического союза? Прежде всего,

- необходимо устранить некое сдерживание в раскрытии потенциала молодежи в данной международной интеграции. Ситуация в наши дни такова, что «социальный лифт» остановился и ждет прихода мастера. Собралась целая команда, но никто не знает как его починить...

- полезным во всех отношениях мог бы стать диалог между властью, бизнесом и молодежным научно-экспертным сообществом. Сегодня такой диалог на пространстве ЕАЭС развит недостаточно...

- мнение молодежного научного и делового сообщества должно звучать на уровне интеграционных объединений. Желательно, чтобы к нему прислушивались. Здесь необходим двусторонний процесс и создание, например, единой молодежной структуры ЕАЭС.

Понятно, что на Евразийский экономический союз и на молодежь возлагаются большие надежды. Это будущее региона, континента, планеты» [7].

Формирование институтов молодежной интеграции на постсоветском пространстве и вовлечение в их деятельность максимальное количество активной молодежи региона, создает условия вывода молодых людей из-под влияния агрессивных экстремистских идей. Участие в деятельности различных молодежных международных объединений предоставляет молодому поколению реализовать себя в созидательной сфере. Совместная деятельность или участие в совместных проектах и мероприятиях знакомит молодых людей с культурой и обычаями народов всех стран Евразийского союза. Все эти интеграционные процессы в области молодежной политики только начинают реализовываться, и то в большей степени на уровне идей и намерений. На этом пути много трудностей организационного, финансового и ментального характера. Но положительным моментом

здесь является то обстоятельство, что политические элиты стран участников Евразийского союза приходят к пониманию необходимости создания совместных молодежных структур, в том числе для того, чтобы эффективно противостоять угрозе номер один современного мира – терроризму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саямов Ю.Н. Молодежный экстремизм как резерв для терроризма // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2016. – №5. – С. 5-9.
2. Тюрина Л.Г. Сохранить молодежь для будущего // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2016. – №5. – С. 3-4.
3. Резолюция №2250, принятая СБ ООН на заседании 09.12.2015 г.
4. Документ СБ ООН S/RES/2250(2015) 15-21698 3/7/
5. Кофнер Ю. О проблемах евразийской молодежной политики в России. URL: <https://cont.ws/post/46943>
6. Гайнуллова С.Р. Единая система как метод повышения эффективности молодежной политики ЕАЭС // Молодежная конференция «Молодежь как генератор и ускоритель внедрения в практику новых идей и инициатив на пространстве ЕАЭС», г. Москва, 18.12.2015 г.
7. Савойский А.Г. Интеграция молодежи России в социально-политическое пространство Евразийского экономического союза (экспертный анализ). URL: <http://www.nasledie.ru/?q=node/6516>

*Гущина В.В.
(Россия, Белгород)*

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные моменты культурной идентичности как фактора социализации. В статье делается акцент на семью благодаря которой можно говорить о важной роли в формировании культурной идентичности ребенка. Рассматривается участие семьи в создании, сохранении и трансляции культурных ценностей.

Ключевые слова: культурная идентичность, культурная социализация, социализация, социализация ребенка, семья.

Культурную идентичность традиционно рассматривают в широком смысле как результат инкультурации; осознание человека своей принадлежности к какой-либо социокультурной группе, позволяя ему определять своё место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире. в узком смысле – как результат культурной идентификации (один из механизмов социализации).

зации), так же это принадлежность индивида к какой-либо культуре, но формирующее ценностное отношения к себе, к другим людям, обществу и в целом к миру.

Культурная социализация – это двусторонний процесс постоянной передачи обществом и освоения индивидом в течение всей его жизни через посредство социализационных институтов культурных ценностей, реалий и идеалов культуры, выработки культурных потребностей и интересов, установок, жизненных ориентаций, этнокультурной самоидентификации, организации досуга, художественных предпочтений – в итоге: формирования культурных картин мира, – позволяющий индивиду функционировать в пространстве культуры данного общества [5]. Из различных типов социализации культурная социализация может быть выделена как интегрирующая и дающая основное направление общему процессу социализации.

Концепция идентичности становится в наши дни особенно популярной. Во всем современном обществе кризис идентичности считается одной из главных жизненных проблем. Эрик Эриксон, американский психолог, придавал значение идентичности, как центральной социальной проблеме, с которой сталкиваются дети в современном обществе и считал, что идентичность – твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру.

Не менее важным моментом идентичности является то, что она связана не просто с усвоением культурных образцов, но и с формированием самосознания, самоопределения, т.е. со становлением рефлексивных процессов, позволяющих человеку отвечать для самого себя на вопрос о том, кто он есть. Это понимание человеком самого себя исходит из осознания того на каких ценностях строится его жизнь, а какие ему противостоят.

Среди богатого и своеобразного культурного наследия русского народа важное место занимают традиции, связанные с социализацией ребенка в семье. Культура народа, семейные традиции, которые передаются из поколения в поколение откладывают отпечаток на весь семейный уклад жизни, а через него на процесс вхождения детей в мир взрослых.

Отношения, которые возникают внутри семьи, оказывают значительное влияние на личностное развитие ребенка. Таким образом, семья, как фактор социализации ребенка, представляет собой интерес для исследования.

Социализация ребенка – это развитие малыша, начиная с самого момента его рождения. Зависит она от взаимодействия его с окружающей средой, в то время когда ребенок будет активно впитывать все то,

что он видит, слышит, чувствует. Это понимание и усвоение всех культурных и моральных норм и ценностей, а также процессы саморазвития в том обществе, к которому он принадлежит.

Если говорить в общем, то социализация – это процесс усвоения ребенком социальных норм, ценностей и принципов, которые существуют в данном обществе. А также «впитывание» тех правил поведения, которыми активно пользуются его члены.

Пространство семьи с самого рождения ребенка создает ту основу, на которой разворачивается процесс социализации. Этой основой являются социальные взаимодействия, направленные на понимание себя и других, построение отношений.

Семья – специфический социальный институт, в котором переплетаются интересы общества, членов семьи в целом и каждого из них в отдельности. Будучи первичной ячейкой общества, семья выполняет функции, важные для общества, необходимые для жизни каждого человека.

Семья является основным носителем культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение. Именно в семье человек получает основы образования, обучается социальным ролям, приобретает основные навыки взаимодействия, осмысливает первые нормы и ценности. Именно в семье ребёнку прививаются основы определённых идейно-политических взглядов, мировоззренческих установок.

Семейное воспитание в современных условиях остается действенным механизмом социализации детей. Как социальный институт семья осуществляет воспроизводство членов общества и их первичную социализацию. Семья образует первичную окружающую среду для ребенка. Именно семья формирует у ребенка представления о обществах, социальных связях и с момента рождения включает его в них. Она приобщает ребенка к основным общечеловеческим ценностям, моральным и культурным стандартам поведения. Ребенок усваивает систему ценностей, благодаря общению с родителями в первые семь лет его жизни, учатся дети социально одобряемому поведению, приспособлению к окружающим, построению дружеских взаимоотношений, проявлению эмоций и чувств. Семья определяет возможности и ограничения личных отношений ребенка с другими людьми. Удовлетворяя потребности растущего человека, семья, в то же время, регламентирует его поведение в соответствии с требованиями общества, выступая важнейшим посредником в системе «личность – общество». Способность членов семьи принимать ребенка с его уникальными характеристиками, определенным образом влияет на его представление о самом себе [4].

С опорой на исследования сотрудников НИИ семьи и воспитания Н.П. Ивановой, И.А. Бобылевой, О.В. Заводилкиной и др. [1], сформулируем функции социализации личности в семье, влияющие, с нашей точки зрения, как на общее развитие личности ребенка, так и на становление его субъектной позиции члена семьи, представителя этноса, гражданина многонациональной страны. Развивая мысль авторов, утверждаем, что семья, выступая в качестве *среды развития* ребенка младшего школьного возраста, должна быть предсказуемой и безопасной, несущей эмоционально-поддерживающую атмосферу гармоничного взаимодействия с растущим человеком. Е.П. Белинская, У. Бронфенбреннер и др. считают это качество семейной среды особо значимым с точки зрения его регулярности и долговременности действия. Далее, семья выступает мощным агентом социализации, передавая детям *социальный опыт* общения и поведения в обществе конкретной культуры (исторической и национальной). Так усваиваются категории «можно» и «нельзя», формируется «собственная система жизненных координат» (Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая), позволяющая успешно адаптироваться в разновекторном влиянии внешней относительно семьи социальной среды. В процессе *социального научения* его субъектами являются, с одной стороны, родители и другие родственники, как правило, обладающие авторитетом и эмоциональной привлекательностью. С другой стороны, – растущий человек, который с поддержкой внешних факторов переходит от пассивного усвоения образцов поведения к критическому восприятию социальной действительности и способности самостоятельно конструировать эмоционально-значимые отношения. В процессе семейной социализации ребенок усваивает сначала наименьшие способы действия, «крайние» смыслы конкретных поступков и их следствий, затем абстрагируется до обобщенных нравственно-этических категорий общения и поведения. В усвоении социального опыта естественен переход ребенка по мере взросления от роли «пассивного получателя» к роли конструирующего мир и себя. Естественным обстоятельством является то, что доминирующая позиция семьи как фактора социализации на последующих этапах онтогенеза (переход к подростковому и юношескому возрасту) начинает ослабевать и замещаться другими институтами социализации. Первичная социализация, которую получает ребенок в семье, является своеобразной матрицей для любой вторичной социализации, определяя ее качество [2].

Развивающий эффект воздействия семьи на личность обеспечивается выполнением семьей специфических социализирующих функций. В семье происходит полноценное физическое и эмоциональное развитие ребенка, формируется его гендерная принадлежность. Семья

во многом определяет умственное развитие ребенка. Это влияние происходит через формирование активного интеллектуального потенциала личности, зарождение стремления к продолжению образования, развитие познавательных интересов к функционированию семьи и способности к самообразованию себя как участника социальных отношений. Семья имеет важное значение в овладении человеком общественными нормами, особенно в развитии навыков ролевого поведения. Предпосылки способности к установлению с другими людьми тесных и долгосрочных эмоционально-нравственных отношений закладываются именно в родительской семье. В семье формируются фундаментальные ценностные ориентации личности, определяющие в дальнейшем жизненный стиль личности, сферу и уровень социальных притязаний, перспективы и способы их реализации. От качества взаимодействия членов семьи зависит характер жизненного опыта детей [2].

Семья является открытой, постоянно развивающейся системой, имеющей адаптивные возможности. Если рассматривать семью как один из социальных институтов общества, то каждая из них специализируется на решении определенных проблем. Особую роль в этих процессах играет поиск личностью культурной идентичности. Для человека культурная идентичность означает осознание своей принадлежности к определенной общности. С ее помощью человек объединяется с идеалами и стандартами своего этноса и воспринимает другие народы как похожих и непохожих на свой этнос. В итоге выявляется и осознается уникальность и неповторимость своего этноса, его культуры. В младшем возрасте у ребенка происходит свойственная этому периоду перестройка отношений его с людьми. Закладывается основная культура личности, ее важной составляющей является любовь к Родине, к своему народу.

В младшем возрасте воспитание в семье должно быть направлено на формирование культуры чувств. Это воспитание благоговения (глубочайшего почтения, уважения) к родителям, старшим людям. Это чувство близко к состоянию страха обидеть, огорчить родных и близких, оно является источником без оценочного отношения к представителям других национальностей, чувств понимания и выражать сострадание к другому [3].

Таким образом, процесс социализации предстаёт с самого начала как индивидуальный творческий процесс включения личности в социальные отношения, осознания их и наполнения индивидуальным смыслом. Культурная социализация в семье – это неотъемлемый фактор в воспитании ребенка. Именно в семье ребенок получает основы культурных ценностей, осмысливает первые нормы. Культурная идентичность как фактор социализации ребенка в семье является не

просто усвоение культурных образцов, но и с формированием самосознания, самоопределения. Культурная социализация ребенка – это процесс усвоения ребенка в семье социальных норм, принципов, ценностей, которые приняты в обществе и в семье в целом. Именно семейное воспитание в современных условиях остается действенным механизмом в культурной социализации детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылева И.А., Заводилкина О.В., Иванова Н.П. Социализация детей в семье в современных условиях // *Семья в России*. – 2007. – № 3. – С. 67-72.
2. Лебедев П.А. Семейное воспитание. – М.: Академия, 2001. – 408 с.
3. Сёмина М.В. Семья с позиций системно-синергетического подхода // *Вестник БГУ*. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ. – 2011. – № 6. – С. 30-36.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Академический проект, 2006. – 208 с.
5. Тесленко А.Н. Педагогика и психология социализации личности: учебное пособие. – Астана: ЕАГИ, 2011.
6. Хотинец В.Ю. Психологические и культурные факторы этнического поведения // *Психологический журнал*. – 2006. – №3. – Т. 26. – С. 33-44.

*Короценский А.П.
(Россия, Белгород)*

МЕДИАКРИТИКА КАК ОТВЕТ НА ПОСТМОДЕРНИСТСКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ ЖУРНАЛИСТИКИ

Конкуренция традиционных СМИ с новейшими формами массовой коммуникации, кризис привычных бизнес-моделей журналистики, базирующихся на привлечении рекламных доходов и платы пользователей за доступ к контенту, породила в наши дни проблемные тенденции вплоть до кризиса и исчезновения ежедневных газет, сокращения потребления телевизионных программ. Это вызвало дискуссии о окончании эры пост-индустриальной журналистики и приобретению ею нового качества, именуемого пост-журналистикой и существенно трансформирующего характеристики печатной и электронной прессы не только как медиабизнеса, но и как социального института¹.

¹ Bolz N. Post-Journalism. URL: www.goethe.de/wis/med/dos/jou/mkr/en2304574.htm; Siapera E. From Industrial to Post-Journalism. // *The Guardian*. – 2013; Post Industrial

Затронули названные процессы и отечественную журналистику. Произошедшие за последние четверть века перемены в России, связанные с либерализацией политической системы и развитием рыночных отношений, распространившихся на все области социальной практики, включая медиасферу. Этот период характеризуется не только распространением коммерческих практик на СМИ, но привнесением постмодернистских воззрений и подходов в духовную жизнь, в сферу массовых коммуникаций. Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение, учитывая характеристики современного медиатизированного социума, в котором традиционная коммуникация по принципу «от человека к человеку» заменяется общением, опосредованным техническими средствами передачи и массового распространения информации, производимой медийными организациями. Влияние постмодернизма в сочетании с воздействием политических и коммерческих факторов вызвало существенную трансформацию современной российской журналистики.

Сохранив свои функции института социального управления, сформировавшиеся в предыдущие исторические эпохи, профессиональная журналистика в наши дни претерпела перемены, связанные с применением рыночных коммуникативных стратегий, которые призваны обеспечить гарантированные рейтинговые показатели и, как следствие, экономическое процветание медийных организаций. Такие стратегии включают форсированную драматизацию контента, его персонализацию и гедонизацию за счёт создания и эксплуатации культа «медийных звёзд», а также гибридизацию медиатестов, которые приобретают смешанные характеристики журналистско-промоцийных, журналистско-пиаровских материалов (пиарналистики) и инфотейнмента.

Всё чаще в журналистике используются эффектные, игровые подходы – вплоть до опубликования фейковых новостей, внешне правдоподобных, но основанных на вымысле, а также до формирования медийных образов, не имеющих ничего общего с реальными прототипами. Умение увлечь и развлечь аудиторию отождествляется с профессиональным мастерством журналиста, превращающегося в итоге в некое подобие медийного массовика-затейника. Это амплуа конкурирует с привычной с советских времён аберрацией профессии журналиста, выполнявшего функции пропагандиста и агитатора.

В итоге на практике наблюдается всё большее отдаление от профессионального идеала журналистов как искателей истины, создателей адекватной медийной картины мира, необходимой аудитории для верной ориентации в социальной действительности. Постмодернистский скепсис в отношении рациональности и основанном на ней поиске истины, подавление когнитивной функции журналистики в итоге превращают массмедиа в кривое зеркало действительности, развлекающее и отвлекающее публику от участия в позитивном преобразования жизни, формирующее потребительски ориентированных реципиентов медийной информации.

Признавая доминирующее влияние социально-экономических и политических факторов формирования массово-информационной среды подобного рода, вместе с тем не следует недооценивать значение культурных влияний на восприятие аудиторией медийного содержания, выдержанного в постмодернистском духе. Медиабизнес, чтобы быть коммерчески успешным, обязан учитывать реакции потребителей информации на предлагаемые рынку продукты и услуги и подстраиваться под них. Поэтому потенциально эффективным может быть воздействие на массовую аудиторию, корректирующее её отношение к медийному содержанию. Таким потенциалом обладает медиакритика – современная область творческой познавательно-оценочной деятельности, получившая существенное развитие в странах с укоренившимися демократическими традициями, где критика массмедиа, как и других институтов, не является табуированной, что свойственно авторитарным режимам.

Рассматривая медиасферу как часть современной культуры, можно охарактеризовать медиакритическую деятельность как самопознание этой области культуры – однако с оговоркой, что это критическое самопознание дополняется изучением отношений культуры с многообразной социальной практикой – поскольку человек, выступающий в качестве познающего субъекта, включен не только в систему культуры, но и в более обширную систему общественных отношений. Аналогия медиакритики с критикой художественной (литературной, музыкальной и т.д.), доказавшей со времен Белинского и Стасова свои возможности мощного воздействия на общественную жизнь и взгляды современников, подтверждает право на существование критики средств массовой информации как в культурном, так и в более широком социально контексте.

Через критику, предполагающую конструктивное сомнение, критическое суждение, проверку на истинность через соотнесение с критериями рациональности и с практикой, осуществляется определение ценности ранее накопленных и приобретаемых новых

знаний. Благодаря критике обеспечивается испытание текущей ценности исторического культурного опыта через его проверку на адекватность развивающейся общественной практике, на соответствие определенным социальным и культурным идеалам и нормативам, сложившимся на данном этапе развития общества. Критика осуществляет также постоянную ревизию действующих социально-культурных и профессиональных нормативов, отрицая при этом одни нормативы и утверждая другие, и способствует культивированию и обновлению различных социально-нормативных систем (идейных, этических, эстетических, профессиональных, поведенческих и пр.), призванных регулировать деятельность людей в обществе. Таким образом критика реализует свою социально-ориентирующую, регулирующую роль.

Основным материалом для анализа, интерпретации и оценки в журналистской критике средств массовой коммуникации являются опубликованные медийные произведения (медiateксты), весь содержательный комплекс СМК. Критическому рассмотрению подвергаются содержательные и формальные аспекты медiateкстов, являющихся продуктом деятельности журналистов и других творческих работников, а также репродуктивного воспроизведения в средствах массовой информации творческих работ созданных вне медийных организаций (музыкальных произведений, кинофильмов и т.д.). В содержании периодических изданий, в передачах радио и телевидения велика доля форм и жанров, свойственных искусству либо пограничным с ним областям творчества, а также гибридных, смешанных документально-художественных форм. Включаемые в содержание СМК, они приобретают новые коммуникативные характеристики в качестве медiateкстов. Это объясняет их нахождение в поле зрения отечественных и зарубежных критиков СМК, которые анализируют и оценивают как журналистский компонент медийного содержания, так и другие его компоненты. По этой причине медиакритике свойственна близость к другим областям критико-журналистского творчества – кинокритике, литературной, театральной, музыкальной критике – вплоть до взаимопроникновения.

Сегодня, когда периодическая печать, радио и телевидение превратились в разветвлённый высокотехнологичный информационно-экономический комплекс, действующий под влиянием рыночных законов спроса и предложения, конкуренции и взаимовлияния, представляется недостаточной преимущественная концентрация внимания критиков на анализе медийного содержания, а также на рассмотрении творческого вклада их создателей. Критическое познание медiateк-

стов не может быть адекватным и исчерпывающим без учёта влияния разнообразных факторов информационного производства и социальной среды на процесс создания медиаконтента и интеракции СМК с аудиторией.

В современных условиях деятельность средств массовой информации представляет собой сложный сплав творчества, коммерческого расчёта и технологического детерминизма, соотношение которых варьируется в зависимости от конкретного социального, экономического, правового, культурного и профессионального контекста функционирования печатной и электронной прессы. Журналисты, как и другие творческие работники средств массовой информации, действуют в составе редакционной команды в качестве сотрудников медийной организации, представителей определённого профессионального сообщества. Признавая важность критического рассмотрения индивидуально-творческих аспектов их работы, необходимо также уделять пристальное внимание организационным и другим значимым сторонам их деятельности. В первую очередь речь идёт об экономических аспектах информационного производства, определяющих деятельность создателей медиаконтента в условиях рынка.

Определение общественного значения и ценности медийного содержания требует критического его изучения в контексте, формируемом социальной средой функционирования СМК. Медиакритика способна выявлять степень адекватности и полноты отображения социальных явлений и процессов в СМК, соотнося с объективной реальностью картины и образы действительности, формируемые средствами массовой информации. Она определяет и корректирует возможные искажения и когнитивные «дыры», образующиеся в случаях, когда создатели медийного содержания невольно или преднамеренно опускают часть информации, необходимой аудитории для адекватного знания и понимания общественных реалий.

Таким образом медиакритика выявляет степень социального реализма средств массовой коммуникации. Социальный реализм СМК является важным условием эффективной адаптации аудитории к условиям общественной среды и подготовки к рациональному преобразующему воздействию на эту среду.

Учитывая беспрецедентно возросшую социальную роль печатной и электронной прессы, специфику её функционирования в условиях медиатизированного социума, медиакритика обязана также постоянно держать в поле зрения многообразные отношения СМК с обществом, с различными его институтами. Всё это позволяет определить предмет медиакритики как актуальное многоаспектное социальное функционирование средств массовой коммуникации.

В зависимости от состава авторов – критиков СМК, аудиторного предназначения критико-журналистских произведений, а также особенностей их содержания медиакритика предстаёт в трёх основных взаимопроникающих и взаимосвязанных видах: научно-экспертной, профессиональной и массовой критики СМИ, которые образуют в совокупности сложное системное единство.

Научно-экспертная медиакритика, представленная критико-журналистскими работами учёных и исследователей, адресуется обычно как научным кругам, так и профессионалам массмедиа. Как правило, она познаёт и оценивает наиболее сложные и масштабные проблемы и процессы функционирования средств массовой коммуникации, требующие теоретического подхода, повышенного уровня компетентности. В академической медиакритике приобретает наиболее полное воплощение свойство научности, поскольку её произведения создаются авторами, владеющими инструментарием научного исследования СМК. Среди видных российских представителей научно-экспертной медиакритики – университетские учёные В.В. Тулупов, Б.Н. Лозовский, Р.П. Баканов и др.

Профессиональная (она же «внутрицеховая», внутрикорпоративная) медиакритика имеет своим главным адресатом сообщества журналистов и других создателей медийного содержания. В роли критиков в данном случае обычно выступают представители этих сообществ либо авторы, тесно связанные с данными сообществами по роду профессиональной деятельности. Произведения «внутрицеховой» медиакритики публикуются чаще всего на страницах профессиональных изданий по журналистике и отраслевых изданий («Журналист» и др.) .

Массовая медиакритика обращена одновременно как к широкой аудитории читателей, телезрителей, радиослушателей, так и к творцам содержания СМИ. При этом журналисты и другие творческие работники средств массовой информации предстают в двоякой роли. С одной стороны, это коллеги, к которым критик обращается с разбором их деятельности. С другой стороны, это часть общей аудитории – более информированная, искушённая и критичная её часть. Массовая медиакритика стимулирует общественный интерес к актуальным проблемам социального функционирования средств массовой информации, обеспечивает возможность постоянного диалога между аудиторией и СМИ, способствует выработке общественного консенсуса в отношении спорных аспектов деятельности массмедиа, просвещает потребителей медийной информации в вопросах функционирования печатной и электронной прессы. Наиболее известный представитель массовой медиакритики – И. Петровская, автор многочисленных об-

зоров телевидения в «Известиях» и «Новой газете», удостоенный профессиональной премии «Золотое перо России».

Отношения между тремя видами медиакритики в идеале строятся по принципу сообщающихся сосудов: научно-экспертная обогащает профессиональную теоретическими знаниями и концептуальными подходами, новыми идеями и добытым исследовательским материалом, и, в свою очередь, обе эти разновидности критической деятельности подпитывают массовую медиакритику новыми знаниями, подталкивают её к постановке и публичному обсуждению проблем, выявленных наукой и профессиональной практикой.

В условиях медиатизированного социума всё более насущной проблемой становится целенаправленная подготовка граждан к умелому и сознательному взаимодействию с массмедиа. Речь идет не только и не столько о медиаграмотности – т.е. передаче элементарных знаний о СМК и потребительских умений для пользования огромным спектром информационных ресурсов и услуг, предоставляемых рынком современному человеку. Значение системного и комплексного медиаобразования, понимаемого как целенаправленная подготовка людей к общению с СМК, возрастает в современных условиях, когда массмедиа всё шире используются для политического и коммерческого манипулирования гражданами, роль которых в отношении к медийному комплексу сводится к роли потребителей¹. В наши дни используются беспрецедентно широкие возможности для формирования медийной картины событий, которая зачастую обслуживает контрпрогрессивные, антидемократические интенции властных и эклономических элит, в результате чего манипулируемые граждане лишаются возможности сознательного политического самоопределения и подлинно свободного выбора в своих социальных действиях. Но именно реальная свобода выбора является одним из фундаментальных принципов демократии.

В формировании зрелой медиакомпетентности граждан, включающей их резистентность к манипуляциям, осуществляемым через СМК, важную роль призвана сыграть медиакритика с её развивающим, просветительским потенциалом. Медиакомпетентность граждан является важнейшим условием укрепления демократического порядка, предотвращения тенденций перерождения демократии в её манипулятивный эрзац. Дефицит медиакомпетентности серьёзно затруд-

¹ См.: Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М., 2007 и др. Работы представителей таганрогской школы медиаобразования.

няет реализацию демократических прав граждан в условиях, когда их нарастающая субъектная активность в массово-коммуникативной сфере становится одной из важнейших предпосылок эффективного участия личности в общественной и политической жизни. развития гражданственности россиян.

*Мчедлова Е.М.
(Россия, Москва)*

ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ

Аннотация. Историческая встреча глав православной и католической церквей на острове Куба показала начало духовного единения традиционных конфессий. Она призывает все общественные силы к участию и переговорам, чтобы решать насущные вопросы.

Ключевые слова: православная церковь, католическая церковь, религиозная свобода, духовное единение, межконфессиональный диалог

Мы наблюдаем, что церковь и религия в целом набирает обороты, меняются также и духовные основы, она все больше старается влиять на умы не только верующих, т.е. ее адептов, не только интересующихся, но и не имеющих к ней отношения, а также на политическую и экономическую жизнь государства. Это свойственно почти всем религиям. В результате на первый план вылез религиозный вопрос. Точнее, религиозной, а заодно и национальной принадлежности, что касается в основном различных конфликтных случаев, причем конфликты эти происходят не на почве веры, а памятуя об образе жизни. Идущий ныне в мире процесс, затрагивающий духовную сферу, – пересмотр ценностей – показывает, что в традиционных религиях отношение ко всему существующему претерпело значительные изменения, оно уже не то, что было раньше, особенно в связи с социально-политической ситуацией в странах. Не избежала этого и Россия. Так, меняется подлинная суть религиозности: напомним, что, по результатам полномасштабного исследования религиозности населения России, две трети опрошенных (66%) – верующие (по самоидентификации), среди которых преобладающее большинство – православные (почти 85%). При этом большая часть – невоцерковленные (практически не посещают молельные дома, не молятся или молятся какими-то своими молитвами, не исповедуются и не причащаются, не соблюдают постов, не читают священных книг и т.д., т.е. практически не участвуют в религиозных практиках, в общины почти не собираются). На сегодняшний день они более предрасположены к светской,

мирской жизни, исповедуя вместе с тем духовные каноны, т.е. следуя человеческим взаимоотношениям, патриотизму, нравственности, толерантности и уважению, хорошим поступкам, адекватному социальному поведению, принесению пользы обществу, труду, культуре, здоровью, процессу обучения, семейным отношениям; им не чуждо накопление материальных благ (что свидетельствует о невозможности отказа от материальной составляющей). В целом, несмотря на ряд пертурбаций, наблюдается рост религиозности (но не воцерковленности, остающейся на уровне 10-12%), хотя и незначительный на первый взгляд. Вероятные причины подобного явления: влияние социальных, политических и экономических условий, т.е. объективной ситуации, сложившейся сегодня в стране; рост влияния всего церковного или религиозного; дань моде; так и в духовно-нравственном отношении оно выступает в качестве средства утешения от видимой безысходности.

О диалоге мировоззрений и духовном единении основных направлений христианства говорит, в частности, Совместное заявление Святейшего Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, принятого по итогам их встречи 12.02.2016 (Гавана, Куба).

В отличие от резолюций различных светских мероприятий, приветствие, заключительные слова и собственно положения излагаются прежде всего с позиции веры: «...Мы встретились как братья по христианской вере, чтобы...обсудить взаимоотношения между Церквями, насущные проблемы паствы и перспективы развития человеческой цивилизации...Мы радуемся тому, что сегодня здесь динамично развивается христианская вера. Мощный религиозный потенциал Латинской Америки, ее многовековые христианские традиции, реализуемые в жизненном опыте миллионов людей, являются залогом великого будущего этого региона» (пп.1 и 2 Коммюнике).

По идее, и у православных, и у католиков имеются общие христианские корни. И, казалось бы, они уже давно могли бы объединиться на этой или какой-либо еще почве. Однако этого не произошло. В последнее время исторические обстоятельства так сложились, что назрела насущная необходимость в конструктивном диалоге и совместных действиях, в частности, для решения ряда глобальных проблем. Как отмечается в Коммюнике, «...несмотря на общее Предание первых десяти веков, католики и православные на протяжении почти тысячи лет лишены общения в Евхаристии...Мы скорбим об утрате единства, ставшей следствием человеческой слабости и греховности...». И чуть далее, «...осознавая многочисленные препятствия, которые предстоит преодолеть, мы надеемся, что наша встреча

внесет вклад в дело достижения того благодатного единства, о котором молился Христос... Пусть она – в мире, который ожидает от нас не только слов, но и деяний... » (пп. 5, 6).

Подобная религиозная сфера довольно тесно взаимосвязана с правами и свободами человека как социальной категорией, базирующейся, в частности, на духовности и соответственно нормах морали, нравственности и достоинства личности. И вот почему. Волны миграции, захлестнувшие Европу, отдельные национальные движения преимущественно имеют религиозный контекст. Это может свидетельствовать, например, о том, что нынешняя религиозная действительность имеет тенденцию приспосабливаться к современным формам социального и политического участия. Права и свободы влекут за собой обязанности и ответственность человека. Личность, реализуя свои интересы, должна соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Более того, существуют ценности, которые стоят в ряду не ниже прав человека – это вера, нравственность, святыни, Отечество. И общество, и государство, и закон должны их защитить, не допуская экстремальных ситуаций: «Наш взор устремлен, прежде всего, к тем регионам мира, где христиане подвергаются гонениям. Во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки наши братья и сестры во Христе истребляются целыми семьями, деревнями и городами. Их храмы подвергаются варварскому разрушению и разграблению, святыни – осквернению, памятники – уничтожению. В Сирии, Ираке и других странах Ближнего Востока мы с болью наблюдаем массовый исход христиан из той земли, где началось распространение нашей веры и где они жили с апостольских времен вместе с другими религиозными общинами.

9. Мы призываем международное сообщество к незамедлительным действиям для предотвращения дальнейшего вытеснения христиан с Ближнего Востока... Мы сопереживаем и страдаем с иными религиозными традициями, становящихся жертвами гражданской войны, хаоса и террористического насилия.

10. В Сирии и Ираке это насилие унесло тысячи жизней, оставив без крова миллионы людей. Призываем мировое сообщество сплотиться, чтобы покончить с насилием и терроризмом, и одновременно через диалог содействовать скорейшему достижению гражданского мира. Необходима широкомасштабная гуманитарная помощь страдающему народу и многочисленным беженцам в соседних странах...

14. Свидетельствуя о высокой ценности религиозной свободы, мы воздаем благодарение Богу за беспрецедентное возрождение христианской веры, которое происходит ныне в России и во многих

странах Восточной Европы... Христианские общины ведут широкую благотворительную и социальную деятельность, оказывая многообразную помощь нуждающимся. Православные и католики нередко трудятся бок о бок. Они отстаивают общие духовные основы человеческого общежития, свидетельствуя о евангельских ценностях.

15. В то же время нашу озабоченность вызывает ситуация, складывающаяся в столь многих странах, где христиане все чаще сталкиваются с ограничением права религиозной свободы и права свидетельствовать о своих убеждениях, жить в соответствии с ними... Мы обеспокоены нынешним ограничением прав христиан, не говоря уже об их дискриминации, когда некоторые политические силы, руководствуясь идеологией секуляризма, ...стремятся вытеснить их на обочину общественной жизни... (сделать из них маргиналов).

17. Наш взгляд обращен к людям, находящимся в тяжелом положении, живущим в условиях крайней нужды и бедности, в то время как материальные богатства человечества растут. Мы не можем оставаться безразличными к судьбе миллионов мигрантов и беженцев...

21. Призываем каждого к уважению неотъемлемого права на жизнь...

24. ...Призываем католиков и православных во всех странах учиться жить вместе в мире, любви и единомыслии между собой. Недопустимо использовать неподобающие средства для принуждения верующих для перехода из одной Церкви в другую, пренебрегая их религиозной свободой и их собственными традициями...».

Святые отцы ратуют за «укрепление братского сосуществования между...различными народами, Церквями и религиями...».

РПЦ, в частности, стремится к диалогу с людьми различных вер и подходов к правам человека, отмечающих их место в иерархии ценностей. Сегодня такой диалог и сотрудничество помогут избежать конфликтов цивилизаций, достичь сочетания на планете разнообразных мировоззрений, культур, политико-правовых систем: «13. В эту тревожную эпоху необходим межрелигиозный диалог. Различия в понимании религиозных истин не должны препятствовать людям разных вер жить в мире и согласии. В нынешних условиях религиозные лидеры несут особую ответственность за воспитание своей паствы в духе уважения к убеждениям тех, кто принадлежит к иным религиозным традициям. Абсолютно неприемлемы попытки оправдания преступных деяний религиозными лозунгами. Никакое преступление не может быть совершено во имя Бога...

25. Надеемся, что наша встреча принесет примирение там, где существуют трения между греко-католиками и православными. Сего-

дня очевидно, что метод «униатства» прежних веков, предполагающий приведение одной общины в единство с другой путем ее отрыва от своей Церкви, не является путем восстановления единства. В то же время церковные общины, которые появились в результате исторических обстоятельств, имеют право существовать и предпринимать все необходимое для удовлетворения духовных нужд своих верных, стремясь к миру с соседями. Православные и греко-католики нуждаются в примирении и нахождении взаимоприемлемых форм сосуществования...».

Большой резонанс в религиозном мире в том числе вызвали события на Украине. Они не оставили равнодушными Святейших Патриарха и Папу Римского, предлагая следующий путь выхода из конфликта:

«26. ...Призываем наши Церкви на Украине трудиться для достижения общественного согласия, воздерживаться от участия в противоборстве и не поддерживать дальнейшее развитие конфликта.

27. Выражаем надежду на то, что раскол среди православных верующих Украины будет преодолен на основе существующих канонических норм, что все православные христиане будут жить в мире и согласии, а католические общины страны будут этому способствовать, чтобы наше христианское братство было еще более очевидно».

В конце отметим, что, как говорится в совместном документе, «...в современном мире – многоликом и в то же время объединенном общей судьбой – католики и православные призваны братски сотрудничать...для общего свидетельства о нравственном достоинстве и подлинной свободе человека... Этот мир, в котором стремительно подрываются духовные устои человеческого бытия, ждет от нас сильного христианского свидетельства во всех областях личной и общественной жизни. От этого...во многом зависит будущее человечества» (п. 28 Коммюнике).

Мы также полагаем, что от успешного решения поставленных задач зависит будущее планеты. Одновременно с этим парадигма современности может привести к европоцентризму, пропагандирующему религиозную «эволюцию», серьезно ограничивающую любую социально-политическую трансформацию в странах, где она насаждается.

*Никулина Н.Н.
(Россия, Белгород)*

*Пуль Т.С.
(Россия, Белгород)*

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. Духовность и нравственность очень важны в процессе воспитания. Взаимодействуя со студенческим самоуправлением, администрация колледжа (методический совет, заместитель директора, кураторы) должна способствовать формированию студенческих ценностей. Авторы рассмотрели принципы и формы интеллектуального, социального, нравственного развития человека.

Ключевые слова: педагогический процесс, воспитание, ценности, духовность, внеучебная деятельность.

Современная социокультурная ситуация в российском обществе, актуализировавшая процесс гуманизации системы среднего профессионального образования, выдвигает в качестве общественно значимой и требующей безотлагательного решения проблему становления духовно-нравственных ценностей студентов. Проблемы, связанные с человеческими ценностями, которые играют большую роль в развитии человека и общества, выступая интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для человечества в целом, ученые относят к числу важнейших научных философских, психологических, педагогических проблем.

Многие ученые, как у нас, так и за рубежом, пришли к выводу, что воспитание – особая сфера и не может рассматриваться в качестве дополнения к обучению и образованию. Задачи обучения и образования не могут быть эффективно решены без выхода педагога в сферу воспитания. В этой связи современные профессиональные образовательные учреждения рассматриваются как сложная система, в которой воспитание и обучение выступают в качестве важнейших составляющих элементов ее педагогической системы.

По мнению Л.И. Новикова, воспитательная система – это целостный социальный организм, функционирующий при условии взаимодействия основных компонентов воспитания (субъекты, цели, содержание и способы деятельности, отношения) и обладающий такими

интегративными характеристиками, как образ жизни коллектива, его психологический климат.

Целесообразность управления процессом формирования духовно-нравственных ценностей в учреждениях среднего профессионального образования обусловлена следующими факторами:

1. Интеграцией усилий субъектов воспитательной деятельности, укреплением взаимосвязи компонентов педагогического процесса (целевого, содержательного, организационно-деятельностного, оценочно-результативного);

2. Расширением диапазона возможностей за счет освоения и вовлечения в воспитательную среду окружающей природной и социальной среды;

3. Экономией времени и сил педагогического коллектива, поскольку преемственность и диалектичность в содержании, методах осуществления воспитания обеспечивают достижение поставленных воспитательных задач;

4. Созданием условий для самореализации и самоутверждения личности студентов, что способствует их творческому самовыражению и росту, проявлению неповторимой индивидуальности, гуманизации деловых и межличностных отношений в коллективе [1, с. 58].

В системе управления процессом формирования духовно-нравственных ценностей студентов выделяется структура, обеспечивающая её целенаправленность, организацию и содержание.

Методический Совет определяет концепцию и программу развития воспитания, направленность ценностных основ их реализации, формирование целостного воспитательного пространства коллектива, методы и формы взаимодействия преподавателей и студентов, поддержку и развитие учебно-творческих и научно-исследовательских инициатив, новаторских идей в области воспитания коллектива.

Органы студенческого самоуправления изучают мнение и собирают предложения студентов по улучшению организации образовательного процесса, участвуют в реализации мероприятий внеучебной деятельности.

МАССОВЫЕ	Коллективные трудовые дела, праздники, вечера, утренники, конференции, собрания, диспуты, фестивали, олимпиады, смотры художественного творчества, выставки. Спортивные, военно-спортивные, трудовые соревнования и турниры, походы, экспедиции.
----------	--

ГРУППОВЫЕ	Трудовые объединения, художественно-творческие объединения, клубы по интересам, предметные кружки, детские и юношеские общественные объединения и организации, научные общества.
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ	Помощь в разработке и реализации индивидуальной программы самовоспитания, помощь в планировании и выполнении организаторской деятельности, индивидуальная научно-познавательная творческая и трудовая деятельность, общественные поручения.

Формы организации внеучебной воспитательной работы:

Образовательный процесс отражает свойства, характерные как для обучения, так и для воспитания:

- двусторонность взаимодействия педагога и ученика;
- направленность всего процесса на всестороннее и гармоничное развитие личности;
- единство содержательной и процессуальной (технологической) сторон;
- взаимосвязь всех структурных элементов: цели-содержания образования и средств достижения образовательных задач – результата образования;
- реализацию трех функций: развития, обучения и воспитания человека.

Полноценное интеллектуальное, социальное и нравственное развитие человека – это результат реализации всех функций образовательного процесса в их единстве [2, с. 67].

Управление процессом формирования духовно-нравственных ценностей в среднем профессиональном образовательном учреждении осуществляет заместитель директора по учебно-воспитательной работе. Основными направлениями деятельности являются:

- формирование основных направлений воспитания студентов, разработка программы и планов воспитания с учётом сформированных направлений воспитания методическим и педагогическим Советами, а также мнения органов студенческого самоуправления;
- определение целей и задач воспитания студентов, изучение и анализ информационных материалов о студентах-первокурсниках (результаты анализ результатов первичного анкетирования и индивидуальных бесед с первокурсниками), формирование на этой основе студенческих групп, ознакомление студентов с Уставом, структурой,

историей и традициями учреждения, с правами и обязанностями студентов, правилами поведения;

- изучение федеральных государственных образовательных стандартов, учебных планов с целью выявления их воспитательного потенциала и возможностей использования в воспитательной деятельности;

- участие в разработке и проведении различного уровня мероприятий, конференций, конкурсов.

Заместитель директора по учебно-воспитательной работе осуществляет непосредственное руководство воспитательной работы кураторов групп.

Важнейшее значение учебно-воспитательной работы имеет институт кураторов в учебных группах. Руководство куратора способствует адаптации студентов к условиям обучения в техникуме, включение в учебный процесс, правовому воспитанию, духовно-нравственному и профессиональному становлению личности. В процессе воспитательной работы куратор должен опираться на следующие положения:

- профессиональную направленность обучения и воспитания;
- духовно-нравственную и культурно-творческую направленность;
- индивидуальный подход, демократический и гуманистический стиль общения.

Исходя из названных принципов, определяется содержание и обязанности куратора:

- изучение и анализ социологических и психологических данных о студентах;

- определение уровня воспитанности, способности и индивидуальных особенностей (коммуникативных, характера, здоровья и т.д.);

- планирование программы воспитательных мероприятий, формирование организаторских умений и навыков студентов;

- проведение выборов старосты учебной группы, а также представителей студенческого коллектива в органы студенческого самоуправления, спортивные, научно-исследовательские, творческие и другие общественные организации;

- изучение и анализ социально-психологического климата в студенческой группе;

- создание условий для развития взаимопомощи и сотрудничества в учебной группе;

- решение задач в воспитательной сфере (работа в группе, на курсе, в студенческих общежитиях и др.) [3, с. 312].

Воспитание – процесс непрерывного творческого поиска. Сегодня воспитание может и должно быть понято не как одновременная передача опыта от старшего поколения к младшему, но и как взаимодействие и сотрудничество преподавателей и студентов в сфере их совместной учебной и внеучебной деятельности. Одним из наиболее важных субъектов воспитания, оказывающих на студенческую молодежь опосредованное влияние, является вся атмосфера учреждения, поэтому воспитательная среда формируется силами всех сотрудников учебного заведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морева Н.А. Педагогика среднего профессионального образования: Уч. пос. для студ. высш. пед. уч. заведений. 2-е изд., испр. и доп. / Н.А. Морева. – М.: «Academia», 2001. – 125 с.
2. Никулина Н.Н. Общая и профессиональная педагогика: учебно-методическое пособие для студентов по направлению подготовки 051000.62 «Профессиональное обучение (экономика и управление)» – Белгород: Изд-во БелГСХА, 2014. – 113 с.
3. Шмырева Н.А. Педагогические системы: научные основы, управление, перспективы развития / Н.А. Шмырева. – М.: «Прометей», 2005. – 572 с.

*Никулина Н.Н.
(Россия, Белгород)*

*Шевченко С.Н.
(Россия, Белгород)*

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Авторы обратились к наследию русских философов и своим разработкам, чтобы показать важность духовно-нравственных ценностей для жизни и развития современной молодежи. Намечены пути повышения уровня духовности студентов.

Ключевые слова: духовность, молодежь, ценности, философия.

В современном обществе наиболее остро стоит проблема приобщения подрастающего поколения к лучшим достижениям и ценностям духовной культуры человечества. В области духовной наблюдается крушение традиционных для российского общества нравственных ценностей, насаждение зарубежных стандартов культуры, упадок национальной культуры. Духовность теряет традиционно важную

роль в мотивации и регуляции деятельности поведения молодых людей. В результате реальностью сегодняшнего дня становится кризис процесса социализации молодежи, семьи, одним из проявлений которого выступает углубляющийся разрыв преемственности поколений, уничтожение социальной памяти, когда старшее поколение практически не может оказывать действенное влияние на духовное воспитание подрастающего поколения [10]. В этой связи проблема формирования духовно-нравственных ценностей в среде современной молодежи является весьма актуальной.

Среди нравственных ценностей, которые заслуживают сегодня особого внимания, укрепления и культивирования, являются любовь, милосердие, духовность, нравственность, доброта, сострадание, взаимопомощь и т.д. Одной из проблем молодежи как особой социально-демографической группы особого внимания заслуживает проблема формирования ее ценностей и ценностных ориентаций. Ценности выражают «критерии поведения людей, ведь каждый человек существует в определенной системе ценностей, которые призваны удовлетворять его потребности» [4]. Кроме того, ценностные ориентации молодежи позволяют определить степень ее включения в общество, т.е. признание общественно значимых ценностей. Важная роль в формировании устойчивых положительных качеств личности принадлежит духовным ценностям, которые свидетельствуют о ее высшем уровне развития, о личностной зрелости [4]. При этом духовные ценности охватывают общественные идеалы, установки и оценки, а также нормативы и запреты, эталоны и стандарты, принципы действия, выраженные в форме нормативных представлений о благе, добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливом и несправедливом, правом и противоправном, о смысле истории и предназначении человека. Именно благодаря духовным ценностям человек может вырваться из среды изолированности, ограниченной лишь материальными потребностями. Важно отметить, что духовные ценности мотивируют человека на совершение определенных поступков, кардинально отличающихся от обычных, приземленных [8].

Процесс становления духовности невозможно понять, не обратившись к анализу проблемы формирования нравственного сознания личности молодого человека [1]. Так, известно, что личность формируется под воздействием внешних воздействующих факторов объективной действительности, коллектива, ближайшего окружения и целенаправленного воспитания, а также в зависимости от внутренних свойств (качеств) личности, на которую направлены внешние воздействия. Развитие духовности человека связано с формированием его духовной культуры, в рамках которой происходит выбор ценностей,

осуществляется оценка явлений, действительности, вырабатываются цели и средства деятельности, определяется жизненная позиция и стратегия. Личность, которой свойственна духовность, осваивает сокровища культуры, произведения искусства, нравственный опыт, впитывая в себя вековые завоевания человечества [6].

В целом, представления о понимании духовности в разные исторические эпохи было неоднозначными. В настоящее время феномен духовности рассматривается в двух аспектах: религиозном и светском. С религиозной точки зрения, духовность рассматривается как воплощение в человеке нравственного закона бытия, данного Богом, и определяется через понятия «святой дух», «душа». Светское понимание связано с неуклонным следованием нравственным принципам, нормам и запретам, принятым в обществе.

В современной научной мысли духовность определяется как свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными [8]. В этике понятие «духовности» связано с выражением специфического человеческого качества, которое характеризуется мотивацией и смыслом поведения личности... Духовность выступает как позиция ценностного сознания, свойственная всем его формам – нравственной, политической, религиозной, эстетической, художественной, но особенно существенная в сфере моральных отношений. При этом духовность характеризуется бескорыстностью, свободой, эмоциональностью, оторвавшейся от физиологически детерминированных переживаний...».

В противоположность понятию «духовность» выступает понятие «бездуховность», которое выражается в приземленности, безнравственности, меркантильности и низкой культуре. Отсутствие духовного начала в человеке приводит к тому, что он становится черствым, циничным, агрессивным, неспособным к сочувствию, состраданию, истинной любви, вере, поэтому человеку важно совершенствовать духовное начало внутри себя [9]. Потеря духовности ведет к утрате патриотических настроений, стимулированию преступности и коррупции, росту этнической розни многонационального государства, в искажении значимых достижений в науке, культуре, а также уничтожению многовековых духовно-нравственных традиций России.

Проблема духовности человека достаточно отчетливо представлена в отечественной философской мысли. Так, по мнению многих выдающихся мыслителей России, сущность человека не сводится только к биологической и социальной сторонам, а наполняется также духовным содержанием. Представление о феномене «духовности» связано, главным образом, с русской культурой и её духовными традициями.

В христианской этике «духовность» рассматривается как сопряженность человека в своих высших стремлениях с Богом, не рационалистически расчетливый, а нравственный подход к пониманию справедливости и свободы. В то же время это свойство души, которое очищено от проявлений своеволия, эгоизма, агрессивности.

В этой связи русский философ Н. А. Бердяев утверждал, что духовность в жизни человека проявляется в его свободе, активности, творчестве, любви и милосердии, стремлении к преобразованию жизни. Во главу духовного становления Н.А. Бердяев ставил индивидуальную свободу личности. Философ полагал, что духовная энергия человека не может быть направлена исключительно на самого себя, а должна направляться на других людей.

Другой русский философ, В.С. Соловьева, говоря о духовности, отмечал, что духовность человека базируется на чувстве стыда, жалости, милосердия и благоговении по отношению к высшему началу [2]. Более того, В.С. Соловьев подчеркивал, что человек существует достойно только тогда, когда подчиняет свою жизнь и дела нравственному закону и направляет ее к безусловным нравственным делам.

Взаимосвязь понятий «духовность» и «дух» обосновывается в философской концепции Н.О. Лосского. Он определяет основные составляющие духовности, к которым причисляет свободу, истину, добро, любовь и красоту [5].

И.А. Ильин, рассматривая проблемы духа и духовности, пришел, к выводу, что наличие духовного начала в человеке является смыслом существования любой личности: «Дух есть... сокровенный, внутренний свет во всех сущих вещах; начало, во всем животворящее, осмысливающее и очистительное... дух есть сила самоопределения к лучшему...» [3]. Среди истоков духовности И.А. Ильин называет чувство стыда, чувство долга, порывы совести, любовь, потребность в милосердии и сострадании. Но в качестве наиболее важных и вечных духовных основ человека он определяет любовь и веру.

Таким образом, духовность проявляется в стремлении человека строить свои отношения с окружающим миром на основе добра, милосердия, сострадания, а свою жизнь на основе гармонии с окружающим миром. В свою очередь длительный кризис духовности у отдельной личности ведет к ее деградации. Духовность несовместима с черствостью, эгоизмом, ориентацией на материальные выгоды. Она может быть осознанной, осмысленной как проявление интеллигентности и частично неосознанной. В таком случае говорят о таких качествах человека, как сердечность, доброта, искренность, данные ему от природы. При этом духовность не определяется уровнем образования, культуры или интеллигентности, а также наличием материальных благ.

В настоящее время традиционное понимание духовности претерпевает существенные изменения. Духовность трактуется и воспринимается иначе, чем в предыдущих поколениях, утратив свою значимость и содержание для молодого поколения. Сейчас можно наблюдать ситуацию, когда молодежь не имеет целостных духовно-нравственных ориентиров и живет, руководствуясь стандартными установками современного материалистичного общества. На всех этапах взрослой жизни доминирует стремление к достижению материального благополучия, занять престижное положение в обществе и реализовать другие материальные желания. Под влиянием средств массовой информации, телевидения, Интернета, периодических изданий утилитарно настроенное общество призывает молодежь жить сегодняшним днем, добиваться быстрых результатов, соответствовать стандартам общества потребления. В результате молодые люди переживают состояние тяжелого духовного кризиса, связанного с «потерей смысла жизни», проявлением девиантных формы поведения – алкоголизм и наркомания, большим числом самоубийств среди молодых людей.

Общество модерна и постмодерна ориентировано не на воспроизведение традиций, а на прогресс и инновации, видит свои идеалы не в прошлом, а в будущем. Соответственно, не старшее поколение, а именно молодежь, в том числе студенческая, рассматривается как носитель высших социально значимых ценностей. Критическим моментом ситуации, в которой сегодня находится индивид, является глубочайший разрыв между техническими возможностями человека и его духовным развитием. Научно-технический прогресс позволяет человеку интенсивно воздействовать на материальную среду своего обитания, но в то же время человек пользуется этим неразумно, превращая науку и технику в инструмент достижения сиюминутных, корыстных, низменных стремлений [6]. Он окружен разнообразными техническими новинками, от которых попадает в зависимость и которые уводят его от реальной жизни.

Оказавшись в плену у собственных достижений в науке и технике, перед российским обществом встала проблема переосмысления исторического и культурного развития, а также в правильности выбранного пути развития по линии научно-технического прогресса. Сегодня важнейшим фактором духовной безопасности общества является духовно-нравственное состояние молодого поколения, так как именно оно является основным социальным ресурсом общества, а также олицетворением его будущего. В данном контексте наиболее актуальными проблемами в числе проблем, связанных с формирова-

ние духовно-нравственных ценностей, являются социальное здоровье и система ценностных установок современной молодежи.

Российская молодежь является проводником новых ценностей, среди которых набирают силу ценности социального престижа, статуса, успеха, и базовыми ценностями остаются духовно-нравственные. Поэтому для укрепления духовно-нравственных ценностей и позиций молодежи необходимо провести ряд серьезных мер по созданию «благоприятных» условий социального развития молодого поколения и реализации его субъектности.

Решение данной проблемы связано, главным образом, с духовно-нравственным воспитанием молодежи, представляющего собой педагогически организованный процесс, в котором студентам передаются духовно-нравственные нормы жизни, создаются условия для усвоения и принятия обучающимися базовых национальных ценностей, для освоения системы общечеловеческих, культурных, духовных и нравственных ценностей [10]. В свою очередь их усвоение «происходит в результате воспитательных взаимодействий воспитанника с воспитателями, сверстниками, другими людьми, с предметами, воплощающими в себе культуру, социальный опыт» [7]. И эти отношения воспитанника обусловлены его местом в семье, классе, школе, вузе всегда в чем-то специфичны, уникальны, они постоянно опосредуются внутренними условиями личности, ее индивидуальностью.

Духовно-нравственное воспитание личности – сложный и многогранный процесс, включающий педагогические, социальные и духовные влияния. Оно содействует развитию у человека чувств нравственных (справедливости, долга, доброжелательности, участия, доверия, чести, совести, достоинства); нравственного поведения (готовности служения Родине, рассудительного поведения); нравственного облика (кротости, толерантности, доброты, эмпатии); нравственной позиции.

В России духовно-нравственное воспитание в семье традиционно способствовало формированию личности человека на основе православия. Утрата современным обществом традиционной роли религии, изменение сути понятия духовность, все это способствует возникновению кризиса в духовно-нравственной сфере [9]. Уход от религии не дает четкого определения таких понятий как добро и зло, справедливость, честь, совесть. Именно в недрах православия формируются традиционные для русских людей духовные ценности и идеалы, такие как любовь к Родине, трудолюбие, искренность, доброта, верность, порядочность.

Духовно-нравственное воспитание имеет значительное влияние на становление личности, благотворно влияет на формирование эти-

ческого и эстетического развития, на формирование гражданской позиции, патриотическую и семейную ориентацию, эмоциональное состояние и общее физическое и психическое развитие. Обращение к опыту православной педагогики в настоящее время, когда идет поиск духовного возрождения России, особенно актуально, так как общество и государство остро нуждаются в социально-педагогических моделях, обеспечивающих духовно-нравственные основы жизнедеятельности человека, государства, общества [1]. И поэтому духовно-нравственное воспитание предполагает систематическую и целенаправленную деятельность по формированию духовных ценностей, нравственности и культуры в контексте национальных традиций края. Результатом работы системы духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи должно стать: духовно-нравственный и культурный подъём, сохранение культурных и семейных традиций, увеличение числа зарегистрированных и многодетных семей, уменьшение числа безнадзорных детей, снижение межэтнических, национальных конфликтов, уровня криминализации, активное противодействие пропаганде образцов массовой культуры, основанных на культе насилия.

Совершенствование системы духовно-нравственного воспитания детей и молодёжи необходимо для возрождения духовных ценностей, утверждения идеалов добра, справедливости и милосердия, укрепления нашего Отечества, нашей Родины, формирования национальных традиций и моральных устоев, для сохранения своих исторических корней и культурно-духовной самостоятельности. Данная позиция в целом будет способствовать формированию духовно-нравственных ценностей современной молодежи.

Основными рекомендациями по совершенствованию системы духовно-нравственного воспитания являются: включение духовно-нравственного компонента учебный процесс профессиональных образовательных организаций; внедрение в семейное воспитание традиций народной педагогики и народных игр; оказание помощи родителям в формировании нравственного образа жизни семьи, в профилактике и диагностике наркомании, в предупреждении негативных проявлений у детей, подростков и юношества; пропаганда в средствах массовой информации традиционных духовно-нравственных ценностей добродетельного образа жизни; разработка и апробирование контрольно-диагностических мероприятий по определению уровня духовно-нравственной и патриотической воспитанности; проведение олимпиад и конкурсов студенческих работ по духовно-нравственной и культурологической тематике, проведение совместных научно-практических конференций студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбородова Л.В. Формы взаимодействия педагогов, учащихся и родителей / Л.В. Байбородова. – Ярославль: Луч, 2002. – 39 с.
2. Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии: учеб. пособие для вузов / А.Ф. Замалеев. – М.: Наука, 1995. – 191 с.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1996, Т.1. – 463 с.
4. Крикун Е.В. Экологическая составляющая в формировании характера россиянина (на примере жителей Белгородской области) / Е.В. Крикун, И.А. Белозерова // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: материалы международной научно-практической конференции. – Воронеж: ООО «ПТ», 2015, Часть 1. – С. 232-236.
5. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
6. Никулина Н.Н., Шевченко С.Н. Духовная безопасность студенческой молодежи / Н.Н. Никулина, С.Н. Шевченко // Материалы XX международной научно-производственной конференции «Проблемы и перспективы инновационного развития агротехнологий» 23-25 мая 2016 г. – Белгород: Издательство Белгородского ГАУ, 2016. – С. 234-235/
7. Никулина Н.Н., Шевченко С.Н., Давитян М.Г. Системный подход в педагогике как общеметодологический принцип науки. // Политематический сетевой электронный научный журнал кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 111. – С. 986-1005.
8. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.
9. Шевченко С.Н. Проблема духовности в среде студенческой молодежи / С.Н. Шевченко, А.Л. Ефименко // Материалы междунар. студен. научной конференции Белгородского ГАУ. – Белгород: Изд-во Белгородского ГАУ, 2015. – 241 с.
10. Шевченко С.Н. Проблема патриотического воспитания современной молодежи / С.Н. Шевченко // Образование: традиции и инновации: материалы V международной научно-практической конференции. – Отв. редактор Уварина Н.В. – Прага, Чешская Республика: Изд-во WORLD PRESS s.r.o., 2014. – С. 482.

*Олейников Александр Алексеевич
(Россия, Москва)*

*Алещенко Вячеслав Анатольевич
(Россия, Москва)*

О КРИТЕРИЯХ МАКРОКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ И СТРАН СНГ

Аннотация. В статье рассматриваются критерии макроконкурентоспособности национального хозяйства. При этом указывается, что критерии, разработанные западными различными агентствами, направлены на развал национальных хозяйств, на получение западными компаниями односторонних преимуществ. Общий вывод статьи гласит: западная модель открытой экономики абсолютно не подходит специфике и особенностям России.

Ключевые слова: национальная конкурентоспособность, критерии, модель открытой экономики.

Наши либералы, включая и ключевых министров, а также известных банкиров (Греф, Костин и др.), как правило, любят ссылаться на западные показатели национальной конкурентоспособности России. При этом высокие показатели, дескать, должны свидетельствовать и о высокой эффективности экономики России и наоборот. Однако надо иметь в виду, что данные показатели всегда соответствуют интересам западной экономики и крупнейших западных компаний, но только не России. И мы это покажет ниже.

Стандартные показатели национальной конкурентоспособности *ориентируют национальное хозяйство на достижение высоких темпов роста, опираясь на рыночные механизмы «открытой экономики»*. При этом, стремясь соответствовать международным либеральным параметрам, реформаторы в 1990-е годы в целом ряде постсоветских республик широко открыли национальное хозяйство для иностранного капитала, устранив при этом государство из экономики и активно импортируя западные рыночные институты.

Внешне всё начинало выглядеть прекрасно: 1) экономика становилось открытой, 2) государство – либеральным, 3) инфраструктура рынка – начинала соответствовать западным стандартам, а 4) институты рынка – стандартам мирового рынка. Одновременно с этим перенимались западные методы и стандарты управления. Словом, Россия и другие постсоветские республики начинали постепенно

соответствовать главным «комплексным факторам конкурентоспособности страны».

Анализируя ранги конкурентоспособности 59 стран по главным факторам КСП, следует в первую очередь отметить, что по таким факторам, как «Государство» и «Институты» Россия, по оценке МЭФ, занимала в 1999 г. последнее, 59-е место, по факторам «Финансы», «Инфраструктура», «Управление» — предпоследнее, 58-е место, по «Открытости» — 56-е, «Технологии» — 55-е и по фактору «Труд» — 25-е место [3, с. 21].

По данным Всемирного экономического форума (экономист Маргарита Дрезеньек), Казахстан в рейтинге конкурентоспособности занимает 56-е место в мире, однако рейтинг этот совокупный, то есть по некоторым позициям мы уже в нее попали, а в каких-то моментах отстаем. К примеру, по количеству мобильных телефонов (параметр технического развития) мы занимаем 83-е место в мире, по легкости доступа кредитов занимаем 56-ю строчку, а по возможности открытия бизнеса двадцать пятую. Коэффициент конкурентоспособности Беларуси в 2002 г. составлял 0,8891 и 106 место [6].

Таблица 1

Эффективность использования ресурсов странами мира:
Критерии макроконкурентоспособности (МКСР) (2003 г.) [6]

Страна	Деньги	Коммуникации	Товары и услуги	Люди	Энергия	Коэффициент МКСР
Ирландия	0,998417	0,861647	0,966874	0,925916	0,936034	0,9388(1)
Швейцария	0,926280	0,876027	0,962394	0,922418	0,962143	0,9303(2)
Дания	0,933580	0,890181	0,937341	0,920569	0,946800	0,9259(3)
Норвегия	0,972308	0,868958	0,922268	0,917126	0,940447	0,9248(4)
Нидерланды	0,931586	0,885371	0,949348	0,917887	0,928136	0,9227(5)
Финляндия	0,942163	0,881311	0,934834	0,921781	0,931983	0,9226(6)
Швеция	0,937159	0,868017	0,935217	0,922687	0,943981	0,9218(7)
Япония	0,927752	0,876328	0,945480	0,913954	0,940552	0,9211(8)
Сингапур	0,943375	0,866259	0,959089	0,919264	0,906733	0,9195(9)
США	0,904485	0,894485	0,951689	0,920096	0,924449	0,9192(10)
Германия	0,937630	0,866461	0,929946	0,918199	0,928850	0,9186(11)
Англия	0,911067	0,870948	0,949626	0,919241	0,938376	0,9182(12)
Бельгия	0,934087	0,865724	0,945484	0,914746	0,928121	0,9180(13)

Франция	0,921053	0,863721	0,942609	0,916342	0,940569	0,9173(14)
Латвия	0,909420	0,864490	0,919413	0,914327	0,915465	0,9048(34)
Польша	0,917774	0,852220	0,923401	0,912380	0,913599	0,9042(38)
Литва	0,913654	0,8522332	0,923733	0,909148	0,916629	0,9034(41)
Россия	0,915287	0,849334	0,921157	0,916545	0,910208	0,9029(43)
Китай	0,922597	0,836202	0,934783	0,905918	0,909452	0,9024(45)
Молда- вия	0,911867	0,842902	0,915219	0,908120	0,907554	0,8975(80)
Бела- русь*	0,877391	0,854786	0,921660	0,917940	0,908864	0,8965(87)
Украина	0,902768	0,856656	0,899986	0,911127	0,906259	0,8955(95)

О масштабах **теневой экономики**, а этот показатель также влияет на **рейтинге конкурентоспособности**, можно судить по ее доле в ВВП, которая достигает **в Казахстане, по некоторым оценкам, до 40% ВВП**, а по другим данным – еще больше. Это к вопросу о том, что нельзя совсем уже скептически относиться к этим рейтингам, считая их политизированными.

По оценкам Социологического центра Российской академии госслужбы, за первое 10-летие лет **теневой сектор в России вырос в 5 раз и достигает 50% ВВП [4]**. Характеризуя современное состояние общества и коррупции, Центр Сулакшина оперирует термином «Приватизированное государство». С.С Сулакшин поясняет: «приватизированное государство – это патологическое государство, преимущественным образом обслуживающее интересы узкой группы лиц путем обеспечения и воспроизводства их монополии на власть» [10].

Рентные доходы, извлекаемые новыми собственниками из недооцененных активов, стали источником масштабной коррупции. По данным академика Д.Львова, в современной России почти 75% национального дохода приходится на долю ренты от использования ее природно-ресурсного потенциала. И идет этот поток доходов в основной своей части в руки коррумпированных чиновников и криминальных бизнесменов.

Однако главный парадокс современной политики, направленной на повышение макроконкурентоспособности, заключается в том, что она ведется методами, в принципе исключающими достижение поставленной цели, а именно:

Стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами **одновременно**

ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом.

Этот тезис подтверждается анализом структуры, например, российского импорта и экспорта, а также итогов приватизации.

Удельный вес импорта в потреблении на внутреннем рынке в 1998 г. составил по сливочному маслу – 27%, шинам пневматическим резиновым – 35%, автомобилям грузовым – 17%, автомобилям легковым – 16%, холодильникам бытовым – 36% [9, с. 576-577; 9, с. 943-947].

Удельный вес экспорта составил в 1998 г.: 90% в производстве алюминия, 64% в производстве проката из железа и стали, 78% – в производстве целлюлозы древесной, 75% – бумаги газетной, 47% – тракторов, 35% – природного газа, 34% – лесоматериалов необработанных и т.д. **В целом доля иностранного импорта предметов потребления в некоторых регионах приблизилась к 50% товарооборота** [5, с. 159].

Резко выросла зависимость от импорта продуктов питания. Реформа привела к тяжелейшему кризису сельского хозяйства, производство продукции сократилось более чем на 40%. Объемы агропромышленного производства не обеспечивают даже минимальную потребность населения в продуктах. В результате страна оказалась в полной зависимости от иностранных производителей продовольствия. **Сегодня из-за рубежа завозится до 50% продовольственных товаров** [1, с. 25];. В целом доля иностранного импорта не только в продуктах, но и в предметах потребления широкого профиля также приблизилась к 50% товарооборота [7, с.1039]. Это говорит о том, что либеральные показатели макроконкурентоспособности противоречат индексам «национальной силы» государства. В соответствии с выводами ученых, «Национальная сила» и способность к выживанию оценивались по таким критериям, как географические условия, численность населения, природные ресурсы, экономическая мощь, оборонительные силы, национальная мораль, дипломатия и сотрудничество в области обороны.

Как уже подчеркивалось выше, определение национальной конкурентоспособности на основе этих индексов обнаружило, что макроконкурентоспособность, т.е. способность национального хозяйства к выживанию, в СССР была самой высокой: она составила 119%, что было выше, чем у США (100%), и более чем в два раза выше аналогичных показателей других развитых стран [7, с. 878]

Высокая макроконкурентоспособность советской экономики держалась на силе государства, а на среднем – корпоративном уровне – мы значительно уступали западной экономике просто в силу того,

что не имели крупных независимых (негосударственных) корпораций. Однако вместо того, чтобы создавать такие национальные корпорации, опираясь на помощь государства и разумную политику протекционизма, реформаторы пошли по другому пути: они открыли границы для иностранного капитала, максимально либерализовали внутренние рынки и убрали государство из экономики. Поэтому, когда в ходе реформ государство было по сути разрушено, большинство национальных предприятий в целом ряде республик оказались в руках иностранного капитала.

В частности, в России при проведении различного рода аукционов, распродаж государственной собственности заключались тайные соглашения, позволившие скупать государственную собственность за бесценок. В массовом порядке через подставные фирмы и другим путем были скуплены иностранными компаниями акции российских предприятий, имеющих стратегическое значение, обеспечивающих безопасность и экономическую независимость страны. В собственности иностранных компаний, криминальных структур оказались такие отрасли, как машиностроение, нефтедобыча, электроэнергия и др. **Более 90 % акций предприятий цветной металлургии страны принадлежат теперь западным компаниям.**

В результате были серьезно парализованы все отрасли промышленности, катастрофически упали объемы производства. Происходила деградация гражданского машиностроения, производство в котором сократилось к 1999 г. по сравнению с 1991 г. в шесть раз (без учета производства легковых автомобилей). Начатая в 1990 г. реформа парализовала машиностроение России и за десять лет простоя производственных мощностей привела к его глубокой деградации. Крупные машиностроительные предприятия были расчленены, так что число предприятий за годы реформы выросло в 10 раз и колеблется на уровне 54–55 тыс. Количество рабочих, занятых в отрасли, сократилось в 2,4 раза [2, с. 166].

Критерии и факторы «безопасности экономического пространства» отражают способность к выживанию экономики и хозяйства данной страны, являясь критериями её макроконкурентоспособности. Однако условия открытой рыночной экономики подрывают эту способность (живучесть), а значит, угрожают и самой безопасности «экономического пространства» страны. Хозяйственная практика уже доказала, что её уровень будет тем выше, чем выше степень защищённости национального хозяйства и его рынка от иностранной конкуренции.

Часто в качестве критериев макроконкурентоспособности приводятся различные **индексы «экономической свободы»**, которые

рассчитываются на основе инвестиционного климата в разных странах, являясь по сути индексами экономической «незащищенности» хозяйства стран от иностранного капитала.

Индексы «экономической свободы», имеющие нередко «заказной» характер и используемые как инструмент политического давления на данную страну в ходе различных международных переговоров, не следует смешивать с кредитными рейтингами по обязательствам в иностранной валюте. Такие рейтинги, присуждаемые различным странам международными банковскими агентствами, имеют в целом «технический» характер и более объективны (хотя и они также не лишены политической ангажированности). Практически все страны стремятся получить более высокий рейтинг, т.к. это автоматически улучшает условия получения международного кредита.

Таблица 2

Индекс экономической свободы
(шкала баллов: 5 – наихудший, 1 – наилучший)

Страны	Рейтинг в 2005 г.	Балл в 2005 г.	Балл в 2002 г.	Балл в 2000 г.	Балл в 1998 г.	Балл в 1995 г.
Беларусь	143	3,99	4,21	4,13	4,15	3,7
Эстония	4	1,65	1,73	2,19	2,43	2,4
Латвия	28	2,31	2,49	2,69	2,84	-
Польша	41	2,54	2,6	2,84	2,91	3,46
Украина	88	3,21	3,84	3,75	3,83	4,05
Россия	124	3,56	3,74	3,75	3,54	3,55

Источник: Индекс экономической свободы 2005, Heritage Foundation.

Казахстан, например, первым из стран СНГ в 2002 г. получил рейтинг инвестиционного уровня от международного агентства "Moody's Investors Services". В мае 2004 года агентство Standard & Poor's повысило долгосрочные кредитные рейтинги по обязательствам в иностранной валюте с ВВ+ до ВВВ– и кредитные рейтинги по обязательствам в национальной валюте с ВВВ– до ВВВ. **Высший рейтинг – AAA,** с таким рейтингом для получения кредита, например, не требуется обеспечения: гарантией сделки служит авторитет банка-контрагента или небанковского клиента с данным высшим рейтингом (AAA).

Таблица 3

Оценка инвестиционного климата

Показатели	Беларусь	Эстония	Лат- вия	Польша	Рос- сия	Украи- на
Налоговая нагрузка, %	47,0	16,7	27,3	64,7	24,6	39,6
Коррупция, %	17,9	5,4	11,7	27,6	13,7	27,8
Количество дней, не- обходимое для начала бизнеса, дн.	79	72	18	31	36	34
Количество процедур, необходимое для нача- ла бизнеса, шт.	16	6	7	10	9	15
Количество дней, не- обходимое для реги- страции собственно- сти, дн.	231	65	62	204	37	93
Количество процедур, необходимое для реги- страции собственно- сти, шт.	7	4	10	7	6	9
Срок окупаемости ин- вестиций, лет	5,5	10	11	11	9	6

Источник: World Bank, 2004.

Лидером по объемам освоенных прямых иностранных инвестиций на душу населения в настоящее время среди стран СНГ является Казахстан. В частности, за период независимости в экономику республики привлечено более 40 млрд. долл. США прямых иностранных инвестиций. При этом собственные внутренние инвестиции в основной капитал составляют порядка 70 млрд. долл. США.

Сделаем краткие выводы:

Концепцию национальной конкурентоспособности в современной рыночной системе нельзя определить только лишь «как способность национальной экономики производить и потреблять товары и услуги в условиях конкурентной борьбы с товарами и услугами, производимыми в других странах». Сами по себе ни положительный баланс внешней торговли, ни позитивный платежный баланс, ни рост золотовалютных резервов, — не могут являться абсолютно достаточными критериями конкурентоспособности, т.к. при этом не учитывается степень живучести всего национального хозяйства, а также не принимается в расчет общенациональная стратегия, нацеленная не на соответствие международным «лукавым» и двойным стандартам, а на

обеспечение качества жизни нации и воспроизводство всего общества.

В этом контексте следует ещё раз указать на невозможность повысить национальную конкурентоспособность любой постсоветской республики, понимая под этим т. н. «переход к конкурентной рыночной среде». Национальная конкурентоспособность далеко не равнозначна рыночной конкурентоспособности.

Главным условием достижения основных задач макроэкономической политики является метавоспроизводство как воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом. Экономические теории теряют свой смысл и перестают быть теориями общественного развития, если они оказываются неспособными выразить в теоретическом виде насущные потребности людей, а также общенациональные интересы и показать конкретный механизм их реализации.

Национально-экономическое развитие осуществляется прежде всего на основе постоянного процесса воспроизводства фундаментальных ценностей данной локальной цивилизации, ядром которой является данная нация и данный системообразующий народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С.Ю. Благополучие и справедливость: как победить бедность в богатой стране. – М.: 2003. – С. 25.
2. Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 166.
3. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. – С. 21.
4. Маньков В.С. Институциональные аспекты в государственном регулировании малого бизнеса // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 2004.
5. Николаев А.Б. Финансовый капитал и инвестиционный процесс. – С. 159.
6. Никитенко Н, Л. Платонова Л. Синергетический подход к оценке конкурентоспособности экономической системы. – М.: Общество и экономика, 2007
7. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. – М.: 2010. – С.1039.
8. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 943-947
9. Российский статистический ежегодник. 1999 г. – М., 1999. – С. 576-577.
10. Интернет-передача «Обретение смыслов». Тема: «Приватизированное государство» Выпуск №147. URL: <http://rusrand.ru/tv/meaning/privatizirovannoe-gosudarstvo>

*Олейников Александр Алексеевич
(Россия, Москва)*

*Алещенко Вячеслав Анатольевич
(Россия, Москва)*

ПРОБЛЕМЫ МАКРОКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ: ВЫБОР МЕЖДУ ОТКРЫТОЙ МОДЕЛЬЮ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ СУВЕРЕНИТЕТОМ

Аннотация. В статье критически оценивается американская модель открытой экономики, которая экономически выгодна для США, как финансовой экономике. Ее основу составляет эмиссия и экспорт американского доллара, превратившего США в глобальный эмиссионный центр. В обмен США импортируют все необходимые им ресурсы, практически бесплатно, т.к. себестоимость 100-долларовой купюры 10 центов.

Эта модель выгодна им практически крупным транснациональным компаниям и банкам США, позволяющим им практически минуя таможенную, завозить свои товары и навязывать национальным государствам дорогие кредиты американских банков. Кроме этого, данная модель требует ухода государства из экономики, подчиняя национальные государства своим интересам, подрывая их суверенитет. Именно поэтому правительство государства России обязано проводить политику разумного протекционизма, защищая национальных производителей и национальный рынок.

Ключевые слова: модель открытой экономики, финансовая экономика, эмиссионный центр, суверенитет, протекционизм.

В ходе либеральных реформ, перенимая западные методы и стандарты управления, Россия и другие постсоветские республики начинали постепенно соответствовать главным «комплексным факторам конкурентоспособности страны», на основе которых западные рейтинговые агентства составляют индексы конкурентоспособности (КСП) разных стран, а также их кредитные рейтинги, которые нередко имеют явно «заказной» характер и используются Западом как инструмент политического давления на Россию. Главная цель Запада в том, чтобы вообще убрать государство из экономики, открывая наше национальное хозяйство для иностранного капитала, разоружая его перед лицом конкуренции со стороны гигантских транснациональных корпораций и транснациональных банков Запада.

Стремясь соответствовать международным либеральным параметрам, либеральные реформаторы в 1990-е годы широко открыли национальное хозяйство России для иностранного капитала. А сего-

дня, – спустя 20 лет после начала разрушительных реформ, – они стремятся уничтожить остатки госсектора, государства и всего национального хозяйства. При этом наши либералы постоянно заявляют, что целью реформ является, якобы, рост национальной конкурентоспособности и эффективности национальной экономики и национального хозяйства.

Анализируя ранги и критерии конкурентоспособности 59 стран по главным факторам КСП, следует в первую очередь отметить, что по таким факторам, как «Государство» и «Институты» Россия, по оценке Центра международного развития Гарвардского университета, занимала в 1999 г. последнее, **59-е место**, по факторам «Финансы», «Инфраструктура», «Управление» – предпоследнее, **58-е место**, по «Открытости» – **56-е**, «Технологии» – 55-е и по фактору «Труд» – 25-е место [4, с.21]. «Очевидно, что стандартные либеральные показатели национальной конкурентоспособности, формально ориентируя хозяйство страны на достижение высоких темпов роста, опираются только лишь на рыночные механизмы «открытой экономики», в результате чего: 1) экономика должна становиться открытой, 2) государство – либеральным, 3) инфраструктура рынка – должна соответствовать западным стандартам, а 4) институты рынка – стандартам мирового рынка.

Однако *главный парадокс* современной политики, направленной на повышение макроконкурентоспособности, заключается в том, как справедливо подчеркивает д.э.н. А.А. Олейников, что «она ведется методами, в принципе исключающими достижение поставленной цели, а именно: *«стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом»* [13, с. 909]. И этот тезис подтверждается анализом структуры российского импорта и экспорта. Либеральные реформы привели к тому, что импортируется сегодня примерно 50-70% от объема потребления продуктов питания, товаров ширпотреба (бытовая техника, электроника и пр.), а также отдельных видов промышленной продукции [11, с. 159].

1. Противоречие между конкурентоспособностью рыночной экономики и макроконкурентоспособностью всего национального хозяйства

Критерии конкурентоспособности экономики страны были разработаны в США специалистами Центра международного развития Гарвардского университета. При этом очевидно, что за основу, за точку отсчета были взяты критерии частнохозяйственной эффектив-

ности, а также конкурентоспособности открытой рыночной экономики США.

Насколько факторы такой эффективности, ее показатели и критерии применимы к другим странам мирового хозяйства и прежде всего – к России? Несмотря на риторический характер этого вопроса, представляется целесообразным, хотя бы, кратко рассмотреть его.

Российские сторонники неолиберализма любят ссылаться на модель открытой экономики США, которая обычно ими преподносится как образец эффективности. При этом либеральный тезис о необходимости привлечения иностранного капитала чаще всего аргументируется простыми ссылками, например, на американский автомобильный рынок, на то, как конкуренция иностранных производителей, якобы, заставляет национальные автомобильные компании США улучшать качество и понижать цены на свою продукцию. В действительности она принуждает их только к тому, чтобы покидать национальный рынок, переводя свое *транснациональное* производство в развивающиеся страны — туда, где существуют низкие зарплаты и низкие издержки производства в целом.

Открытая экономика сегодня чрезвычайно повышает эффективность ТНК, размещающих свое производство на сотнях заводов, разбросанных в десятках стран. Однако одновременно она приводит к *деиндустриализации* экономики своих стран. Например, все американские автомобильные ТНК имеют свои производственно-сбытовые подразделения в большинстве азиатских стран. В этих условиях они могут быть заинтересованы в том, чтобы поддержать процессе «захвата» национального рынка азиатскими производителями, но только в обмен — на партнерские соглашения о разделе рынков, о технологическом содействии и других формах заинтересованного участия. Именно это и происходит сегодня в США. При этом не будем забывать, что **более половины своих прибылей General Motors и Ford получают от своих чисто финансовых подразделений**. Более выгодно для них не машины производить, а инвестировать свои средства в высокодоходные спекулятивные активы. Так, например, если средняя норма прибыли в автомобильной промышленности в 2000 году составила всего 4% средней прибыли (в промышленности в целом 5-6%), средний уровень доходности вложений на фондовом рынке — 25-35% в год [8, с. 149].

Современная модель экономики США является отражением *глобальной финансовой системы*, сформированной по принципу *перевернутой пирамиды*. В **реальный сектор** здесь вкладывается в среднем около **10%** от общего оборота мировых финансовых и других ресурсов. Соответственно, весь остальной денежный капитал

(90%), функционирующий на денежно-товарных рынках – не имеет никакого реального наполнения, нет материально-вещественных результатов, нет никакого производства. Это рынок, работающий по принципу: **деньги делают деньги**, то есть рынок чисто спекулятивных операций [15, с. 19].

Национальное хозяйство США, превращаясь в чисто денежное хозяйство, неизбежно перешло на чисто монетарные принципы управления. А это означает, что управлять страной и компаниями стали финансисты, ориентированные на спекулятивные сверхприбыли. Финансовые активы крупнейших американских компаний превышают объемы реального производства «в десятки, сотни, а то и тысячи раз» [6, с. 4].

В этих условиях либеральная модель открытой экономики является просто **неизбежным результатом** сложившейся в западном мире и в США **финансово-спекулятивной структуры хозяйства**.

Вопрос весь в том, *насколько эта модель эффективна для всего национального хозяйства*. Американский ученый-экономист Л. Ларуш пишет в книге «Физическая экономика»: «Между 1963 и 1993 гг. усиленно подпитываемый спекуляцией валовой внутренний продукт США возрос с 603,1 млрд. дол. до уровня 6374,0 млрд. дол. В течение этого периода «услуги» как компонент ВВП выросли с 39% до 54%, но даже рост вне сферы услуг включал в себя значительную долю обмана. В течение этого периода ВВП, как утверждается, возрос десятикратно, а секторы реальной физической экономики в расчете на домохозяйство и на душу населения в действительности сократились в размерах от 30 до 50% и даже больше [10; 7, с. 99].

К этому следует добавить, американская экономика имеет ярко выраженный *долговой характер*. Общая задолженность всех секторов экономики США примерно в 3,5-4 раза больше ВВП страны. А государственный долг США уже превысил 16 трлн. долларов. И это является результатом перепроизводства долларов, то есть неконтролируемой денежной эмиссии. Основу экономики США образует сегодня не промышленность, а чисто *денежное* – «*долларовое производство*». Американская экономика является пирамидой, на вершине которой располагается Федеральная резервная система (ФРС) США. ФРС печатает в среднем лишь 8% находящихся в обороте долларов, а остальную массу денег, то есть **92%** – эмитируют частные банки, подконтрольные ФРС [14, с. 14]. В результате прирост денежной массы в 1990-е годы был на уровне 10% в год, что почти вдвое превышало средние темпы прироста ВВП за этот период – 4,5% в год [16, с. 132, 136; 8 с. 142].

Очевидно, что факторы конкурентоспособности рыночной экономики за точку отсчета берут эффективность сегодняшней американской модели экономики, которая эффективно может функционировать только как *открытая экономика*, являясь эффективной для транснациональных корпораций США.

Однако нас должна интересовать именно народнохозяйственная эффективность, факторы повышения которой являются одновременно факторами роста конкурентоспособности нации, т.е. макроконкурентоспособности. Народнохозяйственная эффективность, отражающая рост конкурентоспособности нации или макроконкурентоспособности всего общества и его национального хозяйства, не может определяться денежными критериями и факторами. И это понятно, если не забывать, что национальное хозяйство включает в себя кроме рыночной экономики – огромную социальную сферу, отрасли инфраструктуры, которые не могут функционировать на основе критериев денежной, экономической эффективности [12, с. 52-60]. Главными здесь являются критерии социальной, народнохозяйственной эффективности. Ее основными критериями являются: а) уровень экономического развития страны, производственного потенциала экономики и производительности общественного труда; б) уровень развития социальной сферы страны; в) уровень духовного потенциала нации, развития культуры. В структуре производительных сил нации, ведущую роль играют именно *духовные силы народа* — его *дух*, его *воля*, его *устремленность* в будущее, его *сплоченность* вокруг общенациональных традиций и ценностей, его морально-политическое *единство*. Наличие этих факторов формирует движущие силы национально-хозяйственного строительства, преобразуя нацию из объекта — в субъект геополитики.

Очевидно, что структура формулы эффективности, отражая отношение результатов к затратам, будет иметь здесь совершенно *другое содержание*, так как результаты будут привязаны к конкретным социокультурным и социально-экономическим показателям; а затраты будут иметь *другое измерение*, включая в себя, например, уборку снега, строительство национальных дорог и прокладку туннелей в скальных породах, строительство и содержание учреждений социальной сферы (социальная инфраструктура). Затраты здесь будут намного выше, чем, скажем, на отдельном частном предприятии. И это указывает на то, что критериями частнохозяйственной, денежной эффективности (масса и норма прибыли), подчеркнем еще раз, нельзя измерить эффективность и макроконкурентоспособность всего национального хозяйства.

Итак, все приведенные выше факты подтверждают вывод, приведенный в начале статьи: *«стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом»*. И этот вывод подтверждается также драматическим опытом либеральных реформ, насаждающих в России все последние двадцать лет американскую модель открытой экономики.

Все знают, к чему это привело: процветают крупнейшие топливно-сырьевые компании, работающие на Запад, на мировое западное хозяйство, являясь его анклавными придатками в России; с другой же стороны, подрываются основы не только воспроизводства российского общества, но и сами основы его существования. Сегодня объёмы выпуска наукоёмкой продукции в 3-10 раз ниже, чем 20 лет назад, объём капитальных вложений в высокотехнологичные производства находится на отметке середины 1960-х годов (35% от 1990 г.), а износ базовой технологической инфраструктуры зашкаливает за 80-85%. И это при том, что Россия продолжает изымать под надуманным предлогом борьбы с инфляцией порядка 3-5% ВВП ежегодно и вывозить в виде резервов за рубеж, кредитую стратегических конкурентов в США и ЕС под 1,5-2% и провоцируя острую нехватку денежного предложения внутри страны. [3, с. 2].

Другими словами, одни становятся все богаче: по данным официальной статистики, в России 101 долларовый миллиардер, 160 тысяч человек с годовым доходом более 1 миллиона долларов, 400 тысяч человек с доходом свыше 100 тысяч долларов в год.

С другой стороны: в стране около 57 миллионов человек имеют ежемесячный доход ниже 7 тысяч человек, то есть менее 84 тысяч рублей в год [17, с. 1]. Общество в целом деградирует, и об этом наглядно свидетельствует государственный бюджет, принятый Госдумой РФ на 2013 год предусматривает сокращение финансирования ключевых направлений (национальной экономики, науки, образования, здравоохранения, культуры, спорта и ЖКХ) на 20-60% – с учётом инфляции [3, с. 2].

2. Частнохозяйственная модель открытой экономики США против экономической самостоятельности России

Речь идет о выборе между двумя моделями национального хозяйства, основанными на либерализме и традиционализме. Суть проблемы выбора в том, что эти модели имеют разные цели. Говоря об этой проблеме, д.э.н. М.И. Гельвановский подчеркивает, что «задача выстроить крепкий дом – национальное хозяйство – входит

в противоречие с задачей каждого субъекта рынка получить максимальную прибыль, т.е. накопить богатство» [1, с. 132].

Главная цель либерально-рыночной модели хозяйства сводится в конечном итоге к потребительству и накоплению товарно-денежных ценностей, а ее важнейшим критерием, как известно, является частнохозяйственная или рыночная эффективность.

Однако главная цель национального хозяйства, основанного на традиционных ценностях, безусловно, стоит выше «потребительского производства» (К. Маркс). Национальное хозяйство здесь сливается с общегосударственной стратегией национального развития, с общенациональными целями и фундаментальными ценностями данной локальной цивилизации, превращаясь неизбежно в механизм реализации этих общенациональных целей и ценностей. Очевидно, что процесс национального хозяйственно-экономического развития определяется (регулируется) здесь такими экономическими законами, принципы которых являются составной частью общенациональных ценностных принципов, существующих – в форме *«результатов исторической коллективной жизни народа»* (В. Вильденбанд).

Кому-то может показаться, что автор витает в облаках, уходит в схоластику, описывая некую абстрактную, книжную модель, оторванную от реальности. *А Япония? А страны Юго-Восточной Азии? А модель восточного капитализма?*

Подчеркну особо, что модель *восточного капитализма*, успешно развивающегося в Японии и странах ЮВА, основана на принципах общинности, коллективизма и традиционализма. Анализируя особенности японского капитализма, американские специалисты по проблемам управления Дж. Грейсон и К. О’Делл в своей книге *«Американский менеджмент на пороге XXI века»* пишут: «Некоторые в шутку называют его «конфуцианским капитализмом» или «коммунальным капитализмом». Называйте его как угодно, на этикетке может быть написано «капитализм», но внутри это все-таки нечто другое. Если говорить словами основателя компании «Хонда моторс» Такео Фудзикавы «японская и американская системы управления одинаковы на 95% и отличаются во всех важных пунктах» [2, с. 312].

Проблема выбора между открытой и закрытой моделями национально-экономического развития. Суть проблемы в том, что либеральные показатели макроконкурентоспособности противоречат индексам «национальной силы» государства. «Национальная сила» и способность к выживанию оценивались по таким критериям, как географические условия, численность населения, природные ресурсы, экономическая мощь, оборонительные силы, национальная мораль, дипломатия и сотрудничество в области обороны.

Определение национальной конкурентоспособности на основе этих индексов и критериев обнаружило, что *макроконкурентоспособность*, т.е. *способность национального хозяйства к выживанию*, в СССР была самой высокой: она составила 119%, что было выше, чем у США (100%), и более чем в два раза выше аналогичных показателей других развитых стран. Высокая макроконкурентоспособность советской экономики держалась на силе государства, а на среднем – корпоративном уровне – мы значительно уступали западной экономике просто в силу того, что не имели крупных независимых (негосударственных) корпораций [13, с. 909]. Когда же в ходе либеральных реформ либералы открыли границы для иностранного капитала и убрали государство из экономики, то большинство национальных предприятий в России и целом ряде республик СНГ оказались в руках иностранного капитала.

Отвечая на вопрос, *что обеспечивало высокую способность к выживанию СССР*, мы тем самым получим ответ и на другой интересующий нас вопрос, а именно: *какие принципы необходимо положить в основу народнохозяйственной модели современной России*.

Известно, что модель народного хозяйства СССР была основана на принципах — *целостности, интегративности, самодостаточности, хозяйственной автаркии и жесткой иерархии*. В совокупности всё это формировало *командный тип экономики*, который характерен не только для социалистической экономики. Страны ЮВА, например, имеют точно такой же тип экономики, основанный на жестком государственном управлении. Очевидно, что именно тип закрытой экономики способен обеспечить живучесть национальной экономики, ее конкурентоспособность и, соответственно, безопасность территории и её экономического пространства. Принципиальное значение здесь имеют все пять принципов: *целостности, интегративности, иерархии, самодостаточности и автаркии*.

3. О факторах создания самодостаточной национальной экономики (опыт России)

Независимая внешняя политика России всегда будет встречать попытки давления со стороны претендентов на гегемонию, поэтому экономический суверенитет России должен быть защищен должным образом. *Интересы продовольственной безопасности, обеспеченности страны собственными силовыми установками, грузовым транспортом и авиацией требуют, чтобы доля собственной продукции в этих областях была* не менее **50-60%**. Так, например, **свыше 70% всей территории России связаны между собой только авиацией**. Очевидно, что самодостаточность в авиастроении непосредственно

связана с национальной безопасностью — с возможностью контролировать и удерживать свою территорию. Но для этого необходимо развивать отечественное станкостроение, включая и производство современных станков с числовыми программными устройствами. о в свою очередь предполагает увеличение расходов на образование и науку с одновременным повышением их эффективности и прозрачности, сокращение и повсеместный уход от непродуктивных и непрофильных расходов в этих сферах. Необходим прагматичный изоляционизм, призванный обеспечить самодостаточность национальной экономики и безопасность национального хозяйства и общества в целом. Однако в 2009 году Россия производила **самостоятельно только 14 позиций из 84-х важнейших видов (номенклатуры) промышленной продукции** [13, с. 611].

Принципы самодостаточности: Метаэкономический подход. Консерватизм в хозяйственном развитии равнозначен традиционализму, направлен на «удержание», то есть сохранение всех сложившихся укладов и форм хозяйствования, исторически присущих данной стране и данной цивилизации. *Метаэкономический* подход, сложившийся в мировой экономической науке, отражает именно этот тип консерватизма.

Разработка модели движения народнохозяйственного механизма, направленного на обеспечение воспроизводства общества, не должна ограничиваться одними макроэкономическими проблемами. В основе этой модели должно лежать понимание того, что та часть социальной среды, которая образует среду обитания людей, является одновременно и *сферой микрохозяйствования*. И это понятно: реальная жизнь людей протекает на местном уровне, то есть в локальной социокультурной и хозяйственной среде. Научно-практический вопрос заключается в том, каким образом интегрировать эту микросферу в народнохозяйственный воспроизводственный комплекс.

И здесь может быть полезен *метаэкономический подход*, который требует учета последствий от хозяйственной деятельности для природной и социокультурной среды. Этот подход рассматривает локальную среду обитания человека, его жизненную среду, в качестве главной сферы, которую необходимо защитить от разрушения. «Экономический рост бывает слишком часто антисоциальным... В метаэкономии должны быть отражены наиболее влиятельные факторы энтропии или деградации, сумма которых составляет *отрицательное производство*» [9, с. 259-260].

Принципы самодостаточности: пора на местную экономику. Устойчивое движение восточного общества обеспечивается *неразрывностью всей иерархической системы работающих принципов*.

Невозможно не навредить обществу, вынимая из его «рабочего механизма» отдельные принципы. Поэтому устойчивое хозяйственное развитие достигается только в том случае, если народнохозяйственный механизм опирается на предпринимательскую инициативу граждан, нацеленную не на прибыли, а на хозяйственное обустройство среды обитания, на развитие местной экономики. В теории известно, что **национальная безопасность основывается на стабильности общества, а стабильность общества, а значит и его устойчивость напрямую связана с уровнем развития местной хозяйственной и социальной инфраструктуры.**

Метаэкономический подход предлагает делать упор на местную экономику, то есть на развитие тех видов хозяйственной деятельности, которые укрепляют социальную инфраструктуру, создают новые рабочие места, нацеливая производителей на удовлетворение местных потребностей. Экономист и философ Лев Тихомиров в начале XX века настаивал на необходимости соблюдения принципов самодостаточности в развитии народного хозяйства. В частности, он утверждал, что **не только нации, но и более мелкие общности людей – области, волости, общины – должны сами удовлетворять свои потребности, производя все основное на месте.** Л. Тихомиров отмечал две существенные особенности России, которые неблагоприятны для внешней торговли: *удаленность от морских путей и суровый климат* [18, с. 649-678]. Они делают большую часть российской продукции неконкурентоспособной. Себестоимость нефти из Сибири, например, в несколько раз выше, чем из Кувейта. Морской транспорт многократно дешевле железнодорожного и т. д. Вот почему **новая экономическая парадигма обязана будет делать упор на малую родину, на всемерное укрепление местной общественности и на самое широкое местное самоуправление.** Только оно одно способно поддерживать прямую; то есть подлинную демократию.

Мировой опыт возрождения местной экономики. Сейчас во многих странах Запада и Востока идет интенсивный поиск путей возрождения местной экономики (local economics). Этот опыт изучается русскими учеными-международниками. Знакомясь с ним, приходишь к выводу, что *в основе этих поисков лежит богатый жизненный опыт крестьянских стран.* Мы в этом отношении находимся в лучшем положении по отношению к странам Запада, так как основы крестьянской жизни сохранились в СССР, сохраняются они и в современной России.

В заключение подчеркнем, что Россия сможет выжить и сохранить себя в качестве самостоятельного геополитического субъекта мирового хозяйства и мировой политики только в том случае, если

мы откажемся от либеральной модели открытой экономики и начнем проводить политику разумного и взвешенного протекционизма, создавая модель национального хозяйства, основанную на принципах интегративности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельвановский М.И. Философия хозяйства и конкурентоспособность // Экономическая теория на пороге XXI века – 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2002. – С. 129-141.
2. Грейсон Дж. К. мл., О’Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века: Пер с англ. – М.: Экономика, 1991. – С. 312.
3. Жуковский В. Вылетаем в «трубу»...: Откровения министра экономического развития // ЗАВТРА. – Октябрь-Ноябрь. – № 44. – 2012. – С. 2.
4. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. – М.: Междунар. отношения, 2003. – С. 21.
5. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana». – М.: Вече, 2003. – С. 149.
6. Круглый стол в редакции «Завтра»: РАЛЛИ ЕВРО-ДОЛЛАР// Завтра. – №31. – 2004. – С. 4.
7. Кондрашова Н.В. Экономическая эффективность нравственности в эпоху Постмодерна // Философия хозяйства. – 2004. – № 2. – С. 99.
8. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana». – М.: Вече, 2003. – С. 142.
9. Ключников. Б.Ф. ВТО – дорога в рабство. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. – С. 259-260.
10. Ларуш. Л. Физическая экономика, как эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. – М., 1997.
11. Николаев А.Б. Финансовый капитал и инвестиционный процесс. – Экономическая теория на пороге XXI века – 4: Финансовая экономика. – М., 2001. – С. 159.
12. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 52-60.
13. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 909.
14. Постиндустриальный мир и Россия/Отв.ред. В.Г. Хорос и др. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 14.
15. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С.Львов; Отд. экон. РАН. – М.: Изд-во «Экономика», 1999. С. 19.
16. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. / Сборник работ. Под общей редакцией Ю.Д. Маслюкова. – М.: Издатель Н.Е. Чернышова, 2001. – С. 132, 136.

17. Решульский С. Дума – щит и меч Путина // Советская Россия. – № 144. – 25 декабря. – 2012. – С. 1.

18. Тихомиров Л.А. Национальная экономика // Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. Институт русской цивилизации. – М.: 2008. – С. 649-678.

*Хашаева С.В.
(Россия, Белгород)*

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Масс-медиа играют амбивалентную роль в жизни молодёжи. Негативная сторона заключается в стимулировании вредных привычек и подростковой сексуальности. Позитивная сторона связана с повышением общей культуры и взаимным информированием. Сила влияния масс-медиа на ценности молодёжи является дискуссионным вопросом.

Ключевые слова: масс-медиа, власть прессы, минимальный эффект, манипуляция сознанием.

В современный период развития российского общества успешное решение политических, экономических и социальных задач все больше зависит от действия такого субъективного фактора как социальная активность личности. Важную роль в формировании активности играют средства массовой информации. О возрастающей роли печатных изданий, радио и телевидения в общественной жизни страны свидетельствуют их бурный рост, распространенность и доступность массовой информации. И это в свою очередь вызывает новую проблему, актуальность которой заключается в том, что в условиях открытости общества, его гуманизации и демократизации средств массовой информации (СМИ) все активнее влияют на формирование определенных социальных ориентиров и одновременно способствуют развитию задатков и способностей личности.

Благодаря средствам массовой информации население получает сведения о событиях, происходящих в стране и за ее пределами. СМИ очень сильно влияют на формирование образа жизни молодежи. Это влияние распространяется как непосредственно через СМИ на личность молодого человека, так и опосредованно – через родителей, учителей, сверстников. СМИ создают двойное взаимоисключающее влияние на образ жизни молодого человека: с одной стороны, они выступают как фактор, стимулирующий формирование здорового образа жизни у молодежи, с другой – провоцируют развитие вредных

привычек, химических зависимостей, способствуют развитию психологического дискомфорта и другое.

Безусловно, можно определить большую роль СМИ в негативном влиянии на молодежь и формирование негативных образцов поведения. В наше время особую остроту нашла проблема телевизионного насилия, вульгарной информации, порнографии, эротических фильмов, развращают современную молодежь. Можно проследить негативное влияние масс-медиа на половую жизнь подростков, провоцирующих и стимулируют и без того повышенную подростковую сексуальность. Кроме негативного влияния СМИ на молодежное поведение, можно выделить положительные моменты:

- СМИ держат молодежь в курсе событий, таким образом, утоляя «информационный голод»;
- СМИ повышают общую культуру населения;
- СМИ служат для взаимного информирования властей и населения;
- СМИ снимают социальную напряженность.

Таким образом, можно сделать вывод, что масс-медиа играют большую роль в нашей жизни. Именно благодаря им и ведется информационно-просветительская работа среди населения планеты. Они имеют большое влияние на молодежь, как на возрастную группу, которая в наибольшей степени им доверяет. СМИ транслируют модели, стили, образцы сознания и поведения. Информационно-просветительская работа может иметь различные цели донесения информации, которая может влиять на человека как положительно, так и отрицательно.

Проблемы деятельности СМИ, а также их влияние на различную аудиторию привлекали внимание многих зарубежных ученых, которые рассматривали их с точки зрения разных наук: психологии, социологии, лингвистики, политологии, философии. Так, Д. Майерс считал «власть прессы» над человеком, как аксиому. Он утверждал, что пресса и иные массовые источники информации прямо или косвенно влияют на мнение людей и управляют ими.

Однако в 40-60-х гг. прошлого века, под влиянием ряда проведенных исследований, подобная уверенность во всемогуществе средств массовой информации сменилась более сдержанным отношением к ее возможностям воздействия на массовую аудиторию, в том числе и на молодое поколение. Таким образом, была сформулирована теория «минимального эффекта», основоположником которой стали П. Лазарфельд и Р. Мертон.

Б. Берельсон утверждал, что пресса и иные средства массовой коммуникации, в первую очередь ориентируются на потребности аудитории, которая и определяет идущий к ней поток информации.

Новый этап в исследовании СМИ наступил в 70-е гг. XX в. и длится он до настоящего времени. Одним из самых ярких представителей данного периода считается канадский социолог и культуролог М. Маклюэн. Он проводил исследования с целью изучить взаимосвязь СМИ с уровнем развития общества, в котором они распространены.

На современном этапе исследования проблема, связанная с воздействием СМИ на социализацию молодежи, приобретает все более и более масштабный характер и приобретает вид манипулирования сознанием. Манипуляция сознанием – это своеобразное господство над духовным состоянием людей, управление ими путем навязывания идей, установок, мотивов, стереотипов поведения, выгодных субъекту воздействия. Это влияние направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит целью запрограммировать поведение людей, изменить их мысли, убеждения, цели в нужном русле.

О влиянии средств массовой информации на ценностные ориентации молодежи говорится в работах Т.Н. Горяевой, Г.В. Грачева, И.А. Донец, И.С. Кон, Е.Я. Малышева и других. Стоит отметить, что в перечисленных работах дается слабая оценка средств массовой информации как основного фактора, формирующего ценностное сознание молодого поколения. Исследователями, изучающими проблемы молодежи, хотя и рассматривалась роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентации молодых людей, но не были достаточно освещены позитивные и негативные стороны воздействия. Кроме того, следует учесть, что динамика развития современного мира постоянно привносит новые моменты в содержание рассматриваемых в диссертации проблем. Данный факт позволяет сделать вывод о необходимости дальнейших научных исследований по данной проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Знание, 2015. – С. 120.
2. Мертон Р. Концепция массовой коммуникации// Теория минимального эффекта. – 2012. – № 6. – С. 81-83;
3. Малышев Е.Я. Психологический аспект деятельности СМИ в выборе направлений информационного потока. – М.: Прогресс, 2011. – С. 87.
4. Мельник Г.С. Психологические процессы и эффекты. – СПб.: Mass-media, 2012. – С. 69.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В СПЕКТРЕ РЕЛИГИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается ключевая проблема религиозного воспитания детей-инвалидов в спектре религий. В настоящее время идет сложный процесс становления духовной педагогики в нашей стране и поэтому возникает необходимость обратиться к опыту религиозного образования прошлых веков. В процессе и в результате религиозного воспитания у верующих развивается специфическая для конкретной конфессии ценностно-нормативная система, специфика мышления и поведения, стиль жизни, а еще стратегии адаптации и обособления в социуме.

Ключевые слова: дети-инвалиды, религия, духовное воспитание, история, современность, семья, образование.

Христианство, будучи основополагающей идеологией Средневековья, определяло все процессы развития общества, науки, человеческого знания в целом. Единственным признанным научным методом была схоластика – разновидность религиозной философии, в которой все объяснялось на основе формальной логики. Развитие и науки, и научных методов мышления оказалось скованным церковной догматикой.

Религиозно детерминированные взгляды власть предержащих предопределили тяжелое общественное положение детей с физическими и умственными недостатками. Однако их социальный статус все же в определенной степени зависел от характера дефекта (физического или психического). Вместе с тем, несмотря на бытовавшие языческие предрассудки, в средневековом христианском сознании прочно укоренялся и закон евангельской любви к ближнему, все чаще подавляя языческие страхи и обретая доминирующие позиции.

Социальное положение, общественное признание и воспитание людей с нарушениями развития на территории Древнерусского государства, определялось своеобразием и самобытностью русской жизни. Под влиянием решения князя Владимира была избрана восточная византийская ветвь христианства – православие, а выбор веры одновременно означал и выбор характера образования. На Руси так и не появились одновременно с Европой крупные образовательные центры, подобные средневековым университетам. Данное обстоятельство не способствовало развитию медицинских изысканий в поисках

ответа на вопрос о причинах дефектов в развитии человека – они воспринимались как данность от Бога.

Общественные взгляды на «убогих» в Киевской Руси формировались на основе законов, зафиксированных в «Кормчих книгах» (XIII в.), и положений, действовавших в рамках системы общественного призрения. Содержание «Кормчих книг» обнаруживает гуманное отношение к «убогим» детям, отеческую заботу о них. Постепенно забота о детях с физическими и умственными недостатками сосредоточилась в руках церкви. Юридически это было закреплено специальным указом князя Владимира Святославовича. Кроме того, устанавливалось, что десятая часть доходов церквей и монастырей должна использоваться для организации приютов и богаделен. В сложившихся условиях в деле призрения и воспитания глухонемых, слепых, слабоумных произошли заметные преобразования, положившие начало системной и в определенном смысле общественной заботе о детях-инвалидах.

Большое значение в развитии древнерусской культуры имел Киево-Печерский монастырь. Просвещенные люди Киевской Руси понимали огромное значение книжного обучения и словесной речи для глухонемых детей и для детей с нарушениями речи (в рамках религиозного мировоззрения и их приобщения к православному вероучению, к участию в церковных обрядах). Уже в первой половине XIV в. недалеко от монастыря был открыт дом для детей-сирот (слепых, хромых и глухонемых). В дальнейшем подобные дома призрения были открыты в Москве, Твери, Новгороде, Пскове, Ростове, Смоленске и других городах [1, с. 17].

Положение людей с отклонениями в развитии в России, по времени соответствующем эпохе Возрождения в западноевропейских странах, не подвергалось существенным изменениям. Монастыри оставались основными центрами, в которых находили приют дети и взрослые с физическими и умственными недостатками. Важную роль в укреплении централизованного Русского государства сыграла деятельность Ивана IV (Грозного). В целях нормализации общественных отношений и установления правопорядка царь созвал в 1551 г. собор, который изложил свои постановления в 100 главах. Стоглавый Собор унифицировал церковные культы и обряды, одобрил нормы государственного, судебного, уголовного, гражданского и семейного права. Глава 73 была посвящена общественному призрению. В соответствии с ее положениями в организацию приютского призрения вносились существенные изменения: руководящие функции призрения и забота о «калечных детях» передавались государственной власти.

Важные изменения, связанные с обучением и воспитанием детей (в том числе с отклонениями в развитии), были характерны и для русской действительности XVIII в. Энергичная деятельность Петра I способствовала значительному развитию просвещения, науки и техники. Формирующаяся в России этого времени практика социально-педагогической деятельности создавала благоприятные условия для дальнейшего развития учреждений призрения людей с физическими и умственными недостатками. Призрение слабоумных по-прежнему обеспечивали монастыри, которые сыграли определенную роль в формировании гуманистических настроений в обществе, но не изменили фактического положения этих детей. Только в царствование Екатерины II, издавшей в 1775 г. «Указ об учреждении Приказов общественного призрения», в России появились учреждения для душевнобольных и других лиц, нуждавшихся в специальном содержании. Приюты, сиротские и воспитательные дома, госпитали и больницы, участие монастырей в воспитании – все это составляло в эпоху Просвещения своеобразную российскую систему бытового содержания и воспитания людей и детей с отклонениями в развитии [2, с. 137].

Традиционно основным институтом воспитания человека, начиная с момента его непосредственного рождения и кончая, порой, его становлением как зрелой личности, была и остается семья. Религиозное воспитание осуществляется священнослужителями; верующими «агентами социализации» (родителями, родственниками, знакомыми, членами религиозной общины и пр.); педагогами конфессиональных учебных заведений (как основных – средних школ, колледжей и пр., так и дополнительных – воскресных школ, библейских кружков и др.), в ряде стран – преподавателями религии в светских учебных заведениях... [3, с. 119].

В основе религиозного воспитания лежит феномен сакрализации (от лат. *sacrum* – священное), т.е. наделения явлений окружающей действительности священным содержанием, придания божественного смысла обыденным мирским процедурам через их обрядовое освящение.

Выделяют два уровня религиозного воспитания – рациональный и мистический [4, с. 184]. Рациональный уровень включает в себя три основных компонента – информационный, нравственный и деятельностный, содержание которых имеет конфессиональную специфику. Так, в православии информационный компонент – это тот объем знаний, который воспитуемые получают по истории церкви, богословию, догматике, священной истории; нравственный – научение воспитуемых преломлению собственного опыта через требования

христианской морали; деятельностный – участие в богослужениях, церковное творчество, дела милосердия.

Мистический уровень тесно связан с рациональным, и его можно охарактеризовать лишь настолько, насколько он в нем проявляется. Мистический уровень в значительно большей степени, чем рациональный, имеет специфический характер в различных конфессиях. Например, мистический уровень православного воспитания определяет следующие моменты – подготовка и участие в церковных таинствах, домашняя молитва, воспитание чувства благоговения и почитания святынь [4, с. 184].

В процессе религиозного воспитания используются различные формы, многие из которых аналогичны по внешним признакам формам социального воспитания (урочная система, семинары, лекции и пр., клубы для различных групп верующих, праздничные мероприятия, любительские хоры, оркестры, экскурсии и т.д.), но приобретают сакральный смысл, наполняясь специфическим для религиозного воспитания содержанием.

Многообразны средства религиозного воспитания, которые определяются конфессиональными особенностями. Так, в христианских конфессиях таковыми являются: церковное богослужение, общающее верующих к церковной жизни, к таинству общения с Богом; проповедь, сообщающая важнейшие положения вероучения и побуждающая к соответствующему поведению; молитва, помогающая научиться вырабатывать нужный душевный настрой; исповедь, которая приучает к самоанализу и к мысли о неотвратимости наказания за грех (проступки); пост, помогающий обуздать плоть, смирять гордыню, вырабатывать стойкость; епитимья – наказание, способствующее укреплению в вере и соблюдению норм отношений и поведения [5, с. 178].

Одним из первых, кто выразил идеалы христианского воспитания, был Блаженный Иероним (330-419 гг.) – образованный римлянин, один из так называемых Отцов Церкви. В письме к знатной римлянке Лете, воспитывающей свою дочь, он писал: «Так нужно воспитывать душу, коей предстоит стать храмом Господним: пусть научится слышать и говорить лишь то, что ведет к страху Божьему. Дурных слов чтобы она и не понимала, мирских песен чтобы не знала; пусть нежные еще уста наполняются лишь сладостным псалмопением; пусть подальше она будет от распущенного народа. Нужно сделать ей буквы... Пусть играет ими и, играючи, обучается... Приставь ей пожилую няню, нравственную и целомудренную, чтобы она своим примером научала и приучала ее... Вместо украшений и шелка пусть возлюбит она Божественные книги и пусть привлекают ее в них не золо-

тое письмо..., а точная и мудрая четкость, ведущая к истинному познанию» [Блаженный Иероним. Письмо к Лете. Из книги «Средневековье в его памятниках» под ред. Егорова].

Более детально и глубоко система христианского воспитания была рассмотрена крупнейшим теологом и философом раннего христианства Блаженным Августином, жившим в 354-430 гг. Основными качествами воспитанника, по Августину, являются смирение и послушание, исключаяющие всякий «дух противоречия». Тем не менее, указывает Августин, слепое повиновение авторитету не должно продолжаться слишком долго. Августин указывает на два взаимозаменяющих метода познания Бога – безусловное подчинение авторитету Библии и поиск «истины путем разума» [6, с. 71]. Таким образом, в образовательной системе Августина «...мы видим два основных пути – и веру сердца, и пытливость ума» [6, с. 72-74].

Это и явилось основной идеей воцерковления детей-инвалидов. Маленькие дети имеют не только физические проблемы, но и несформированную психику, поэтому очень важно, кто будет рядом с этим ребенком, кто будет учить его есть, пить, познавать окружающий мир. Это должны быть люди, которым ребенок доверяет, с кем установлен положительный контакт.

Известно, что в процессе религиозного воспитания детей-инвалидов используются различные формы, многие из которых по внешним признакам аналогичны формам социального воспитания (урочная система, семинары, лекции и пр., клубы для различных групп верующих, праздничные мероприятия, экскурсии и т. д.), но приобретают сакральный смысл, наполняясь специфическим для религиозного воспитания содержанием. Добавим, что эти формы и средства могут различаться в зависимости от того, в какой среде религиозного воспитания они применяются.

Еще в свое время первостепенное значение изучению Слова Божьего широкими слоями населения придавал вождь Реформации в Германии Мартин Лютер (1483-1546 гг.). Он ратовал за глубокое проникновение в Священное Писание с детства, а для этого предлагал организовать школы, в которых бы дети изучали Библию не только на родном немецком языке, но и на языках оригинала. Слова великого Лютера как будто сказаны нашим соотечественникам в наше время. Надо возрождать Отечество и возрождение это возможно через приближение детей ко Христу.

Приведем слова Н.И. Пирогова: «Я от души желаю, чтобы все были истинными христианами; еще более желаю, чтобы религиозные истины и чувства укрепили молодое поколение; но я слишком уважаю и научное, и нравственное достоинство религии и потому не же-

лаю видеть кафедру богословия поставленной в университете для одного только приличия... Теологические факультеты в католических и особенно в протестантских университетах можно действительно рассматривать как сильную оппозицию скептическому материализму. Но сила их не в обязательности... Они действуют... сильным нравственным влиянием, которое оказывают представители богословских наук не только на учащихся, но и на целое общество» [7, с. 374-375].

Приведем примеры: из тысячелетней истории крещёной Руси видно различное состояние попечения и, следовательно, воцерковления детей-инвалидов в различные исторические эпохи. Наибольшая сила и крепость призрения к лишённым зрения и слуха наблюдается с начала XIX века, когда было организовано ведомство императрицы Марии Феодоровны, а позже – и попечительство о слепых Александры Феодоровны. Тогда были открыты воспитательные дома и учреждена централизованная сеть учебных заведений для глухих и слепых, где детей приобщали к Церковной жизни и преподавали им Закон Божий.

Так, в училище Марии Феодоровны для детей-инвалидов велись занятия по Закону Божию. Здесь действовал домовый Храм – вначале в честь апостола Павла, а затем в честь первоверховных апостолов Петра и Павла. Священник этого домового Храма одновременно исполнял обязанности законоучителя училища [8, с. 163].

Учащиеся по выходным и праздничным дням в сопровождении воспитателей посещали богослужение. В период жестового обучения (до 1880 года) по очереди один из воспитанников посреди церкви читал жестами великое славословие, а за Божественной Литургией – Символ Веры и молитву Господню, а остальные следили за ним. Порядок богослужения и его смысл законоучитель объяснял на занятиях по закону Божию, а воскресные и праздничные Евангелия – непосредственно перед Литургией. Училище имело собственную типографию, в которой печатались учебники по Закону Божию и другая духовная литература для глухих.

Таким образом, до революции был накоплен Церковью довольно богатый опыт воцерковления детей-инвалидов. К сожалению, из сохранившихся теоретических свидетельств дореволюционного опыта Церкви по работе с детьми-инвалидами мы не имеем возможности непосредственно воссоздать практическую модель воцерковления последних сегодня. Основная причина этому, конечно, – полная утрата преемственности церковных деятелей в этой области.

Но, известно, что к началу XIX века Россия быстрыми шагами шла к атеизму. Наказ императрицы Екатерины II, в котором говорилось: «Всякий обязан учить детей своих страху Божию, как началу

всякого целомудрия и вселять в них все те должности, которые Бог от нас требует...», пылился в государственных учреждениях великой России. «В русских семействах не заботятся давать христианское воспитание, то есть не дают им правильного и ясного понятия о Боге» [9, с. 97]. Со стороны государства предпринимались попытки распространить христианское воспитание. Так, в 1743 г. Сенат объявил указ о том, что «дети дворян и людей других чинов обязаны обучаться закону Божию с нравственной целью, чтобы знать пути праведной жизни и истинного спасения» [Полн. Соб. Рос. Зак. Т. XI, № 8, с. 726].

Сегодня стоит задуматься, что означает колоссальное количество транслируемых сегодня развлекательных телепрограмм, совершенно несоизмеримое с реальными потребностями тех, кто эти программы смотрит на телевидении? С одной стороны, это свидетельствует о духовном вакууме, который такими программами заполняется. С другой стороны, эти программы формируют определенные стереотипы, создают иллюзию некоего идеального мира – блестящего, самодостаточного, мира без страданий – мира, где даже смерть является не более чем развлечением. Огромную роль в том, что человек подпадает под очарование этого иллюзорного мира, играет реклама. Реклама, помимо того, что вводит человека в виртуальную псевдореальность, пробуждает в душе потребительские чувства, которые также формируют определенное – далеко не самое правильное – отношение к жизни, некий поведенческий стандарт [10, с. 117].

Можно подвести итог, что не только общество изменяется под воздействием религии, но и сама религия трансформируется под влиянием социальных факторов. Она становится более лояльной к изменившимся условиям, идет на компромисс и приспособление, вносит коррективы в вероучение, социальные и этические доктрины, формы организации, методы деятельности современных религиозных образований [11, с. 87].

Необходимо отметить, что религиозная значительность нашей эпохи определяется тем, насколько новой и религиозно живой является семья. Как же стоит понимать задачи религиозного воздействия на детей в семье? Наиболее интересны с точки зрения поставленной темы две работы Коменского. Первая – «Материнская школа, или о заботливом воспитании юношества в первые шесть лет». Эпиграфом к данной работе являются слова Цицерона: «Основа всего государства состоит в правильном воспитании юношества». В своем сочинении Коменский отвечает на вопрос: что такое «правильное воспитание»? Родители не должны откладывать воспитание до обучения своих детей учителями и служителями церкви (так как невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым...) Ян Амос Коменский при-

зывает родителей воспитывать своих детей в духе Господнем именно с рождения, ибо «...невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым». Но многие ли родители следуют этому призыву? Состояние нашей молодежи говорит о том, что не многие родители задумываются об этом. В наших условиях особая ответственность лежит на церкви и на христианской школе. Вот что говорит великий педагог в другой работе – «Великая дидактика»: «А Священное Писание прежде всего учит нас, что нет под небесами другого, более действенного средства для исправления человеческой испорченности, как правильное воспитание юношества».

Очень важным является установление и упрочение духовной связи детей с родителями. Для этого нужно постоянное общение с детьми, вовлечение детей в мир забот и трудностей в семье, возложение на них ответственных (конечно, посильных) дел, вообще вовлечение детей в общее дело для семьи [12, с. 96]. Если дети не по принуждению, а сами идут на это (при правильной духовной атмосфере, при действительном охранении свободы детской личности этого, в сущности, несложно добиться), если дети свободно и охотно разделяют заботы и труды родителей, через них проходят «токи общесемейной целостности».

Но все же нельзя отрицать, что современная семья стоит перед вопросом, который никогда еще не поднимался с такой остротой, как ныне, – вопросом о том, быть ли семье христианской или нет? Семья подтачивается изнутри, и ее христианский путь изнутри темнеет, колеблется в самых основах своих. Здесь действует положение, которое по его бесспорности может быть названо аксиомой религиозной педагогики: религиозно влиять на детей может только тот, кто сам живет религиозной жизнью.

В применении к семье это значит, что только та семья, которая, как целое, живет религиозной жизнью, может дать своим детям религиозное воспитание. Но если кризис современной семьи вообще заключается в падении и ослаблении ее духовной целостности, то сильнее всего это сказывается на религиозной жизни. Сколько среди нас есть семей, внешне еще не утративших своей целостности и даже глубоко чувствующих ее, но уже растерявших в себе духовную близость и единство! Религиозное бессилие семьи именно этим больше всего определяется, ибо семья уже почти не является духовным организмом – это скорее бытовая и социально-психическая организация, а вовсе не духовный организм.

Таким образом, проведенный нами обзор литературы показывает, что не только теологи, но и наиболее выдающиеся мыслители всех времен и народов, сознающие ответственность за судьбы людей, бы-

ли активными сторонниками религиозного воспитания детей, т.к. принимали значение данного процесса.

При исследовании исторических феноменов специального образования невозможно не учитывать той подчас определяющей роли, которую играли религии, религиозное мировоззрение, религиозная жизнь в различных цивилизациях и общественно-исторических формациях, обуславливая те или иные особенности теории и практики специального образования.

Являясь глубоко значимым мировоззренческим, идеологическим основанием общественного сознания, религия всегда оказывала огромное влияние на отношение общества к человеку с ограниченными возможностями, во многом предопределяя исторические сроки первых опытов обучения отдельных категорий таких детей, его характер и содержание, а также на формирование круга лиц, занимавшихся их воспитанием, развитием и обучением.

Особенно важен вклад христианства в развитие религиозного развития и воспитания. Именно в контексте христианского мировоззрения Я. А. Коменского («Великая дидактика») впервые отчетливо прозвучали слова о праве на образование для любого человека, в том числе и для слепых, глухих и умственно отсталых.

Под влиянием религиозных идей складывался этнос той или иной общественной формации, который включал в себя нормы ценностного, нравственного отношения к детям с ограниченными возможностями жизнедеятельности. Представители христианской религии сыграли большую роль в распространении практики обучения детей с ограниченными возможностями, способствовали появлению различных видов учебных учреждений, форм социальной и образовательной помощи. Религия выполняла и продолжает выполнять важную функцию психологической помощи детям с ограниченными возможностями, их близким, их семьям.

В дореволюционной России дело социального призрения детей-инвалидов строилось на религиозной (христианской) основе, кто бы ни был учредителем данных учреждений – лично Государь или члены его семьи, Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны, Министерство Царского Двора, Министерство Внутренних Дел, Министерство народного образования, Городская Дума или Городская Управа Санкт-Петербурга, Православная Церковь, иные конфессии, национальные объединения в столице Российской империи, благотворительные или иные общества или же отдельные частные лица (учредители и пожертвователи).

Учет этого славного исторического опыта успешного синтеза религиозного взгляда и социального призрения, участия Церкви в

судьбах детей-инвалидов – необходимое условие грядущего возрождения нашего Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. История социальной педагогики: Хрестоматия-учебник / Под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2000. – 544 с.
2. Специальная педагогика: учеб. Пособие для студ. высш. уч. заведений / под ред. Н.М. Назаровой. – Т. 1. История специальной педагогики / Н.М. Назарова, Г.Н. Пенин. – М.: Изд-ий центр «Академия», 2007. – 352 с.
3. Дубин Б. Религия. Церковь, общественное мнение // Свободная мысль. – 2013. – № 11. – 302 с.
4. Мудрик А.В. Социальная педагогика. – М.: Академия, 1999. – 184 с.
5. Каарийнен К., Фурман Д.Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // ВФ. – 2013. – № 6.
6. Кибардин Н.П. Система педагогики по творениям Блаженного Августина. – Казань, 1910. – 182 с.
7. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1985. – 496 с.
8. Штерин М. Новые религиозные движения в России 1990-х годов // Старые церкви, новые верующие / Под ред. Киммо Каарийнена, Д.Е. Фурмана. – М.; СПб.: Летний Сад, 2010. – 492 с.
9. Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. – СПб.: 1911. – 456 с.
10. Чернов М.И. Русская православная церковь: прошлое и настоящее // Советская педагогика. – 1988. – №6.
11. Фергюнсон Э. Церковь Христа. Библейская экклезиология в наши дни. – СПб.: Вита Интернешн, 2005. – 331 с.
12. Игошев К.Е., Минковский Г.М. Семья, дети, школа. – М., 1989.

*Шмигирилова Л.Н.
(Россия, Белгород)*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ МОЛОДЁЖИ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается важность диалогических принципов интеракции современной молодежи. Раскрываются проблемы академической мобильности. Определяется необходимость налаживания межкультурного диалога через развитие программ академической мобильности молодежи.

Ключевые слова: межкультурный диалог, молодежь, академическая мобильность, диалогический принцип взаимодействия.

Международное молодежное сотрудничество является одним из актуальных и перспективных направлений в государственной мо-

лодежной политики Российской Федерации. Для достижения приоритетных целей молодежной политики необходимо решить современные задачи, в частности, активное вовлечение молодежи в процесс развития Евразийского экономического союза, укрепления общего гуманитарного пространства Содружества Независимых Государств и привлечение перспективной зарубежной молодежи к реализации российских социально-экономических проектов; поддержка участия российской молодежи и молодежных объединений в международных структурах, а также в работе международных форумов, конференций и фестивалей; содействие в реализации программ двусторонних молодежных обменов, развитие сотрудничества с молодежными организациями соотечественников, проживающих за рубежом [1].

Международная деятельность молодежи – это значимый механизм в формировании позитивного имиджа России в международной молодежной среде. Действительно, существует понимание того, что позитивный образ страны – это широкий круг проблем, связанных с местом и ролью государства во внешней среде, являющийся весомым фактором успешного существования и развития в условиях международной конкурентной среды, а также важнейшим инструментом защиты национальных интересов. Очевидно, что в современных условиях формирование имиджа государства как длительный процесс зависит от разноплановых составляющих внутреннего и внешнего характера. Внешняя и внутренняя политика, а также другие сферы жизнедеятельности государства могут выступать объектами имиджа, который актуален во всей системе взаимоотношений государств. Вместе с тем существуют отдельные сферы деятельности государства, особенно во внешней среде, где формирование образа государства происходит также посредством международной деятельности целого ряда неправительственных акторов. Поводом для изучения некоторых аспектов формирования позитивного образа-имиджа государства в современных условиях послужила именно их возрастающая международная деятельность, которую можно рассматривать как инструмент трансляции положительной информации, следовательно, обмена ценностями, традициями и т. д.

На схеме представлено авторское видение формирующих элементов имиджа государства на мировой арене в сфере молодежной политики. Представленные элементы формируют и «продвигают» имидж государства с учетом конструктивного и позитивного подхода построения работы по созданию благоприятного внешнего облика страны. В связи с этим сегодня стоит задача придать этой деятельности системный характер через ряд последовательных шагов, среди которых одним из главных является определение целевой аудитории,

которую важно заинтересовать и чье внимание следует привлечь. Речь идет о молодежи как важном стратегическом ресурсе внешней культурной политики России.

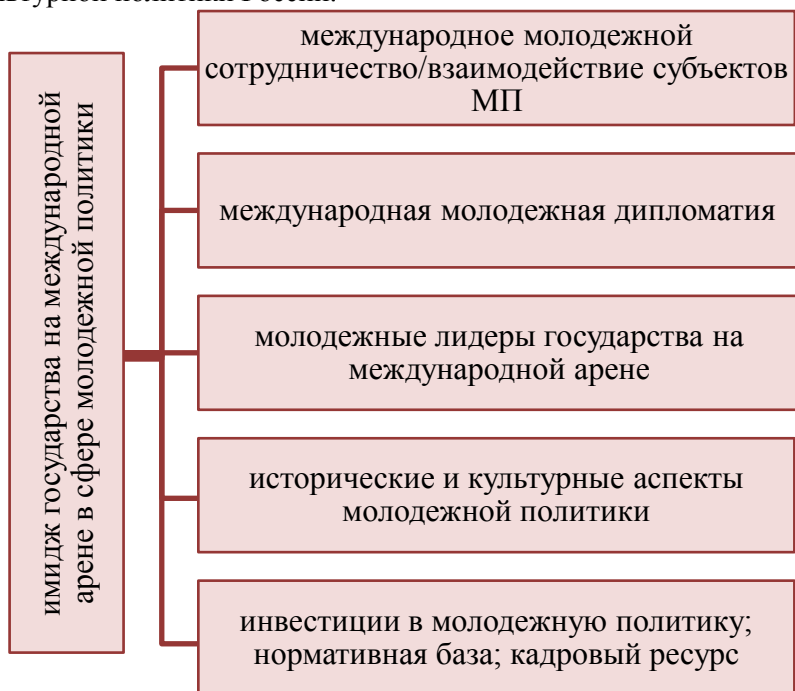

Схема. Формирующие элементы имиджа государства на мировой арене в сфере молодежной политики

Диалогические принципы интеракции современной молодежи являются востребованными в условиях становления новых геополитических отношений стран мира. Современный мир становится более мультикультурным, и глобализация повышает уровень общения и контакта между представителями различных культур. Народы становятся более информированными о существовании других культур, традиций и обычаев. Культуры охватывают большое число людей, из которых никого нельзя назвать типичным представителем какой-либо культуры. Понимание данной особенности – первый шаг на пути к диалогу, одна из предпосылок для эффективного межкультурного диалога [2].

Диалогические принципы представлены в международной деятельности российских вузов как важнейший показатель интегрированности современного образовательного учреждения в глобальное

пространство. Приемы и квалификации межкультурного диалога и общения развиваются через программы и мероприятия в сфере образования, искусства и средств массовой информации. Это делает возможным создание инструментов, объединяющих участников процесса межкультурного диалога.

Так, российские вузы создают условия и возможности для студенческой молодежи не только узнавать больше о других культурах, но и развивать способности для сотрудничества, необходимые для жизни в культурно многообразном окружении. Более того, образование в любом контексте, включая неофициальное и неформальное обучение через деятельность молодежных организаций и других организаций гражданского общества и средства массовой информации, представляется особенно значимым.

Понимания важности налаживания межкультурного диалога через программы академической мобильности способствует развитию в рамках взаимного уважения процесса интерактивного обмена между индивидуумами, группами и организациями с различными культурными корнями и мировоззрениями, более глубокому пониманию различных перспектив и отношений, привлечению молодежи к участию в общественной жизни, улучшению способностей и возможностей самооценки, равенство возможностей и творческое созидание [3].

Программы академической мобильности представляют собой один из наиболее значимых аспектов процесса интеграции российских вузов и науки в международное образовательное пространство, который необходимо понимать гораздо шире, чем исключительно механизм студенческого обмена, действующий в рамках определенных программ сотрудничества с зарубежной партнёрской организацией. Академическая мобильность представляет собой комплексный и многоплановый процесс интеллектуального продвижения, обмена научным и культурным потенциалом, ресурсами, технологиями и методиками обучения.

Вступление в диалог культур в ходе межкультурных обменов, участие в современных проектах в рамках вузовского партнерства создают реальные возможности для знакомства российских и зарубежных студентов с особенностями повседневной жизни и народным творчеством, формируя таким образом культурную картину мира собственной страны и страны пребывания. Иностранный язык является зеркалом культуры, в котором находят отражение реальный мир, мораль, система ценностей своего народа.

Участие в различных образовательных проектах (краткосрочные сезонные языковые школы, семестровое обучение, международные научные конференции и пр.) является культурно-

образовательным туризмом, который на сегодняшний день представляет собой наиболее распространённую и перспективную форму студенческой мобильности.

Международное сотрудничество в высшем образовании сейчас приобретает черты целенаправленной политики со стороны российского государства и выступает как механизм достижения глобальных внешне- и внутриполитических целей страны. Основными из них являются восстановление культурных, деловых и политических контактов с западными и восточными странами, а также повышение конкурентоспособности отечественных вузов. Одним из способов достижения этих целей является наращивание экспорта отечественного образования, что вполне соответствует современным мировым тенденциям развития высшего образования в условиях глобализации. Именно на развитие экспорта российского образования и его популяризацию за рубежом должна быть направлена реализация программ академической мобильности. А основой этого процесса становится межкультурный диалог, который содействует организации и усилению совместных мероприятий, способствует установлению связей на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.09.2016).

2. Фатхуллина А.Г. Роль межкультурного диалога молодежи в процессе творческой деятельности // Педагогическое мастерство: материалы междунар. науч. конф., г. Москва, апрель 2012 г. – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 236-238.

3. Цит. по: Чернокожева Э. Межкультурный диалог: концепты и практические шаги // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – №1. – С. 105-109.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулагатов Заид Магомедович, Россия, Махачкала. *Кандидат философских наук, заведующий отделом социологии ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.* E-mail: zaid48@mail.ru

Алещенков Вячеслав Анатольевич, Россия, Москва. *Кандидат исторических наук, доцент ОУП ВПО Академии труда и социальных отношений, Москва.* E-mail: slava7286724@yandex.ru

Анкин Даниил Александрович, Россия, Саратов. *Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.* E-mail: dandee@list.ru

Аринин Евгений Игоревич, Россия, Владимир. *Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета им А.Г. и Н.Г. Столетовых.* E-mail: earinin@mail.ru

Багрина Алина Юрьевна, Россия, Москва. *Кандидат политических наук, руководитель исследовательской службы «Среда».* E-mail: alina.bagrina@gmail.com

Бакрач Владимир, Черногория, Подгорица. *PhD в социологии, профессор Университета Подгорицы.* E-mail: bvladimir@t-com.me

Березняк Виктория Александровна, Россия, Белгород. *Студент направления подготовки «социология» Белгородского государственного национального исследовательского университета.* E-mail: vbereznyak@hotmail.com

Богатова Ольга Анатольевна, Россия, Саранск. *Доктор социологических наук, доцент, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.* E-mail: bogatovaoa@yandex.ru

Богачёв Максим Игоревич, Россия, Москва. *Младший научный сотрудник НИУ «Высшая школа экономики».* E-mail: bogachev2008@mail.ru

Бубликов Василий Валерьевич, Россия, Белгород. *Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ».* E-mail: bublikov@bsu.edu.ru

Гришаева Екатерина Ивановна, Россия, Екатеринбург. *Кандидат философских наук, доцент департамента философии Уральского Федерального университета.* E-mail: grisha-eva@list.ru

Гуляев Иван Иванович, Россия, Белгород. *Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, заместитель директора Института управления по научной работе Белгородского государственного национального исследовательского университета.* E-mail: ivgul@mail.ru

Гущина Валентина Владимировна, Россия, Белгород. *Магистрант Белгородского государственного национального исследовательского университета..* E-mail: 723794@bsu.edu.ru

Давтян Арmine Ваграмовна, Армения, Ереван. *Эксперт по вопросам образования в ОО «Сотрудничество во имя демократии», Лектор педагогики в Гаварском государственном университете.* E-mail: armine.davtyan@rambler.ru

Заводьян Ирина Сергеевна, Россия, Курск. *Аспирант Юго-Западного государственного университета.* E-mail: zavodyan@bsu.edu.ru

Истомин Александр Георгиевич, Россия, Белгород. *Ведущий документовед Центра профессиональной карьеры Управления маркетинга образовательных услуг национального исследовательского Белгородского государственного университета.* E-mail: motzi@rambler.ru

Кинджич Зоран, Сербия, Белград. *Профессор Факультета политических наук Университета Белграда, Сербия.* E-mail: zoran.kindjic@gmail.com

Ковальчук Ольга Викторовна, Россия, Белгород. *Кандидат философских наук, доцент социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета.* E-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

Колесников Сергей Александрович, Россия, Белгород. *Доктор филологических наук, доцент, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью).* E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Кондратенко Людмила Викторовна, Россия, Белгород. *Кандидат психологических наук, доцент Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова.* E-mail: umoc@intbel.ru

Копылов Олег Владимирович, Россия, Пермь. *Старший преподаватель Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.* E-mail: uho08@mail.ru

Короченский Александр Петрович, Россия, Белгород. *Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики НИУ «БелГУ».* E-mail: korochensky@bsu.edu.ru

Лебедев Сергей Дмитриевич, Россия, Белгород. *Кандидат социологических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета.* E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Липич Тамара Ивановна, Россия, Белгород. *Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.* E-mail: lipich@bsu.edu.ru

Маркин Кирилл Васильевич, Россия, Москва. *Научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* E-mail: markink20@gmail.com

Маркович Эльвира Михайловна, Россия, Белгород. *Магистрант Белгородского государственного национального исследовательского университета.* E-mail: carmanchikova@yandex.ru

Микешин Игорь Михайлович, Финляндия, Хельсинки. *Доктор философии Хельсинского университета.*

Михель Ольга Вячеславовна, Германия, Гейльбронн. *PhD*, Гейльброннского университета. E-mail: omichel@stud.hs-heilbronn.de

Мчедлова Елена Мирановна, Россия, Москва. *Доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН*. E-mail: hmtchedlova@mail.ru

Никулина Наталья Николаевна, Россия, Белгород. *Кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой профессионального обучения и социально-педагогических дисциплин Белгородского Государственного аграрного университета им. В.Я. Горина*. E-mail: nikulina_n@bsu.edu.ru

Олейников Александр Алексеевич, Россия, Москва. *Доктор экономических наук, профессор, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. E-mail: 79261615147@yandex.ru

Писаревский Василий Геннадьевич, Россия, Москва. *Кандидат социологических наук, старший преподаватель, научный сотрудник информационно-аналитического центра факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. E-mail: wausily@yandex.ru

Поспелова София Валентиновна, Россия, Севастополь. *Кандидат философских наук, доцент, доцент Севастопольского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. E-mail: pospp7@yandex.ru

Пруцкова Елена Викторовна, Россия, Москва. *Научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», преподаватель кафедры философии религии и религиозных аспектов культуры богословского факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. E-mail: evprutskova@gmail.com

Пуль Татьяна Сергеевна, Россия, Белгород. *Социальный педагог, преподаватель православной культуры в ОГАПОУ «Белгородский машиностроительный техникум»*. E-mail: Lady.pul2014@yandex.ru

Радулович Лидия, Сербия, Белград. *Профессор Философского факультета Университета Белграда, Сербия*. E-mail: lradulov@f.bg.ac.rs

Редюхин Владислав Иванович, Россия, Белгород. *Заместитель директора международного центра «Профессиональное самоопределение и развитие»*. E-mail: reduhin@mail.ru

Реутов Николай Николаевич, Россия, Белгород. *Кандидат социологических наук, доцент, начальник управления по развитию персонала и кадровой работе Белгородского государственного национального исследовательского университета*. E-mail: reutov_n@bsu.edu.ru

Стоянович Воислав, Сербия, Белград. *Магистр религиоведения Университета Белграда, Сербия*. E-mail: zoran.kindjic@gmail.com

Сухоруков Виктор Викторович, Россия, Белгород. *Администратор портала «Социология религии»*. E-mail: verger@yandex.ru

Трофимов Сергей Викторович, Россия, Москва. *Кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии, заместитель декана социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*. E-mail: trophimov@socio.msu.ru

Уфимцева Екатерина Игоревна, Россия, Саратов. Кандидат социологических наук, доцент, доцент Саратовского государственного университета. E-mail: ufim75@mail.ru

Хашаева Светлана Владимировна, Россия, Белгород. Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: Hashaeva@bsu.edu.ru

Царева Дарья Сергеевна, Россия, Белгород. Студент направления подготовки «социология» Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: 953061@bsu.edu.ru

Шевченко Светлана Николаевна, Россия, Белгород. Кандидат философских наук, доцент кафедры профессионального обучения и социально-педагогических дисциплин Белгородского государственного аграрного университета им. В.Я. Горина. E-mail: nikulina_n@bsu.edu.ru

Шаповалова Инна Сергеевна, Россия, Белгород. Доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Шляхова Вера Дмитриевна, Россия, Белгород. Магистр богословия, психолог-педагог, арт-терапевт, музыкотерапевт. E-mail: valejnu@yandex.ru

Шмигирилова Лариса Николаевна, Россия, Белгород. Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, заместитель директора Института управления по международной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: shmigirilova@bsu.edu.ru